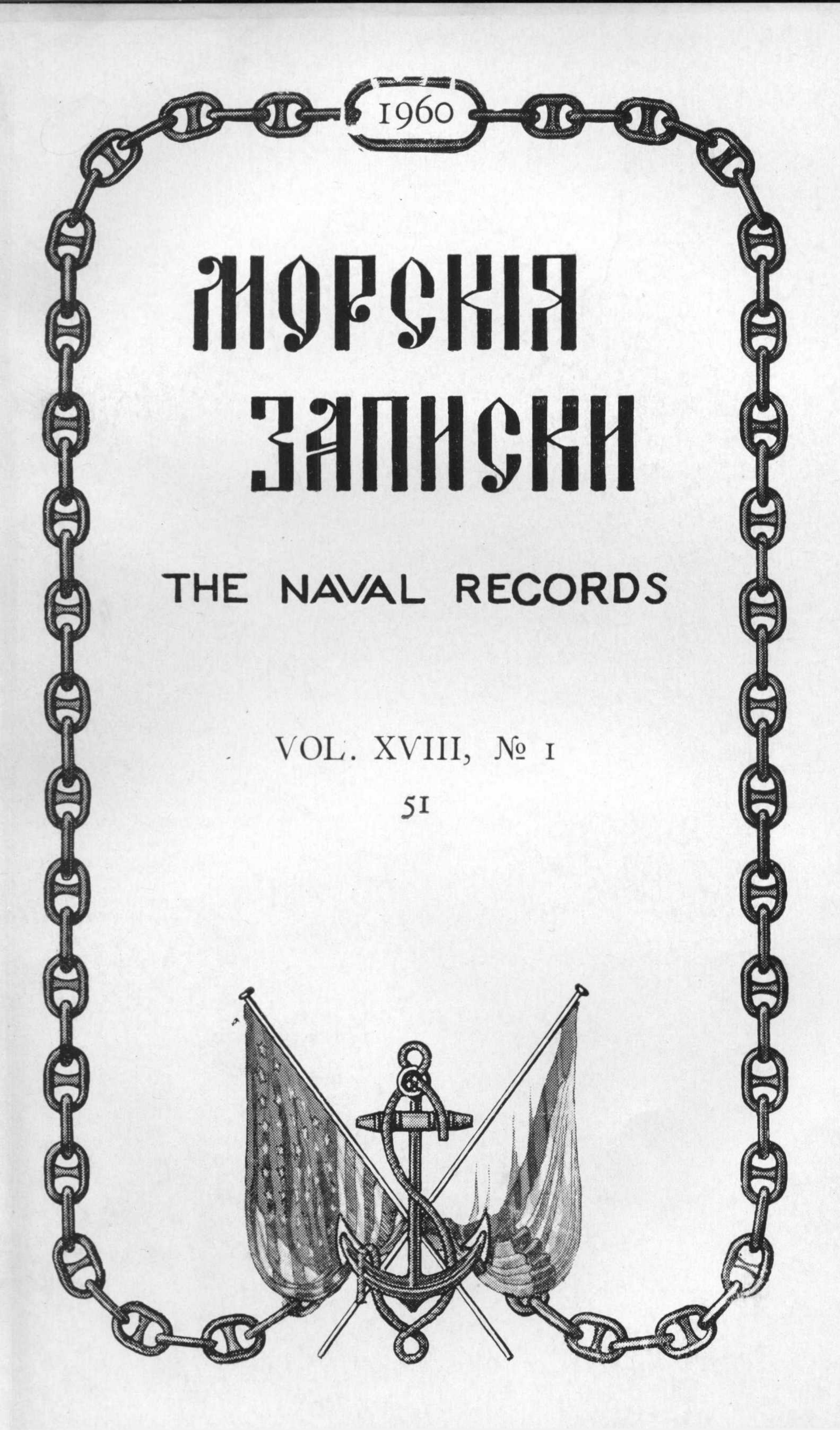

1960
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XVIII, № 1
51

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ

подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XVIII, № 1 (51) Price $ 3.00 yearly March 1960

СОДЕРЖАНІЕ:

CONTENTS:

ВЪ 1960 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ:

1710 — 250 - лѣтняя годовщина	Гвардейскаго Экипажа. **1710** — Команды Придворныхъ Гребцовъ, **1810** — Морской Гвардейскій Экипажъ.
1710 — 250 „ „	Взятіе крѣпости Выборгъ (война со Швеціей).
1810 — 150 „ „	Содѣйствіе Дунайской флотиліи арміи при осадѣ и блокадѣ Силистріи и Рущука. Сраженіе подъ Батинымъ. Взятіе крѣпости Сухумъ (война съ Турціей 1807-12).

Г. Н. Таубе.

Краткій историческій очеркъ морской пѣхоты въ Русскомъ Флотѣ

ЭКСПЕДИЦІЯ ВИЦЕ-АДМИРАЛА СЕНЯВИНА 1805-1809.

(Окончаніе)

Военная дѣятельность французовъ на югѣ Европы заставила русское правительство увеличить свои силы въ Средиземномъ морѣ и въ 1804 г. изъ Кронштадта была послана эскадра контръ-адмирала Грейга, состоявшая изъ кораблей: «Елена» и «Ретвизанъ» и 2-хъ фрегатовъ — «Венусъ» и «Автроилъ», прибывшихъ въ Корфу 11 января 1805 г. (1). На этой эскадрѣ находилось двѣ роты 1-го Морского полка. Въ сентябрѣ 1805 г. изъ Кронштадта была отправлена въ Средиземное море другая эскадра подъ командой вице-адмирала Сенявина, состоявшая изъ 5 кораблей: «Ярославъ», «Св. Петръ», «Москва», «Селафіилъ» и «Уріилъ» и фрегата «Кильдюинъ». На этой эскадрѣ отправились двѣ роты 1-го и двѣ роты 2-го Морского полка. Эскадра прибыла въ Корфу въ январѣ 1806 г. (2)

Въ началѣ февраля адмиралъ Сенявинъ послалъ отрядъ кап. I р. Белли изъ 3-хъ судовъ къ о-ву Курцоло для блокады Далматинскихъ береговъ. 16 февраля отрядъ прибылъ въ Кастель Ново, а 3 марта кап. 1 р. Белли овладѣлъ крѣпостью Курцола и прослѣдовалъ къ крѣпости Лезина. Въ пути 17-го февраля была захвачена въ плѣнъ французская шебека о 12

(1) — Арх. Мор. Мин., дѣла Мор. Мин. 1804, No. 545
(2) — Арх. Мор. Мин., дѣла адм. Сенявина No. 12

пушкахъ, названная «Азардъ». Подойдя къ крѣпости Лузина съ «Азова», шебеки «Азардъ», шхуны «Экспедиція» и брига «Летунъ» былъ высаженъ десантъ. 19-го и 20-го происходили упорные бои, и десантъ отъ 4-го Морского полка принужденъ былъ отступить. Въ десантѣ былъ убитъ 1 и ранено 17 солдатъ, попали въ плѣнъ 2 офицера и 34 солдата. 26 апрѣля французы атаковали крѣпость Курцола и взяли ее, а 15 мая, въ числѣ 3000 чел., заняли Рагузу. Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ рѣшилъ вытѣснить ихъ вооруженной силой и сосредоточилъ флотъ въ Катарской бухтѣ. Послѣ продолжительныхъ боевъ французы были отброшены въ Новую Рагузу. 6 іюня на о-въ Св. Марка былъ высаженъ десантъ изъ 600 чел. морскихъ полковъ и рота егерей. Предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ, хотя укрѣпленія о-ва были разрушены артиллерійскимъ огнемъ съ судовъ эскадры. Въ этомъ дѣлѣ было убито 11 и ранено 32 солдата 2-го Морского полка. Была сдѣлана еще попытка обложить Рагузу, но ввиду прибытія подкрѣпленій противника наши войска принуждены были снять осаду. Отступленіе, прикрываемое отрядомъ 2-го Морского полка, численностью въ 88 чел. при 2-хъ офицерахъ, было произведено въ полномъ порядкѣ.

31 августа 1806 г. изъ Ревеля былъ отправленъ въ Средиземное море батальонъ 3-го Морского полка на эскадрѣ подъ начальствомъ капитанъ-командора Игнатьева. Батальонъ былъ расписанъ по судамъ (3):

На кораблѣ		«Сильный»	офиц.	6,	ниж.	чин.	137
„	„	«Рафаилъ»	„	4,	„	„	114
„	„	«Мощный»	„	3,	„	„	109
„	„	«Твердый»	„	3,	„	„	111
„	„	«Скорый»	„	2,	„	„	108
„	фрегатѣ	«Легкій»	„	1,	„	„	54
„	„	«Флора»		-	„	„	32
„	шлюпѣ	«Шпицбергенъ»		-	„	„	33
„	„	«Стрѣла»		-	„	„	46
			офиц.	19,	ниж.	чин.	744

По прибытіи въ Адріатику, батальонъ поступилъ на сформированіе 2-го Морского полка.

(3) — Арх. Мср. Мин.. дѣла по воен. флоту 1806. No.No. 191 и 217.

Въ 1807 году фрегатъ «Флора», на которомъ находилось 33 чел. 3-го Морского полка, на пути въ Корфу разбился у береговъ Албаніи. Люди были свезены на берегъ, гдѣ они были объявлены плѣнными и отправлены въ Константинополь, гдѣ были закованы въ цѣпи, и около двухъ лѣтъ содержались въ мрачной тюрьмѣ.

Впослѣдствіи 11 чел. экипажа «Флоры» были найдены на турецкомъ суднѣ «Седъ-ель Бахаръ», взятомъ въ плѣнъ въ Афонскомъ сраженіи.

Заперевъ французовъ въ Старой Рагузѣ, Сенявинъ рѣшилъ отнять у нихъ острова, лежащіе у береговъ Далмаціи, и 29 ноября на разсвѣтѣ подошелъ къ о-ву Курцоло, вновь занятому французами, и въ 4-хъ верстахъ отъ крѣпости высадилъ десантъ изъ трехъ ротъ 2-го Морского полка, 6 ротъ 13-го и 14-го Егерскихъ полковъ и 150 черногорцевъ. Десантъ былъ раздѣленъ на три колонны. Подойдя къ редуту, находившіеся впереди егеря, а затѣмъ роты 2-го Морского полка пошли на штурмъ и ворвались въ редутъ. Все дѣло продолжалось полтора часа (4). На слѣдующій день крѣпость спустила флагъ и сдалась. Въ этомъ дѣлѣ въ 3-хъ ротахъ 2-го Морского полка находилось около 450 чел. Потери были: убитыми — офицеровъ 2 ,ниж. чин. 12, ранеными — офицеровъ 2, ниж. чин. 18 (5). 10 декабря десантъ отъ 2-го Морского полка въ 102 чел. взялъ батарею на о-вѣ Браццо.

Разрывъ съ турками положилъ конецъ дѣятельности адмирала Сенявина въ Адріатикѣ, и онъ съ главными силами поспѣшилъ въ Корфу. Въ это время 2-го Морского полка въ Средиземномъ морѣ числилось: офицеровъ — 48, ниж. чин. — 1 734. (6)

Для защиты Катарской области были оставлены отряды сухопутныхъ войскъ и отрядъ капитана - командора Баратынскаго (3 фрегата и 4 малыхъ судна), съ которыхъ 26 мая былъ высаженъ десантъ 5 ротъ, численностью въ 800 чел., вскорѣ возвратившійся на суда. 28 мая отрядъ подошелъ къ крѣпости Алисса и высадилъ тотъ же десантъ, который вступилъ въ бой съ французами. 31-го десантъ былъ принятъ на суда и отрядъ пошелъ къ г. Макарску, обстрѣливая по пути

(4) — Мельниковъ, Дневные записи.
(5) — Арх. Мор. Мин. дѣло ген. майора Широкова No. 59.
(6) — Тоже

берегъ, занятый непріятелемъ. 5 іюня отрядъ свезъ десантъ изъ 4 ротъ егерей, 2 ротъ Козловскаго и 2-го Морского полковъ. Въ теченіе послѣдующихъ дней на берегу происходилъ упорный бой. Подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ 1500 возставшихъ жителей были перевезены на о-въ Брацццо. 7 іюня десантъ возвратился на суда (7).

Вскорѣ было получено извѣщеніе о заключеніи Тильзитскаго мира, и въ серединѣ августа Баратынскій, сдавъ французамъ приморскія области, съ отрядомъ отправился въ Венецію.

ДѢЙСТВІЯ ВЪ АРХИПЕЛАГѢ.

10 февраля 1807 г. эскадра адмирала Сенявина вышла изъ Корфу и 23-го прибыла къ Дарданелламъ, гдѣ соединилась съ англійской эскадрой адмирала Дукворта, которая вскорѣ ушла. Послѣ ухода англичанъ адмиралъ Сенявинъ рѣшилъ взять о-въ Тенедосъ. 7 марта эскадра въ составѣ кораблей: «Твердый», «Сильный», «Рафаилъ», «Мощный», «Ярославъ» и «Ретвизанъ», фрегата «Венусъ» и шлюпа «Шпицбергенъ» подошла къ крѣпости на о-вѣ Тенедосъ и 8-го свезла десантъ въ 1550 чел. при 10 орудіяхъ и 6 фальконетахъ. Въ десантѣ находилось 6 1/2 ротъ 2-го Морского полка. Впереди шла рота капитана Жукова. Крѣпость сдалась 10 марта. Въ десантѣ было убито 2, ранено 6 офицеровъ и 73 чел. нижнихъ чиновъ и матросовъ (8). Одновременно со взятіемъ Тенедоса началась блокада Дарданеллъ.

3-го іюня часть флота (контръ-адмиралъ Грейгъ, — «Ретвизанъ», «Ярославъ», «Рафаилъ», «Уріилъ» и «Св. Евгеній») высадилъ десантъ въ 846 чел. подъ начальствомъ командира «Рафаила» кап. 1 ранга Лукина на о. Лемносъ. Въ составѣ десанта находилось 16 офицеровъ и 597 ниж. чин. 2-го Морского полка. Высадившись, десантъ двинулся къ крѣпости, разстояніе до которой было 30 верстъ. Послѣ перестрѣлки отрядъ провелъ на занятыхъ высотахъ ночь и на слѣдующій день былъ отозванъ на суда. Причиной возвращенія отряда было полученіе извѣстія о выходѣ турецкаго флота

(7) — Арх. Мор. Мин. дѣла адм. Сенявина No. 69 и 143.
Кротковъ, Повседневн. записи. стр. 138, 40, 43, 48, 58, 60, 67 и 71.
(8) — Кротковъ. Повседневныя записи, стр. 48.

изъ Дарданеллъ. Въ этомъ дѣлѣ 2-ой Морской полкъ потерялъ: убитыми 3, ранеными 11, безъ вѣсти пропавшими 6 ниж. чиновъ.

Турецкій флотъ дважды произвелъ нападенія на занятую русскимъ гарнизономъ крѣпость Тенедосъ, но оба раза былъ отбитъ. (9)

19 іюня 1807 г. произошло Афонское сраженіе, во время котораго на судахъ было убито 7 ниж. чин. и ранено 1 офицеръ и 37 ниж. чин. 2-го Морского полка.

Въ концѣ іюня укрѣпленія крѣпости Тенедосъ были разрушены, и русскій гарнизонъ принятъ на суда.

За дѣйствія противъ непріятеля въ Архипелагѣ 2-го Морского полка майоры: Повалишинъ, Кузьминъ, Федоровъ и капитанъ Семеновъ были награждены орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца 4-ой степени, многіе офицеры получили боевыя награды и 96 ниж. чин. были награждены знакомъ отличія Военнаго Ордена.(10)

* * *

Часть чиновъ 2-го Морского полка еще оставалась въ Средиземномъ морѣ, такъ какъ, по случаю разрыва съ Англіей, всѣ суда, оставшіяся въ Средиземномъ морѣ, вошли въ гавани Тріеста и Венеціи и въ сентябрѣ 1809 года были переданы французамъ. Экипажи этихъ судовъ сухимъ путемъ отправились въ Россію (11), и сборныя команды 2-го Морского полка прибыли изъ Венеціи и Тріеста въ Кронштадтъ 17 сентября 1810 года.

На эскадрѣ адм. Сенявина, блокировавшей Лиссабонъ, находилось 8 ротъ 2-го Морского полка, которыя были перевезены изъ Англіи въ Ригу, куда прибыли 15 сентября 1809 г. и оттуда отправлены въ Ревель.

Въ концѣ 1810 года заграницей оставалось только небольшая команда 2-го Морского полка въ 22 ниж. чина и 1 офицера на шлюпѣ «Шпицбергенъ». Послѣ продажи шлюпа французамъ, эта команда на англійскомъ транспортѣ возвратилась въ Россію въ 1812 году.

---

(9) — Т о ж е стр. 187.
(10) — Арх. Мор. Мин. дѣла адм. Сенявина No. 69 и 143.
(11) — Кротковъ. Повседневныя записи, стр. 408 и 409.

Для укомплектованія 2-го Морского полка были изъ 1-го и 3-го Морскихъ полковъ выдѣлены 200 рядовыхъ и 175 рекрутовъ. Въ мартѣ 1810 г. весь 2-ой Морской полкъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ.

Сформированный въ 1803 г. изъ Черноморскихъ батальоновъ, 4-ый Морской полкъ также принялъ участіе какъ въ войнѣ съ французами въ 1806-7 г. г., такъ и съ турками въ 1806-1812 г. г. Слѣдить за участіемъ въ дѣйствіяхъ противъ французовъ чиновъ 4-го Морского полка чрезвычайно трудно. Часть ихъ оставалась въ теченіе всей кампаніи на судахъ, бывшихъ въ Средиземномъ морѣ, такъ, напримѣръ, въ 1809 г. на судахъ отряда кап. 1р. Бычковского въ Тріестѣ находилась команда отъ 4-го Морского полка.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ 1806 - 1812.

Въ началѣ 1807 г. три роты 4-го Морского полка приняли участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ устьѣ Дуная. (12) Въ то же время эскадрѣ адмирала Пустошкина приказано было истребить Анапу, черезъ которую горцы получали помощь отъ турокъ. 8 апрѣля эскадра вышла изъ Севастополя. (13) На эскадрѣ находился 4-ый Морской полкъ въ составѣ: генералъ-майоръ 1, офицеровъ 44, ниж. чин. 1707. 24 апрѣля началась бомбардировка крѣпости, и былъ высаженъ гренадерскій батальонъ 4-го Морского полка съ нѣсколькими орудіями. Къ вечеру крѣпость была занята. Потери 4-го Морского полка были: убитыми — офицеровъ1, ниж. чин. 5, ранено ниж. чин. 15. 2 мая былъ высаженъ еще батальонъ 4-го Морского полка и вся полковая артиллерія. Все время до 4 мая горцы тревожили крѣпость нападеніями и перестрѣлками. Эскадра оставалась въ Анапѣ шесть дней, въ теченіе которыхъ укрѣпленія Анапы были разрушены до основанія. За отличіе при взятіи Анапы многіе офицеры 4-го Морского полка получили боевыя награды, а ниж. чины — знаки отличія Военнаго Ордена. 12 мая эскадра адм. Пустошкина возвратилась въ Севастополь и 24 мая въ составѣ 4 кораблей, 5 фрегатовъ и 24 транспортовъ направилась къ Трапезунду. На эскадрѣ

---

(12) — Арх. Мор. Мин. дѣла Департ. Морск. Мин. 1806 No. 4157.
(13 — Савейтовъ, адм. Пустошкинъ, стр. 24.

находился 4-ый Морской полкъ въ составѣ: генералъ-майоръ 1, офицеровъ 47 и ниж. чин. 1774 чел. Кромѣ того, на транспортахъ находилось еще 8.500 чел. сухопутныхъ войскъ. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ и тумана эскадра уклонилась къ Платанѣ и послѣ бомбардировки этого города, не будучи въ состояніи высадить десантъ изъ-за сильнаго волненія, возвратилась въ Феодосію.

Въ октябрѣ 1809 г. во время крейсерства около Варны, фрегаты «Назаретъ» и «Лилея», замѣтивъ нѣсколько небольшихъ турецкихъ судовъ, спустили катера и атаковали ихъ. 4 турецкихъ судна были сожжены и 3 захвачены въ плѣнъ. Трофеями были: 2 знамени и 87 плѣнныхъ. Въ этомъ дѣлѣ отличились 4-го Морского полка 2 офицера и 16 ниж. чин. (14)

ВЗЯТІЕ СУХУМЪ-КАЛЕ.

Въ 1810 г. отрядъ въ составѣ: корабля «Варахіилъ», фрегатовъ «Воинъ» и «Назаретъ» и 3-хъ мелкихъ судовъ подъ командой капитанъ-лейтенанта Доджа былъ посланъ для атаки Сухумъ-Кале. На судахъ отряда находилось 7 офицеровъ и 208 ниж. чин. 4-го Морского полка. Кромѣ того, для десанта на суда былъ посаженъ батальонъ 4-го Морского полка въ составѣ 15 офиц. и 642 ниж. чина при 2 орудіяхъ (15). 9 іюля отрядъ подошелъ къ Сухуму и открылъ огонь по крѣпости. Обстрѣлъ продолжался и слѣдующій день, когда вблизи были высажены три роты 4-го Морского полка. Подойдя къ крѣпости, десантъ былъ встрѣченъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Послѣ чрезвычайно упорнаго боя крѣпость сдалась. Потери Морского полка были тяжелыя: убитыми 1 офицеръ и 12 ниж. чин., ранеными 5 офицеровъ и 63 ниж. чина. При штурмѣ Сухумъ-Кале было убито 300 турокъ, взято въ плѣнъ 78, захвачено 8 знаменъ, 12 пушекъ и фальконеты. 3 офицера Морского полка получили боевыя награды и 16 ниж. чин. знаки отличія Военнаго Ордена. Послѣ взятія Сухумъ-Кале отрядъ кап.-лейт. Доджа возвратился въ Севастополь. Гарнизономъ въ Сухумъ-Кале были оставлены двѣ роты 4-го Морского полка при 6 офицерахъ

(14) — Арх. Мор. Мин. дѣла Департ. Морск. Мин. 1806 No. 4220.
(15) — Арх. Мор. Мин. дѣла Департ. Мор .Мин. No. 4243 и 4244.

и 208 ниж. чин. Эти двѣ роты оставались въ Сухумъ-Кале долго, до конца 1814 года, въ очень тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ и недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ.

Въ іюнѣ 1810 г. во время крейсерства судовъ «Крымъ», «Або» и «Панасея Апотоменгана» между Сухумомъ и Суджукъ-Кале происходили небольшія дѣйствія съ турецкими судами, въ которыхъ отличились 4-го Морского полка 1 офицеръ и 8 ниж. чин.

Въ концѣ іюня 1810 г. эскадра контръ-адмирала Сарычева вышла въ море. На ней находилось 4-го Морского полка 848 чел. 10 іюля турецкій флотъ показался въ виду Севастополя, а 26 іюля, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ эскадра адм. Сарычева возвратилась въ Севастополь. Въ началѣ авуста эскадра вторично вышла въ море. На эскадрѣ находилось 1468 чел. 4-го Морского полка. 17 августа эскадра встрѣтилась съ турецкимъ флотомъ, но послѣдній успѣлъ скрыться въ Босфорѣ. Послѣ этого эскадра возвратилась въ Севастополь.

НЕУДАЧНОЕ ПОКУШЕНІЕ НА ТРАПЕЗУНДЪ.

6 октября 1810 г. эскадра контръ-адмирала Сарычева вышла къ Трапезунду съ цѣлью овладѣть крѣпостью. На эскадрѣ находилось 4.000 десантныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ былъ 4-ый Морской полкъ въ составѣ: 1 генералъ-майора, 33 офицеровъ и 1608 ниж. чин. Подойдя къ Трапезунду, эскадра бомбардировала крѣпость, которая отвѣчала, но скоро замолчала. Тогда былъ высаженъ десантъ изъ охотниковъ: 200 чел. Морского полка, 100 чел. Егерскаго и Балаклавскаго греческаго батальона 20, всего 320 чел. Десантъ высадился на берегъ и турки обратились въ бѣгство, но затѣмъ произошло недоразумѣніе между командовавшими отдѣльными отрядами: одинъ изъ начальниковъ отряда, желая собрать своихъ людей, разсыпавшихся по разнымъ мѣстамъ, для возвращенія къ берегу, приказалъ бить «сборъ». По сигналу егеря, разсыпанные группами стали спѣшно возвращаться къ мѣсту сбора. Турки, увидѣвъ это, ободрились и, собравшись въ большомъ числѣ, до 3000 ч., ударили по разрозненному десанту. Одинъ отрядъ былъ окруженъ и, заклепавъ орудіе, сталъ пробиваться черезъ густую толпу турокъ къ берегу, но, достигнувъ его, не нашелъ тамъ

ни одного гребного судна. Другой отрядъ былъ почти совершенно уничтоженъ и командиръ его убитъ. Попытка высадки 2-го эшалона десанта была турками отбита. Сильнымъ огнемъ они потопили два барказа, и остальныя гребныя суда принуждены были возвратиться къ эскадрѣ. Въ этомъ несчастномъ дѣлѣ было убито 3 офицера и 47 ниж. чин. и раненъ 1 офицеръ и 23 ниж. чина 4-го Морского полка, помимо которыхъ убитыхъ и раненыхъ другихъ частей и флотскихъ командъ было 185 чел. Поведеніе чиновъ 4-го Морского полка во время боя было выше всякой похвалы. На собраніи военнаго совѣта было признано невозможнымъ овладѣть Трапезундомъ, и эскадра возвратилась въ Севастополь.

* * *

Лѣтомъ 1811 г. эскадра вице-адмирала Галла изъ 10 кораблей и 8 фрегатовъ крейсировала въ Черномъ морѣ. На судахъ эскадры находился 4-ый Морской полкъ въ составѣ: генералъ-майора 1, офицеровъ 41 и ниж. чин. 1427.

Въ томъ же году 24 іюля корабли «Марія» и «Анапа» взяли въ плѣнъ у Пендеракліи турецкій 40-пушечный фрегатъ «Мечубей-Суханъ» и 22-пушечный корветъ «Шаригъ Гирей». Въ этомъ дѣлѣ участвовали чины 4-го Морского полка.

Въ томъ же году 4-му Морскому полку была объявлена Монаршая благодарность за порядокъ, въ которомъ былъ найденъ полкъ при осмотрѣ адмираломъ маркизомъ де Траверсе.

* * *

Въ 1805 г. въ Каспійской флотиліи, изъ выдѣленной 3-мъ Морскимъ полкомъ части и существовавшихъ въ Каспіи морскихъ солдатъ, былъ сформированъ батальонъ Морской пѣхоты 4-хъ ротнаго состава, всего 14 офицеровъ и 400 ниж. чин., участвовавшій въ 1813 г. подъ командой капитана 1 ранга Веселаго въ кровопролитномъ штурмѣ крѣпости Ленкорань, при которомъ изъ общаго числа 1.500 русскихъ войскъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 950 чел. (16).

* * *

При объявленіи войны Франціи въ 1805 г. дѣятельность Балтійскаго флота началась перевозкой значительнаго десанта въ шведскую Померанію. Предполагалась сильная диверсія въ Сѣверную Германію, для чего англичане должны были

(16) — Веселаго. Краткая исторія русскаго флота, стр. 355.

высадить десантъ на берегахъ Эльбы и Везера, а соединенному корпусу изъ русскихъ и шведскихъ войскъ предстояло дѣйствовать со стороны шведской Помераніи. Для перевозки десантныхъ войскъ была назначена подъ начальствомъ адмирала Тета эскадра изъ 11 кораблей, 10 фрегатовъ и 8 мелкихъ судовъ, къ которымъ присоединялись около 100 купеческихъ. Въ составъ 18.000-го десантнаго корпуса подъ командой ген.-лейт. графа И. А. Толстого вошли слѣдующія части: 1-ый и 3-ій батальонъ 3-го Морского полка, Лейбъ-Кирасирскій Его Величества полкъ, Курляндскій драгунскій, Изюмскій гусарскій, 2 казачьихъ, лейбъ-казачья Уральская сотня, Павловскій и С.-Петербургскій гренадерскій, Бѣлозерскій, Рязанскій и Кексгольмскій мушкетерскіе и 1-ый и 20-ый Егерскіе полки.

* * *

Въ войну со Швеціей въ 1808-9 г.г. части 3-го Морского полка находились на судахъ Балтійской Эскадры адмирала Ханыкова и участвовали въ бою корабля «Всеволодъ» съ двумя англійскими кораблями. Во время боя на «Всеволодѣ» было убито 11 ниж. чин., ранено 10 и взято въ плѣнъ 3 офицера и 96 ниж. чин., которые тутъ же были возвращены обратно.

Въ 1809 г., при гибели фрегата «Поллуксъ» у о-ва Унасу 3-го Морского полка утонуло 27 ниж. чин., спаслись 2 офицера и 21 ниж. чин.

Въ 1804 г. Балтійскій флотъ былъ раздѣленъ на 3 дивизіи — бѣлаго, синяго и краснаго флага. Каждая дивизія раздѣлялась на бригады, которыя, въ свою очередь, дѣлились на экипажи 4-хъ ротнаго состава по 400 чел. въ каждомъ. Къ 1810 году въ Балтійскомъ морѣ были сформированы 52 корабельныхъ и 8 гребныхъ экипажей, въ Черномъ морѣ — 31 корабельный и 4 гребныхъ и въ Каспійскомъ морѣ — 3 корабельныхъ. На Камчаткѣ изъ всѣхъ морскихъ командъ формировалась «Экипажная рота». Подобная рота была сформирована и въ Охотскѣ. (17)

Въ книгѣ Ѳ. Веселаго: «Очеркъ Исторіи Морского Корпуса, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за сто лѣтъ —

(17) — Веселаго, Краткая исторія русскаго флота, стр. 390, 391.

съ 1752 по 1852 г.» отмѣчено, что въ 1802 г. въ Морскіе батальоны, а въ 1805 и 1806 г. г. въ Морскіе полки были выпущены:

		1802.	1805.	1806.
Въ Морскіе батальоны :	прапор.	6 кадетъ		
Въ 1-ый Морской полкъ:	подпор.		3 гард.	
	прапор.		2 "	1 гард.
Во 2-ой Морской полкъ :	подпор.		6 "	
	прапор.		1 "	2 "
Въ 3-ій Морской полкъ:	прапор.		6 "	

Помимо этого, въ 1798, 1799 и 1801 г.г. изъ Морского Корпуса были выпущены «въ армейскіе подпоручики» и «армейскіе прапорщики» 111 гардемаринъ и кадетъ. Весьма вѣроятно, что эти офицеры выходили въ Морскіе батальоны, но никакихъ указаній на это Ѳ. Веселаго не даетъ.

Въ той же книгѣ отмѣчено, что въ 1811 г. для обученія воспитанниковъ Морского Корпуса строю посылались туда унтеръ-офицеры Морскихъ полковъ.

* * *

Уже въ 1810 году начали высказываться мнѣнія объ упраздненіи морской пѣхоты. Это мнѣніе основывалось, главнымъ образомъ, изъ заключеній, выведенныхъ изъ разбора совмѣстныхъ дѣйствій на берегу матросовъ и морскихъ солдатъ. Первые, при нѣкоторой подготовкѣ, вполнѣ успѣшно замѣняли солдатъ на берегу, что неоднократно подтверждалось въ многочисленныхъ дѣйствіяхъ судовыхъ десантовъ во время кампаній 1799-1810 г.г. въ Средиземномъ морѣ на эскадрахъ Сенявина, Ушакова и другихъ. Морскіе же солдаты, находясь на судахъ, хотя и пріучались нѣсколько морскому дѣлу, но все-таки въ экипажѣ кораблей дѣятельность ихъ была весьма ограничена. Къ тому же, вслѣдствіе присутствія морскихъ полковъ на сушѣ и корабляхъ, на фронтовую службу обращали мало вниманія и даже укоренилось сужденіе, что эта служба не нужна и какъ бы унизительна для морскихъ командъ.

Обученіе фронтовой службѣ на флотѣ началось при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ и было доведено до образцоваго состоянія во время царствованія Императора Николая 1-го. Исторія показываетъ, что это время было одной изъ славнѣйшихъ эпохъ нашего флота, и можно заключить, что

строевая служба, внесшая дисциплину и порядокъ, содѣйствовала этому.

Все это привело къ тому, что въ началѣ царствованія Александра I-го во флотѣ была введена строевая береговая служба и впервые появился уставъ таковой. По судовымъ расписаніямъ 20 проц. команды выдѣлялось для десанта и называлаось «десантной партіей».

Отечественная война вызвала на поле брани и морскіе полки. Они были причислены (кромѣ Гвардейскаго Экипажа, бывшаго при Гвардейской дивизіи) къ 25 пехотной дивизіи, а артиллерійская бригада полковъ была причислена къ 25-ой легкой артиллерійской бригадѣ.

Состоя во время кампаніи въ распоряженіи Военнаго Вѣдомства, морскіе полки получали содержаніе отъ Морского Вѣдомства.

Въ началѣ 1812 г. 1-ый Морской полкъ несъ караулы въ Петербургѣ. Осенью онъ находился въ арміи ген. графа Витгенштейна и затѣмъ участвовалъ въ осадѣ Данцига.

2-ой Морской полкъ по возвращеніи изъ Средиземнаго моря былъ расквартированъ въ Кронштадтѣ. Въ полку состояло на лицо: офицеровъ 48, ниж. чин. — 1986. Въ январѣ 1811 г. полкъ былъ причисленъ къ 25-ой дивизіи, въ 1812 г. находился въ Петербургѣ, а въ сентябрѣ вошелъ въ составъ отряда князя Волконскаго (18). Въ ноябрѣ полкъ находился въ Осташково въ составѣ 46 офицеровъ и 1739 ниж. чин., а затѣмъ вошелъ въ составъ арміи графа Витгенштейна, переходилъ затѣмъ въ составъ различныхъ корпусовъ и принималъ участіе во взятіи крѣпости Пиллау и входилъ въ составъ блокаднаго корпуса, принималъ участіе въ атакахъ непріятельскихъ укрѣпленій и блокадѣ крѣпости Данцигъ вплоть до ея капитуляціи въ ноябрѣ 1813 г. Во время блокады положеніе войскъ было чрезвычайно тяжелое вслѣдствіе плохого размѣщенія, недостатка провіанта и болѣзней. Въ январѣ 1814 г. въ строю 2-го Морского полка находилось: офицеровъ 4, ниж. чин. 942. Въ то же время больныхъ числилось: офицеровъ 19, ниж. чин. 700. Послѣ паденія Данцига полкъ былъ переведенъ въ герцогство Варшавское и укомплектованъ до 3362 чел.

---

(18) — Арх. Мор. Мин. Высоч. повелѣнія No. 112.

3-ій Морской полкъ въ 1811 г. занималъ караулы въ Кронштадтѣ, чередуясь съ 1-ымъ и 2-ымъ полкомъ. Въ 1812 г. весной полкъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ былъ привлеченъ къ обученію петербургскаго ополченія, а лѣтомъ 2 батальона 3-го полка поступили на сформированіе трехъ новыхъ полковъ.

Перемѣщеніе морскихъ полковъ въ составъ сухопутныхъ дивизій и ихъ служба наравнѣ съ пѣхотными полками послужили началомъ отчужденія ихъ отъ Морского Вѣдомства.

Высочайшимъ приказомъ отъ 17 марта 1813 года морскіе полки были отчислены отъ флота и переданы въ вѣденіе Военнаго Министерства. (19)

Первые три полка вошли въ составъ 25-ой пѣхотной дивизіи, а 4-ый полкъ въ составъ вновь сформированной 28-ой пѣхотной дивизіи.

Въ 1818 году съ переходомъ 4-го Морского полка изъ Тирасполя въ Валкъ всѣ четыре морскихъ полка оказались въ 25-ой пѣх. дивизіи и составили первые двѣ бригады. Артиллерійскія полуроты были причислены къ 25-ой легкой артиллерійской бригадѣ. Въ томъ же году морскимъ полкамъ были пожалованы новыя знамена.

При передачѣ морскихъ полковъ въ Военно-сухопутное вѣдомство они имѣли какъ составъ, такъ и обмундированіе и вооруженіе, какъ и полки мушкетерскіе съ той только разницей, что у нихъ воротники, обшлага, обкладка фалдъ и подбой мундира вмѣсто красныхъ, и панталоны вмѣсто бѣлыхъ были темнозеленые съ бѣлой выпушкой, которая находилась и на нарукавныхъ клапанахъ. Фуражки были съ темнозеленымъ околышемъ, погоны перваго полка были красные съ № 25, второго — бѣлые, третьего — желтые съ тѣми же номерами, а въ четвертомъ полку темнозеленые съ красной выпушкой и съ № 28 (20)

Въ 1815 г. въ сотавѣ 25 пѣх. див. первые три морскихъ полка были двинуты къ границамъ Франціи, но такъ какъ война была уже рѣшена побѣдой союзниковъ при Ватерлоо, полки, дойдя до Дрездена, выступили въ обратный походъ въ Россію.

---

(19) — Арх. Мор. Мин. Высоч. повелѣнія No. 107, л. 10-144.
(20) — Арх. Мор. Мин. Опись дѣлъ 3-го Морского полка No. 171.

Въ періодъ отъ 1815 до 1819 г. морскіе полки перебрасывались съ мѣста на мѣсто. Такъ, 2-ой полкъ въ 1816 г. находился въ Минскѣ, въ 1817 г. занималъ караулы въ Ригѣ и Динабургѣ; 3-ій полкъ въ періодъ 1816 - 18 гг. переходилъ изъ Риги въ Ревель, Валкъ и Дерптъ; 4-ый полкъ до 1818 г. находился въ Тирасполѣ. Въ началѣ сентября этого года Воронежскій пѣх. полкъ, находившійся въ 25-ой пѣх. дивизіи былъ выдѣленъ въ 13-ую, откуда взамѣнъ его поступилъ 4-ый Морской полкъ (20-А). Какъ было упомянуто выше, всѣ четыре полка въ 1818 г. были окончательно собраны въ Валкѣ.

Въ январѣ 1819 г. послѣдовало повелѣніе о назначеніи вторыхъ батальоновъ отъ всѣхъ четырехъ полковъ въ округа военныхъ поселеній. За выдѣленіемъ 2-ыхъ батальоновъ въ полкахъ осталось по два батальона (1-ый и 3-ій).

Въ январѣ 1820 г. 7-ая рота 2-го Морского полка поступила на укомплектованіе 8-го Егерскаго, а 7-ая рота 4-го Морского полка — на укомплектованіе 9-го Егерскаго полка. Въ маѣ 1820 г. 25-ая пѣх. дивизія была переименована въ 1-ую пѣх. дивизію (21). Дивизія состояла изъ трехъ бригадъ: 1-ая — 1-ый и 2-ой Морскіе полки, 2-ая — 3-ій и 4-ый Морскіе полки,3-я — 1-ый и 2-ой Егерскіе полки. Одновременно былъ измѣненъ цвѣтъ погонъ на мундирахъ: во 2-омъ полку — бѣлые, въ 3-емъ — свѣтлосиніе и въ 4-омъ — зеленые (22). Въ маѣ 1824 г. вся 1-ая пѣх. дивизія находилась у крѣпости Динабургъ на инженерныхъ работахъ, по окончаніи которыхъ возвратилась въ Гапсаль.

Въ 1823 году морскіе полки усиленно обучались усвоенію новыхъ правилъ обученія ниж. чин., главнымъ образомъ касавшихся маршировки. Насколько этому придавалось значенія, видно изъ отрывковъ одного донесенія, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: по новому тихій шагъ раздѣленъ на пять частей, коими оный расчлененъ въ естественныя свои части, скорый на два разряда, но такъ какъ тотъ, такъ и другой служатъ, безъ сомнѣнія, превосходнымъ способомъ физической развязки людей, слѣдовательно, къ весьма хоро-

(20-А) — Висковатовъ, Ист. опис. обмунд. и вооруж. частей 10.
(21) — Висковатовъ, часть 10, стр. 88.
(22) — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. III No. 543.
(22) — Пузыревскій, 35.

ФОРМА ОДЕЖДЫ МОРСКИХЪ ПОЛКОВЪ.

Гренадеръ 1817 — 1826.

Рядовой и Оберъ-офицеръ 1812 — 1817.

Штабъ-офицеръ и оберъ-офицеръ 1826 — 1828.

Унтеръ-офицеры 1826 — 1828

шему образованію ихъ для всяческаго движенія вообще» (22А)

Въ 1826 г. въ арміи было измѣнено обмундированіе, которое распространилось и на морскіе полки съ той только разницей, что, присвоенныя морскимъ полкамъ, выпушки остались бѣлыми.

Въ 1828 г. была измѣнена форма киверовъ, которые, по новому, представляли собой форму усѣченнаго конуса широкой стороной къ верху; на киверѣ находился гербъ изъ желтой мѣди, изображающій собой двуглаваго орла. Кромѣ того, всѣмъ строевымъ чинамъ были даны на кивера круглые полтоны: офицерамъ серебряные, а нижнимъ чинамъ шерстяные.

Въ промежутокъ между 1826 и 1830 г. морскіе полки переходили на различныя стоянки, а въ лѣтніе мѣсяцы ежегодно находились на земляныхъ работахъ по прорытію Виндавскаго канала, продолжавшихся съ перерывами каждое лѣто до 1830 г.

Весной 1828 г. полки выдѣлили на укомплектованіе полковъ 2-ой арміи по 250 ниж. чин.

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНІЯ 1830 - 1831 . *)

17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе. Заговорщики имѣли цѣлью обезоружить русскія войска, квартировавшія въ Варшавѣ, захватить арсеналъ и умертвить Великаго Князя Константина Павловича. Однако, эти замыслы не удались, такъ какъ не всѣ польскія войска присоединились къ возставшимъ.

Извѣстіе о возстаніи достигло Петербурга только 25 ноября, и въ тотъ же день 1-ая пѣх. дивизія была направлена въ Бѣлостокскую область

(22-А) — Морск. Арх. Гл. Шт. Канц. Гл. Шт. No. 170.

***) — Описаніе военныхъ дѣйствій во время Польской кампаніи не входитъ въ предѣлы настоящаго очерка и приводится только посколько они связаны съ боевой дѣятельностью морскихъ полковъ. Г. Т.**

Въ составъ 1-ой Пѣхотной дивизіи входили:

1-ая бригада	1-ый Морской полкъ 2-ой " "	г. м. Мандерштернъ
2-ая бригада	3-ій " " 4-ый " "	г. м. Петерсонъ
3-я бригада	1-ый Егерскій полкъ 2-ой " "	г. м. Афросимовъ
1-ая арт. бриг.	Батарейная рота № 1 Легкая № 2 Легкая № 3 (по 12 орудій)	полк. Потемкинъ

Переходъ къ границѣ былъ очень тяжелый вслѣдствіе внезапно наступившей оттепели и послѣдовавшаго мороза, доходившаго до 20 гр., затруднившихъ доставку продовольствія.

Въ концѣ января 1831 г., при переходѣ дивизіи черезъ границу въ морскихъ полкахъ состояло:

	1-ый	2-ой	3-ій	4-ый
Офицеровъ:	34	36	33	29
Нижнихъ чиновъ:	1777	1596	1801	1741

Черезъ нѣсколько дней послѣ перехода границы морскіе полки уже вступили въ бой. 3-ій и 4-ый Морскіе полки, присоединенные къ отряду ген. Шахова, въ сраженіи у корчмы Вавры 7/19 (23) февраля были атакованы польской кавалеріей и отбили ее батальнымъ огнемъ съ большими для нея потерями. Морскіе полки потеряли убитыми 10 и ранеными 29 ниж. чин.

Въ сраженіи при Бялоленко 12/24 февраля, подходя къ позиціи непріятеля, 1-му и 2-му Морскому полку было при-

(23) — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. II, 3.101.

казано наступать на мѣстечко. Ворвавшись въ селеніе, они были отброшены подоспѣвщими поляками. Бывшіе въ резервѣ Суворовскій гренадерскій полкъ и батальонъ 5-го Карабинерскаго полка поддержали морскіе полки и отбросили поляковъ изъ Бялоленки.

Этотъ бой привелъ къ преждевременному сраженію подъ Гроховымъ (24) 13/25 февраля, въ которомъ приняли участіе 3-ій и 4-ый Морскіе полки. Потери непріятеля были до 12 тысячъ, русскія — до 9.400 чел. Морскіе полки потеряли за три дня боевъ убитыми 8, пропавшими безъ вѣсти 30 и ранеными 36. Такими незначительными потерями полки, находившіеся все время въ передовой линіи и участвовавшіе въ штыковыхъ атакахъ, всецѣло обязаны были дѣйствію артиллеріи 1-го Корпуса.

За сраженіе на Гроховскихъ поляхъ 7, 8 и 13 февраля офицеры морскихъ полковъ получили боевыя награды, а нижніе чины — знаки отличія Военнаго Ордена.

Въ теченіе февраля и марта 1-ый корпусъ, въ которомъ находились морскіе полки, произвелъ рядъ передвиженій, причемъ мокрые и холодные биваки выводили изъ строя много заболѣвшихъ. Эпидемія холеры, начавшаяся весной 1831 г. и быстро распространившаяся въ войскахъ, коснулась также и морскихъ полковъ, которые ежедневно теряли около 20 чел. умершими и по 40 заболѣвшими.

Такъ, къ 4-му апрѣля списочный составъ 3-го Морского полка упалъ съ 1103 до 880 чел., а къ 12 апрѣля составъ 2-го полка былъ 990 чел., а 4-го — 1117 чел. Тѣмъ не менѣе полки сохраняли 2-хъ батальонный составъ.

Въ началѣ апрѣля наша армія перешла въ наступленіе въ районѣ Минска, и когда подошли главныя силы, то 3-ій и 4-ый Морскіе полки повели наступленіе на лѣвый флангъ противника, имѣя въ резервѣ 1-ый и 2-ой Морскіе и 1-ый и 2-ой Егерскіе полки.

Морскіе полки участвовали въ дѣлѣ при Куфлевѣ и въ сраженіяхъ при Барченцѣ и Минскѣ 13 и 14 апрѣля. Подъ Минскомъ морскіе полки были атакованы польской кавалеріей, которая, съ большимъ урономъ, была отбита залповой

(24) — Обозр. войнъ II, 441 - 444.

стрѣльбой. Противникъ отступилъ къ Минску, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ укрѣпиться на позиціи, 3-ій и 4-ый Морскіе полки двинулись на приступъ, ворвались въ городъ и заставили непріятеля отступить. Потери противника были весьма значительны.

3-ій Морской полкъ въ дѣлѣ 13 и 14 апрѣля потерялъ 44 ниж. чин. убитыми, 10 безъ вѣсти пропавшими, ранеными — офицеровъ 5, ниж. чин. — 59. Получили боевые награды 16 офицеровъ, а 42 ниж. чина — знаки отличія Военнаго Ордена.

17 апрѣля авангардный отрядъ г. м. Мандерштерна занялъ переправу черезъ рѣку Костринъ частями морскихъ полковъ, а 30-го апрѣля, въ составѣ того же отряда, 1-ый и 2-ой Морскіе полки участвовали въ перестрѣлкѣ у Ендржеева. 2-ой Морской полкъ былъ посланъ въ атаку, но стрѣлки 2-го полка были принуждены остановиться передъ скрывшимся въ лѣсу противникомъ. Тогда командиръ полка ген.-майоръ Лидерсъ приказалъ полку взять ружья на-руку и съ барабаннымъ боемъ и криками «ура»! повелъ его въ штыки. Послѣ отчаяннаго сопротивленія непріятель былъ опрокинутъ; три раза онъ перестраивалъ свою боевую линію, и всѣ три раза былъ опрокинутъ и, наконецъ, выброшенъ изъ лѣса. Полкъ преслѣдовалъ противника до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ вида. Въ этомъ дѣлѣ полкъ потерялъ убитыми 1-го офицера и 22 ниж. чин. и ранеными — 2-хъ офицеровъ и 139 ниж. чин. 8 мая 1-я дивизія двинулась къ Венгрову. 1-ый и 2-ой полкъ были отдѣлены отъ корпуса и 11 мая участвовали въ сраженіи при Раціонзѣ, а 3-ій и 4-ый полки перешли на правый берегъ Нарева и 14/26 мая были атакованы превосходными силами поляковъ въ бою у Остроленки, въ которомъ неоднократно ходили въ штыковыя атаки и нѣсколько разъ подвергались нападеніямъ польской кавалеріи. Въ этомъ бою потери морскихъ полковъ были очень тяжелыя: командиры 3-го (полковникъ Н. Я. Сафоновъ) и 4-го полка были убиты, кромѣ того, въ бою подъ Остроленко въ 3-мъ полку было убито офиц. 4, ниж. чин. 133, ранено офиц. 18, ниж. чин. 326, пропавшихъ безъ вѣсти 145 ниж. чин; въ 4-мъ полку: убито офиц. 1, ниж. чин. 71, ранено офиц. 21, ниж. чин. 286.

Несмотря на тяжелыя потери, морскіе полки перешли въ наступленіе, отразивъ всѣ атаки противника. Въ 7 час. бой

закончился, и польская армія въ безпорядкѣ отошла къ Варшавѣ.

Получили боевыя награды: 3-го Морского полка: офиц. 21, произведено въ офицеры 12, награждены знаками отличія Военнаго ордена 34 ниж. чина (25).

Сраженіе при Остроленко было замѣчательно тѣмъ, что 25.000 польскихъ войскъ при содѣйствіи кавалеріи въ теченіе дня разбивались о стойкость 14.500 чел. нашихъ войскъ, перешедшихъ Наревъ. Потери непріятеля доходили до 255 офиц. и 9.000 ниж. чин., въ томъ числѣ 2.100 плѣнныхъ.

Въ этомъ бою морскіе полки потеряли до 2/3 своего состава и послѣ боя были приведены въ составъ одного батальона, въ которомъ и оставались до конца кампаніи.

23 іюня 3-ій Морской полкъ въ составѣ Особаго Отряда ген.-майора Лидерсъ былъ командированъ къ прусской границѣ, а 4-ый полкъ принялъ участіе въ устройствѣ переправы черезъ Вислу.

6-го августа началось обложеніе Варшавы, а 24-го августа 3-ій и 4-ый полки выступили къ ней. Въ строю 3-го полка было около 500, а въ строю 4-го полка находилось 390 чел.

Согласно волѣ Государя, полякамъ было предложено покориться на условіи прощенія всѣмъ возставшимъ. Въ отвѣтъ Сеймъ заявилъ, что поляки вооружились съ цѣлью возстановленія отечества въ древнихъ предѣлахъ (26). Такимъ образомъ, штурмъ являлся необходимымъ.

Варшава защищалась множествомъ укрѣпленій, образовывавшихъ три концентрическихъ круга. Сильнѣйшимъ веркомъ первой линіи были укрѣпленія Воли. Для вооруженія верковъ, кромѣ полевыхъ орудій, было употреблено болѣе 130 крѣпостныхъ (27).

24 авг. войскамъ была разослана диспозиція, которая начиналась словами: «25-е число, съ помощью Всевышняго, назначается для приступа Варшавы со стороны Воли и между Волей и Раковицемъ . . .»

---

(25) — Источниковъ, указывающихъ боевыя награды, полученныя чинами 4-го Морского полка за бой при Остроленко 14-26 мая 1831, найти не удалось. Г. Т.
(26) — Обзоръ войнъ II, 539-542, 547, 549.
(27) — Тоже II, 548, 549.

1-ый пѣх. корпусъ, силой 11.400 чел. при 70 орудіяхъ, былъ назначенъ для атаки Воли и ближайшихъ укрѣпленій. 3-ій и 4-ый Морскіе полки находились во главѣ штурмовой колонны. Въ 5 час. утра артиллерія открыла жестокую канонаду, и назначенныя войска двинулись на штурмъ (28). Правая штурмовая колонна — батальоны 3-го и 4-го Морского полка и полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ Л. Гв. Преображенскаго полка, — несмотря на сильнѣйшій картечный, ружейный и ракетный огонь, быстро, безъ выстрѣла, бросились на валъ и заняли укрѣпленіе. Слѣдующимъ былъ штурмъ укрѣпленій Воли, которыя были взяты, несмотря на отчаянное сопротивленіе поляковъ. Большая часть защитниковъ, съ храбрымъ начальникомъ гарнизона генераломъ Савинскимъ, убитымъ во время заключительной рукопашной схватки, была истреблена. При этомъ штурмѣ было взято плѣнными 30 офицеровъ, 1.200 ниж. чин. и 13 орудій. (28)

На слѣдующій день 3-ій и 4-ый полки составили резервъ войскъ, назначенныхъ для штурма второй линіи укрѣпленій. Послѣ 3-хъ часового упорнаго боя городской валъ перешелъ въ руки русскихъ. Ночью польскія войска отошли, и 27 августа русская армія вступила въ Варшаву.

Общія потери русскихъ въ двухдневный штурмъ доходили до 10.500 чел.

Въ своемъ рапортѣ Государю Императору фельдмаршалъ графъ Паскевичъ пишетъ: «Полки, едва рекрутами пополненные, нигдѣ не уступали мужеству посѣдѣвшимъ въ бою гренадерамъ и храбрымъ морскимъ полкамъ...»

Въ своемъ рапортѣ отъ 26 августа ген. майоръ Лидерсъ доноситъ: «Во все продолженіе двухдневныхъ знаменитыхъ приступовъ, войска показали въ высшей степени все, что неустрашимость, военный порядокъ и блистательный порывъ могутъ соединить въ себѣ примѣчательнаго. Нѣкоторые цѣной жизни и крови пріобрѣли право быть въ ряду храбрѣйшихъ. Командиръ 3-го Морского полка, подполковникъ Шлотгауеръ... пали, ведя своихъ храбрыхъ къ несомнѣнной съ ними побѣдѣ (30). Оставляя до подробной реляціи описаніе частныхъ дѣйствій всѣхъ войскъ, имѣю честь при-

(28) — Обзоръ войнъ II, 549, 550.
(29) — Воен. уч. Гл. Шт. II, 3.101
(30) — Т о ж е.

совокупить, что изъ всѣхъ полковъ, вообще отлично дравшихся, 3-ій и 4-ый Морскіе полки и полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ составляли голову колонны и, воодушевляясь примѣрами и храбростью полковника Ростовцева, подполковника Шлотгауера и Самарина (изъ коихъ первый тяжело раненъ а послѣдній контуженъ), оказали особенную непоколебимую храбрость и мужество, заслуживающую вниманіе высшаг начальства» (31).

Морскіе полки при взятіи Варшавы служили примѣромъ доблести. Этотъ примѣръ стоилъ дорого: въ первый день штурма 3-ій Морской полкъ потерялъ тяжело раненымъ командира полка подполковника Якова Федоровича Шлотгауера, скончавшагося отъ полученныхъ ранъ на другой день. Вступая въ бой полкъ имѣлъ въ своихъ рядахъ 12 офицеровъ и 421 ниж. чин. и за два дня штурма потерялъ убитыми 3 офиц. и 38 ниж. чин. и ранеными 8 офиц. и 85 ниж. чин. Въ 4-омъ полку было убито офиц. 4, ранено 13, ниж. чин. убито 40 ранено 115, и послѣ боя на лицо въ полку было всего 258 чел. Въ числѣ раненыхъ находился командиръ полка подполковникъ Василій Михайловичъ Самаринъ, награжденный за это дѣло орденомъ Св. Георгія 4-й степени. 3-го полка шт. кап. Геммельманъ 2-й и поручикъ 4-го полка Димитрій Михайловичъ Шоринъ удостоились той же награды (32). 15 офицеровъ получили боевыя награды и 31 ниж. чинъ знаки отличія Военнаго Ордена (33).

Кромѣ того, всѣ чины, участвовавшіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ царствѣ Польскомъ, были награждены польскимъ знакомъ «За военныя отличія», а участвовавшіе въ штурмѣ и находившіеся въ дѣйствительномъ огнѣ были пожалованы сверхъ того, особыми серебряными медалями, на лицевой сторонѣ которыхъ былъ изображенъ двуглавый орелъ и подъ нимъ надпись: «Польза, Честь и Слава», а на оборотной сторонѣ — крестъ въ сіяніи, и подъ нимъ, въ лавровомъ вѣнкѣ, надпись: «За взятіе приступомъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 года». Лента къ знаку отличія и медали — полосатая изъ синихъ и черныхъ полосъ (34).

---

(31) — Воен. уч. Арх. Гл. Шт. 3108 — Рапортъ г. м. Лидерса отъ 26 авг. No. 62.

(32) — Очеркъ ордена С. В. и П. Георгія, изд. 1869 г.

(33) — Источниковъ, указывающихъ боевыя награды, полученныя чинами 4-го Морского полка за взятіе приступомъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 г., найти не удалось. Г. Т.

(34) — Обзоръ войнъ II, 559 - 560. Воен. уч. Арх. Гл. Шт. П - 3.101.

Крѣпость Модлинъ сдалась 26 сентября, Замостье 9 октября и этимъ актомъ закончилась восьмимѣсячная жестокая борьба.

6-го декабря 1831 г. «въ ознаменованіе подвиговъ и отличной храбрости, оказанной въ продолженіи войны съ польскими мятежниками», 3-му и 4-му Морскому полку были пожалованы Георгіевскія знамена съ надписью: «За взятіе Варшавы 25 и 26 августа 1831 г.» (Крестъ зеленый, углы бѣлые).

Резервные батальоны морскихъ полковъ, въ началѣ 1831 г. находившихся въ округахъ военныхъ поселеній и переведенныхъ въ началѣ войны въ Петербургъ, были двинуты на защиту границъ Курляндіи. Ко времени открытія военныхъ дѣйствій по спискамъ въ резервномъ батальонѣ 3-го Морского полка числилось: офицеровъ 12, ниж. чин. 269.

Для подавленія возстанія въ Литвѣ были назначены среди другихъ частей, резервные батальоны морскихъ полковъ. Войска, находившіеся въ предѣлахъ Виленской губерніи, не избѣгли общаго внутренняго врага — холеры, отъ которой пострадали и резервные батальоны морскихъ полковъ.

21 іюня 1831 г. отрядъ полковника Крюкова, въ который входили резервные батальоны 3-го и 4-го Морскихъ полковъ, принялъ участіе въ овладѣніи Шавлями, а 25 и 26 — въ отбитіи нападенія на этотъ городъ соединенныхъ польскихъ отрядовъ. Непріятель въ числѣ 15000 окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ, и отрядъ полк. Крюкова оказался отрѣзаннымъ отъ всѣхъ русскихъ войскъ. Чрезвычайно упорное и кровопролитное сраженіе продолжалось два дня. Жаркій рукопашный бой происходилъ на площади города, но каждый разъ врагъ отбрасывался назадъ. На второй день бой продолжался 10 часовъ; поляки потеряли около 4000 убитыми и ранеными и 400 чел. плѣнными. Въ русскомъ отрядѣ выбыло изъ строя 15 офицеровъ и 500 ниж. чин. Въ резервномъ батальонѣ 3-го Морского полка потери были 15 чел. раненыхъ. За отличие 7 офицеровъ получили боевыя награды и 15 ниж. чин. знаки отличія Военнаго Ордена. Простоявъ въ Шавляхъ до 3 августа, резервный батальонъ былъ переведенъ въ Ригу, а въ въ концѣ года возвращенъ въ округъ № 3 пахотныхъ солдатъ Новгородской губерніи. Дѣйствующіе же батальоны оставались на квартирахъ въ Цехановѣ до начала слѣдующаго года. Всѣ чины, участвовавшие въ сраженіяхъ въ предѣлахъ

Царства Польскаго, были награждены польскими знаками за военное достоинство.

По умиротвореніи Польши морскіе полки возвратились на свои прежнія квартиры.

Въ октябрѣ 1832 г. въ составѣ 3-го Морского полка числилось: офицеровъ 77, ун. оф. 230, музык. 107, ниж. чин. 2072, рекрутъ 439. Полкъ стоялъ въ томъ же расположеніи около Риги.

Въ январѣ 1833 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о преобразованіи пѣхоты, коснувшееся и Морскихъ полковъ, подлежавшихъ расформированію. 5 мая полки прибыли въ Ригу, гдѣ 23 мая послѣдній разъ представились Государю подъ настоящими своими названіями (35).

Государь нашелъ морскіе полки въ отличномъ состояніи и примѣрномъ порядкѣ. Всѣ штабъ и оберъ-офицеры удостоились получить Высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ было пожаловано по 2 рубля, 2 фунта говядины и по 2 чарки водки на человѣка (36).

Согласно Высочайшаго приказа отъ 28 января каждый Морской полкъ предполагалось передать въ полномъ составѣ къ избраннымъ полкамъ 2-й пѣх. дивизіи, но послѣ Высочайшаго смотра первоначальный планъ былъ измѣненъ, и всѣ четыре полка были распредѣлены по-батальонно, причемъ первые батальоны 1-го и 3-го Морскихъ полковъ вошли въ составъ Невскаго пѣх. полка, получившаго названіе Невскаго Морского полка, а 2-го и 4-го полка вошли въ составъ Софійскаго пѣх. полка, получившаго названіе Софійскаго Морского полка.

Вторые батальоны 1-го и 3-го полка поступили въ полкъ принца Вильгельма Прусскаго, а 2-го и 4-го полка — въ полкъ принца Карла Прусскаго. Въ дальнѣйшемъ оба эти полка составили Калужскій и Либавскій пѣх. полки.

Въ маѣ вторые батальоны выступили изъ Риги на присоединеніе къ своимъ полкамъ и въ іюнѣ прибыли въ крѣпость Динабургъ, гдѣ занимались фортификаціонными работами.

---

(35) — Воен. уч. Арх. Гл. Шт. отд. III, В-IV, 783.
(36) — Тоже 23 мая 1833.

Первые же батальоны присоединились къ Невскому и Софійскому полкамъ въ Ригѣ, т.к. эти полки находились въ этомъ городѣ.

При дальнѣйшихъ реорганизаціяхъ арміи въ 1836 г., резервные полки были развернуты въ новые дѣйствующіе полки. Такимъ образомъ резервные батальоны Невскаго, Софійскаго, Либавскаго и Калужскаго полковъ получили наименованіе Бѣломорскаго, Онежскаго, Вятскаго и Печерскаго пѣх. полковъ. Этимъ полкамъ было передано старшинство морскихъ полковъ и пожалованы Георгіевскіе знамена съ надписью «За взятіе приступомъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 г.» при особомъ Высочайшемъ рескриптѣ, устанавливающемъ связь полковъ съ морскими полками, учрежденными въ 1733 г. Старшинство съ 1803 г. было передано: 1-мъ пѣх. Невскимъ — 89 пѣх. Бѣломорскому (1 и 2 М. п.); 2-мъ пѣх. Софійскимъ — 90 пѣх. Онежскому. (2 и 4 М. п.); 5 пѣх. Калужскимъ — 92 пѣх. Печорскому (1 и 3-ій М. п.) и 6-мъ пѣх. Либавскимъ — 102 пѣх. Вятскому полку (37).

Совершенно отдѣльно стоитъ 55 пѣх. Подольскій полкъ, сформированный изъ 3-го Морского батальона гребного флота (1788 г.) въ Роченсальмѣ подъ названіемъ гарнизона ген. майора Болотникова полка. Въ 1801 г. переименованный въ Роченсальмскій гарнизонный полкъ, онъ участвовалъ въ войнѣ со шведами въ 1808-9 г.г., а въ 1811 г. изъ девяти ротъ Роченсальмскаго полка былъ сформированъ Подольскій полкъ.

* * *

Слѣдуетъ отмѣтить, что, за все время существованія морскихъ полковъ, они приравнивались къ гренадерскимъ, съ присвоенными таковымъ преимуществами, а съ передачей въ Военное Вѣдомство сохранили обмундированіе морскихъ полковъ до своего окончательнаго расформированія. Даже послѣ этого, въ память происхожденія отъ морскихъ полковъ, сформированныя изъ нихъ части сохранили, при пѣхотномъ обмундированіи, бѣлыя выпушки вокругъ воротника, обшлаговъ и полей, присвоенныя морскимъ полкамъ.

* * *

(37) — Росписаніе 164 пѣх. полковъ Изд. Гл. Шт. СПБ 1884. Воен. Типографія

Нагрудные полковые знаки

55-го Подольскаго пѣх. полка

надпись :
1798 - 1898
100

102-го Вятскаго пѣх. полка
надпись :
на синей эмалевой лентѣ
4 Морской п. — 102 Вятскій п.
1803 1903

4вгуста 1904 г. въ Одессѣ былъ сформированъ въ составѣ двухъ ротъ — гребной и технической — Одесскій Морской батальонъ, назначеніе котораго была служба при перевозкѣ войскъ моремъ и для подготовки въ мирное время въ войсковыхъ частяхъ личнаго состава, технически ознакомленнаго съ производствомъ этихъ перевозокъ. При батальонѣ состояла учебная команда, школа машинистовъ, складъ плавучихъ средствъ и спеціальное имущество. Батальонъ состоялъ въ вѣдѣніи Главнаго штаба Военнаго Министерства и былъ подчиненъ мѣстному окружному начальству. Нижніе чины батальона носили морскую форму, причемъ отложные воротники на голланкахъ вмѣсто синяго были краснаго цвѣта.

Помимо Одесскаго батальона, въ прибрежныхъ крѣпостяхъ имѣлись минныя роты, на обязанности которыхъ лежало завѣдованіе минами и крѣпостными минными загражденіями. Эти роты составляли часть гарнизона крѣпости и также носили красные воротники на голланкахъ.

Вышеупомянутыя части никакого отношенія къ флоту не имѣли.

* * *

Въ гражданскую войну правительство адмирала Колчака въ декабрѣ 1918 г. приступило къ формированію въ Красноярскѣ бригады Морскихъ стрѣлковъ, которая могла бы дѣйствовать на сухопутномъ фронтѣ совмѣстно съ рѣчной флотиліей, являться надежной частью для охраны кораблей и имущества въ портахъ, а въ дальнѣйшемъ развернуться въ команды флотиліи или въ части морской пѣхоты на корабляхъ, по примѣру иностранныхъ флотовъ. Къ веснѣ 1919 г. былъ сформированъ 4-хъ ротный батальонъ въ 1000 чел. и рота въ 400 чел. для обслуживанія боевой флотиліи. Этотъ батальонъ представлялъ собой прекрасную боевую часть. Распоряженіемъ сухопутнаго начальства онъ былъ выдвинутъ на фронтъ и, дѣйствуя все время въ отдаленныхъ районахъ, никогда не возвратился къ флотиліи.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1919 г. въ Перми и Уфѣ были сформированы 2-ой, 3-ій и 4-ый батальоны бригады Морскихъ стрѣлковъ, дѣйствовавшіе вначалѣ въ различныхъ арміяхъ и ко времени отступленія отъ Перми находившіеся въ совершенно потрепанномъ состояніи. Въ августѣ бригада, прикрывая от-

ступленіе, въ непрерывныхъ аріергадныхъ бояхъ понесла настолько большія потери, что была отведена на пополненіе. Вновь брошенная на фронтъ, бригада опять понесла такія тяжелыя потери, что, подходя къ Байкалу, въ ней насчитывалось не больше 300 чел., которые были включены въ другую часть. Бригада Морскихъ стрѣлковъ перестала существовать.

По прибытии правительства въ Омскъ, часть состава Волжской флотиліи была выдѣлена во вновь созданную Обь-Иртышскую флотилію, а главное ядро въ 1500 чел. при 70 морскихъ офицерахъ составили Морской Учебный Батальонъ. Уже въ началѣ сентября батальонъ былъ высланъ на фронтъ и съ этого момента до полнаго истребленія непрерывно находился въ бояхъ, будучи назначаемъ на самые отвѣтственные участки фронта, и заслужилъ въ арміи названіе «безсмертнаго». Въ одномъ изъ первыхъ штыковыхъ боевъ, 12 сентября палъ геройской смертью командиръ батальона, кап. 2 р. П. В. Тихменевъ. Батальонъ потерялъ 13 офицеровъ и 2/3 своего состава убитыми и ранеными, но удержалъ позицію. Въ концѣ октября уцѣлевшие нѣсколько десятковъ человѣкъ были оттянуты въ Омскъ, пополнены новобранцами и переформированы въ двухъ-батальонный полкъ, который былъ отправленъ въ тылъ для обученія. При послѣдовавшемъ 31 января 1920 г. переворотѣ и паденіи Омскаго правительства, часть Морского полка разошлась, а другая пошла на востокъ, но до Читы не дошелъ ни одинъ человѣкъ (38).

Русскій флотъ справедливо можетъ гордиться службой и боевой дѣятельностью своей морской пѣхоты какъ на корабляхъ, такъ и на берегу.

(38) — Кап. I р. Н. Ю. Фоминъ. "Морскія Записки" томъ XVI, № 2 (47) с. 40.

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ

ВИЦЕ - АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

(Продолженіе)

АВІАЦІЯ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ

Имѣя даже всего четыре аппарата, выполнять приказанную Штабомъ Флота ближнюю воздушную развѣдку было вполнѣ возможно, за исключеніемъ наблюденія за подводными лодками. Опытъ показалъ, что послѣднее требовало очень большого числа гидроплановъ и все же оказывалось весьма ненадежнымъ. Увидѣть погруженную лодку можно лишь, будучи почти прямо надъ нею, да и то при зеркальной поверхности моря. Кромѣ того, за лодку, идущую подъ перископомъ, летчики первое время принимали косяки взлетающихъ съ воды утокъ, которыхъ вокругъ острова было множество.

Все же, по мѣрѣ силъ, данное намъ заданіе старательно выполнялось. Однако, вслѣдствіе того, что радіостанція на Кильকондѣ въ эти дни еще не имѣла аппарата, наши шифрованныя телеграммы съ донесеніями о работѣ, посылавшіяся по обще-телеграфной сѣти, до Центральной Станціи Южнаго Района Службы Связи, доходили съ большимъ запозданіемъ. И начальникъ района, справедливо полагая, что, такъ-какъ непріятель нами не обнаруживался, онѣ уже никому не были интересны, и никуда ихъ не передавалъ.

Между тѣмъ, какъ оказалось позже, это молчаніе авіаціи было принято Эссеномъ за ея бездѣйствіе, что еще уси-

ливало его недовольство, вызванное печальнымъ инцидентомъ съ «Муромцемъ».

Впрочемъ до насъ это не доходило, и я, со спокойной совѣстью, занялся другими срочными дѣлами. Надо было принять мѣры къ оборонѣ станціи на случай высадки нѣмцевъ на островъ. Въ 1855 году англичане это сдѣлали. А нѣмцамъ Эзель могъ послужить и базой.

На Эзелѣ имѣлось двѣ сотни Пограничной Стражи, командиръ бригады которой проживалъ въ Аренсбургѣ. Остальныя ея, части были разбросаны по побережью Рижскаго и Финскаго заливовъ. Въ укрытыхъ бухтахъ, наиболѣе удобныхъ пунктахъ для провоза контрабанды, гдѣ также можно было скорѣе всего ожидать высадки непріятеля, стража имѣла свои посты, чины которыхъ были въ извѣстной мѣрѣ подготовлены къ наблюденію за моремъ. Нужно было только объединить сводку этихъ донесеній въ своихъ рукахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть возможность тотчасъ провѣрить ихъ авіацией и принять соотвѣтствующія мѣры. Сдѣлать это могъ, какъ мнѣ казалось, лишь одинъ командиръ бригады, который, вѣроятно, долженъ былъ по мобилизаціи стать и начальникомъ обороны острова.

Но когда, пріѣхавъ въ Аренсбургъ, я заговорилъ съ нимъ объ этомъ, почтенный генералъ заявилъ, что по плану мобилизаціи начальникомъ гарнизона является Воинскій Начальникъ. Что же касается его бригады, состоящей въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, онъ никакихъ распоряженій не имѣетъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ для выясненія дѣла.

Воинскій начальникъ, пожилой полковникъ, имѣвшій у себя всего лишь одну нестроевую команду и теперь занятый по-горло призывомъ запасныхъ, взять на себя какія-либо командныя функціи не считалъ возможнымъ. «Помилуйте» — пожималъ онъ плечами, — «какъ же я могу давать распоряженія частямъ, подчиненнымъ его превосходительству».

Между тѣмъ каждая минута была дорога. Конечно, въ крайнемъ случаѣ, аппараты можно было отправить въ Ревель летомъ. Но нельзя же было оставлять врагу такъ хорошо оборудованную воздушную станцію, которой онъ могъ воспользоваться самъ. Разрушеніе ея потребовало бы времени, а потому представлялось необходимымъ задержать

всѣми доступными средствами его высадку, хотя бы лишь по сосѣдству съ самой станціей. Помощь Пограничной стражи, примкнувшей къ нашей командѣ, была бы весьма цѣнной.

Надо было произвести рядъ срочныхъ работъ. Дорога, соединяющая станцію съ общей дорожной сѣтью острова, еще не была закончена и совершенно не годилась для автомобилей; на подступахъ къ станціи съ берега и съ суши требовалось вырыть окопы и т. п. Выполнить все это было возможно лишь съ помощью мѣстнаго населенія. Необходимо было также немедленно реквизировать имѣвшиеся на островѣ автомобили, пока владѣльцы не увели ихъ на материкъ, станки изъ частныхъ мастерскихъ Аренсбурга для нашихъ ремонтныхъ мастерскихъ и т. п.

А для того, чтобы завоевать полное довѣріе и содѣйствіе со стороны мѣстныхъ жителей, слѣдовало расплачиваться за все это немедленно. Денегъ же у меня не было ни гроша.

Начальникъ Аренсбургскаго Казначейства, человѣкъ разумный и рѣшительный, на мой вопросъ, можетъ ли онъ выплачивать изъ средствъ казначейства по моимъ реквизиціоннымъ квитанціямъ, отвѣтилъ, что, не имѣя указаній по этому вопросу свыше, онъ, ввиду срочности и важности дѣла готовъ подчиниться распоряженіямъ высшей военной власти на островѣ, не выжидая полученія инструкцій изъ центра. Взвѣсивъ все это и логически полагая, что районъ островов Рижскаго залива, подобно побережью Финскаго, по мобилизации долженъ входить въ сферу вѣдѣнія Командующаго Флотомъ, я, не теряя времени на переписку, рѣшилъ немедленно взять функции представителя его на Эзелѣ на себя, о чемъ и отдалъ приказъ по воинскимъ и гражданскимъ частямъ, срочно разославъ его и по волостнымъ правленіямъ для освѣдомленія населенія. Пославъ Непенину подробный рапортъ почтой о всемъ предпринятомъ мною, я просилъ его ходатайства о скорѣйшемъ назначеніи начальника обороны острава и переводѣ казначейству въ мое распоряженіе 40.000 рублей.

Не успѣлъ, однако, этотъ рапортъ дойти по назначенію, какъ 20-го іюля я получилъ отъ него телеграмму: «Полагаю своевременно отступить теперь же», заставившую меня задуматься.

Это не былъ ПРИКАЗЪ отступить. Слово «ПОЛАГАЮ» указывало лишь его МНѢНІЕ. РѢШЕНІЕ вопроса предоставлялось мнѣ, какъ лицу единственно имѣющему возможность ВѢРНѢЕ ОЦѢНИТЬ ОБСТАНОВКУ НА МѢСТѢ. Мнѣ не указывалось даже куда именно отступать: только ли съ вынесеннаго далеко впередъ Кильконда или вообще съ острова. Однако, какое бы именно рѣшеніе я ни предпринялъ, высказанное моимъ прямымъ начальникомъ мнѣніе СЛАГАЛО СЪ МЕНЯ ВСЯКУЮ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ, которую онъ всецѣло БРАЛЪ НА СЕБЯ, словомъ «ТЕПЕРЬ ЖЕ», освобождая меня отъ обвиненій въ преждевременности такого шага, могущихъ возникнуть впослѣдствіи.

Посланный мною рапортъ уже ясно говорилъ о всѣхъ моихъ планахъ, и потому я ограничился краткой телеграммой: «Полагаю преждевременно», и со спокойной совѣстью приступилъ къ намѣченнымъ работамъ.

Оба командира сотенъ Пограничной стражи охотно подчинились моимъ распоряженіямъ. И подъ руководствомъ ротмистра барона Паленъ, часть котораго обслуживала западный берегъ острова и легко могла быть, въ случáѣ нужды, стянута въ Кильконду, добровольно прибывшіе изъ селеній крестьяне стали на оборонительныя работы. Расплачиваясь съ ними по удовлетворительнымъ по мѣстнымъ условіямъ нормамъ импровизированными реквизиціонными квитанціями за моей подписью и печатью, по которымъ казначейство выдавало деньги безъ задержки, удалось установить прекрасныя отношенія съ населеніемъ, въ скоромъ времени ставшимъ обращаться ко мнѣ со всѣми своими дѣлами. Это помогло также и остановить грозившую опасными послѣдствіями надвигавшуюся было агитацію противъ помѣщиковъ - бароновъ, набрасывавшую тѣнь на ихъ вѣрность Россіи. Надо сознаться, что въ этомъ отношеніи роль ультра-патріотической печати, во главѣ съ «Новымъ Временемъ», занимавшейся травлей людей съ нѣмецкими фамиліями, была не менѣе вредна, чѣмъ тѣ нелѣпыя обвиненія въ предательствѣ и шпіонажѣ, съ которымъ приходилось здѣсь бороться. Такъ, напримѣръ, мнѣ съ трудомъ удалось разувѣрить крестьянъ одной деревни въ полной несостоятельности слуховъ о томъ, что, якобы, въ усадьбу одного барона каждую ночь «прилетаетъ Цеппелинъ и ночуетъ у него на чердакѣ». А начитавшійся газетъ

эстонецъ, въ отвѣтъ на мои слова, о томъ, что сыновья мѣстныхъ помѣщиковъ честно дерутся съ нѣмцами во флотѣ и на фронтѣ, весьма дерзко заявилъ, что если ему не позволяютъ бить нѣмцевъ здѣсь, то онъ напишетъ своимъ сыновьямъ, чтобы и они перестали драться съ ними на фронтѣ. И насколько же такая вредная пропаганда была распространена во всемъ западномъ краѣ, можно было судить хотя бы потому, что рижскія газеты нашли нужнымъ помѣстить на своихъ страницахъ мое воззваніе по этому поводу къ населенію Эзеля, которое было распространено по селеніямъ.

Все это утверждало меня въ мысли, что пребываніе мое на немъ въ данное время было совершенно необходимо.

25-го іюля я неожиданно былъ вызванъ Непенинымъ въ Аренсбургъ, куда онъ пришелъ съ двумя миноносцами для установки подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ дополнительныхъ летучихъ постовъ Службы Связи въ районѣ Рижскаго залива. Къ этому времени на Кильcондъ уже прибыли наши грузовики, имѣлся реквизированный легковой автомобиль и прекрасные шоссе острова дѣлали поѣздку въ Аренсбургъ скорой и пріятной.

Объ отступленіи никакихъ разговоровъ больше не было. Напротивъ. Намъ была доставлена радіостанція, телеграфисты и нужнѣйшее снабженіе и провизія. Во всемъ проявлялась внимательная заботливость Непенина о нашихъ нуждахъ. Онъ обѣщалъ прислать мебель для офицерскихъ помѣщеній, посуду, постельное бѣлье и прочее. Для организаціи снабженія просилъ откомандировать въ его распоряженіе въ Ревель Щербачева и утвердилъ назначеніе на его мѣсто лейтенанта Липгарда.

Выслушавъ докладъ о моихъ дѣйствіяхъ онъ добродушно улыбнулся.

«Все это прекрасно. Только, когда я доложилъ ваши просьбы Эссену, то оказалось, что Эзель ему вовсе не подчиненъ».

Я такъ и обомлѣлъ. Вѣдь все мое самоуправство строилось на этомъ предположеніи.

«Запросили они Штабъ Сѣверо-Западнаго Фронта, но оттуда отвѣтили, что этотъ районъ въ ихъ вѣдѣніе тоже

не входитъ и что слѣдуетъ обратиться прямо въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Отвѣта еще нѣтъ. Поэтому съ назначеніемъ начальника обороны острова приходится обождать».

Что же было дѣлать? Вѣдь все мое самоуправство строилось на увѣренности въ полной поддержкѣ со стороны Эссена. Оказалось, однако, что въ этомъ я не ошибся.

«Ваши дѣйствія онъ одобрилъ. А что касается денегъ, то перевести всю сумму сразу Штабъ не можетъ. Въ распоряженіе Командующаго ассигнуется единовременно всего сто тысячъ. Теперь переведутъ вамъ всего десять тысячъ и потомъ, постепенно, будутъ давать по стольку же».

Это было очень существенно. Какъ-разъ наканунѣ казначейство телефонировало, что начало выплату по моимъ квитанціямъ и проситъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса свыше.

Какъ легко и хорошо было работать подъ начальствомъ такихъ людей, какъ Непенинъ и Эссенъ.

Что же касается частей Пограничной стражи, то оказалось, что уѣхавшій въ Петербургъ генералъ получилъ другое назначеніе, а двѣ его сотни еще долго продолжали оставаться въ составѣ гарнизона Эзеля, тѣсно сотрудничая съ нами. *)

Правда, смотря назадъ, можно сказать, что все это оказалось тогда ни къ чему. Ни одной попытки высадиться на островъ нѣмцы въ теченіе трехъ лѣтъ не сдѣлали. Но въ то время это казалось неизбѣжнымъ. А благопріятное разрѣшеніе вопроса о подчиненіи этого района Командующему флотомъ несомнѣнно способствовало дальнѣйшему развитію мѣръ къ его оборонѣ. Уже къ лѣту слѣдующаго года на Эзелѣ имѣлся солидный морской гарнизонъ, на его побережьи возводились противодесантныя батареи, а къ 1917-му году на Церелѣ была, какъ сказано выше, сооружена даже 12-ти

---

*) Кап. 1 р. Люби (Черноморъ) приводитъ текстъ телеграммы Эссена главнокомандующему: "ввиду ухода (?) пограничной стражи съ острова Эзель и нахожденія тамъ весьма важной авіаціонной станціи М. М-ва, прошу объ оставленіи тамъ находящихся частей пограничной стражи, сосредоточивъ ихъ въ Кильвондѣ, съ подчиненіемъ начальнику воздушнаго района". "Волны Балтики". Стр. 61. Рига. 1939 г. Это объясняетъ все. Б. А.

дюймовая батарея. Наша авіаціонная станція сыграла роль того топора русской сказки, изъ котораго хитрый солдатъ сварилъ жирныя щи.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ.

«Авторитетъ Службы Связи», — говоритъ одинъ изъ чиновъ Оперативнаго Отдѣленія Штаба Командующаго Флотомъ, — «росъ во время войны въ работѣ, такъ какъ она показала инициативу, подготовленность, организованность и эффективность ... Это чувствовалось на каждомъ шагу ... Эссенъ довѣрялъ на сто процентовъ ея донесеніямъ». И, въ качествѣ примѣра, онъ приводилъ слѣдующій случай.

Начальникъ Отряда Крейсеровъ, принявъ «Магдебургъ» и «Аугсбургъ» за дредноуты, телеграфировалъ: — «Бригада. Курсъ Вестъ». Въ то же время постъ о-ва Даго донесъ: — «Крейсера. Курсъ Остъ». Въ результатѣ приказаніе — Начальнику Отряда Крейсеровъ отбыть въ Кронштадтъ и тамъ «возить ... (нечистоты) въ Кронштадтской гавани». «Это фактъ, а не анекдотъ», — добавляетъ авторъ воспоминаній. *)

Горячъ и прямодушенъ былъ хотя и носившій чужеземное имя, но глубоко русскій душою адмиралъ Николай Оттовичъ Эссенъ. И вотъ это-то сродство душъ и создавало то взаимное довѣріе, которое все больше укрѣплялось между нимъ и кореннымъ «псковичемъ» Адріаномъ Непенинымъ.

28-го іюля, получивъ приказаніе усилить воздушную развѣдку ввиду ожидаемаго выхода въ море всего нашего флота какъ оказалось впослѣдствіи для оказанія давленія на Швецію въ предупрежденіе ея присоединенія къ Германіи, наши аэропланы, вылетая, за ихъ малымъ числомъ, поодиночно черезъ два часа другъ-за-другомъ, вели наблюденіе до видимости острова Готландъ. И результаты его теперь немедленно передавались по флоту нашей радіостанціей. «Твои аэропланы», — говоритъ тотъ же чинъ Штаба Флота, — «насъ открыли не зная, кто мы, а посты донесли, что видятъ дымы. Мы знали и чувствовали, что Служба Связи насъ охраняетъ. Мы ее любили».

---

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору 24 - 11 - 56.

И, быть можетъ, съ цѣлью сгладить то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на насъ исторія съ «Муромцемъ» и, особенно, его недовольство воздушной развѣдкой когда, въ напряженный день постановки главнаго миннаго загражденія, онъ не получалъ нашихъ донесеній и относилъ это къ нашей бездѣятельности, теперь, по возвращеніи изъ похода, Эссенъ по радіо объявилъ по флоту свое «особенное удовольствіе» авіаціей за ея работу. Это было и реваншемъ защищавшему насъ тогда Непенину.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ПОСТЫ ВЪ ВОЙНѢ.

Приказаніе Эссена привести Службу Связи на военное положеніе, отданное, какъ было сказано, еще въ подготовительный къ войнѣ періодъ, не измѣняло по существу работу наблюдательныхъ ея постовъ, уже въ мирное время непрерывно несшихъ наблюденія за всѣми движеніями судовъ въ морѣ не только военныхъ, но и коммерческихъ. Это давало имъ огромную практику. О всемъ наблюдаемомъ вносилось въ ихъ журналы, а объ имѣвшемъ хотя бы косвенное отношеніе къ флоту тотчасъ доносилось на Центральную Станцію даннаго района. И въ обязанность начальника послѣдней и начальника района входили какъ оцѣнка получаемыхъ донесеній, такъ и своевременная ихъ передача соотвѣтствующимъ командным инстанціямъ флота, могущимъ быть заинтересованными ими.

Однако, съ первыхъ же часовъ перехода на военное положеніе выявилась насущная необходимость еще болѣе плотной централизаціи поступавшихъ отовсюду свѣдѣній о происходящемъ въ морѣ съ цѣлью систематической ихъ сводки, которая позволяла бы дѣлать существенные выводы не только по видимымъ движеніямъ непріятеля, но и путемъ анализа всѣхъ возможныхъ данныхъ — сообщеній Агентуры Морского Генеральнаго Штаба, характера работы радіостанцій противника и пр.

И такъ какъ у Непенина всякая продуманная мысль немедленно и энергично претворялась въ «поступки», то Центральная Станція Службы Связи въ Ревелѣ, организованная при его собственномъ штабѣ, быстро обращается въ подлинный «Оперативный» ея отдѣлъ, во главѣ котораго становится кап. 1-го ранга М. П. Давыдовъ.

Постепенно, съ дальнѣйшимъ развитіемъ техники наблюденій за движеніями непріятельскихъ судовъ, роль этой сводки становится все болѣе значительной и настолько высоко расцѣнивается Штабомъ Флота, что рѣдкія изъ разрабатываемыхъ его Оперативнымъ Отдѣломъ операцій выполняются безъ предварительнаго тщательнаго ихъ изученія, а начальникъ, выполняющій ея части, обычно направляется лично къ Непенину для освѣдомленія съ обстановкой послѣдняго момента.

Уже въ первые дни войны можно было судить и о томъ, какъ высоко расцѣнивалъ работу русскихъ наблюдательныхъ постовъ самъ непріятель хотя бы по той ярости, съ которой онъ набрасывался на эти крохотныя единицы вспомогательной части русскаго флота, нерѣдко подвергая ихъ бомбардировкѣ, достойной сильно вооруженныхъ укрѣпленій.

БОГШЕРЪ.

Хотя вступленіе въ войну Англіи и отвлекало главныя силы германскаго флота въ Сѣверное море, это все же не измѣняло его подавляющаго превосходства надъ русскимъ флотомъ на Балтійскомъ театрѣ въ первые мѣсяцы войны. Заграничная агентура Морского Генеральнаго Штаба сообщала о нахожденіи въ Килѣ двухъ линейныхъ кораблей типа «Дейтчландъ», десяти типа «Веттинъ» и «Барбаросса», большого броненоснаго крейсера (оказавшагося мощнымъ «Роономъ»), бригады легкихъ крейсеровъ типа «Аугсбургъ» и значительныхъ силъ миноносцевъ. А послѣдовавшая къ тому же 26-го іюля мобилизація шведскаго флота съ его семнадцатью броненосцами береговой обороны (8 — перваго класса и 9 — второго и третьяго) и многочисленными минными судами (4 минныхъ крейсера, 40 мин-цевъ 1-го и 2-го клас.), при наличіи явно выраженныхъ симпатій страны къ Германіи и задержки объявленія о полномъ нейтралитетѣ со стороны ея правительства, еще болѣе усугубляло это опасное соотношеніе силъ.

Внезапный захватъ Або-Оландскаго шхернаго района шведами не только лишилъ бы русскій флотъ свободы поль-

зованія ихъ стратегическими фарватерами для выхода въ Балтійское море, но и предоставилъ бы прекрасный плацъдармъ для высадки германской арміи въ Финляндіи, политическія и стратегическія послѣдствія которой было бы даже трудно себѣ представить.

Неудивительно, что, отдавая себѣ ясный отчетъ въ этой грозной опасности, Эссенъ готовъ былъ пойти даже на крайне рискованный въ политическомъ отношеніи рѣшительный шагъ: внезапнымъ ударомъ всѣхъ своихъ силъ уничтожить главныя силы шведскаго флота до соединенія ихъ съ германскими.

Успѣхъ такой операціи всецѣло зависѣлъ, разумѣется, отъ ея внезапности. А для этого необходимо было держать непрерывное наблюденіе за всѣми движеніями военныхъ судовъ вблизи территоріальныхъ водъ самой Швеціи.

Установить здѣсь крейсерскую завѣсу было бы нецѣлесообразно. Русскіе корабли были бы быстро обнаружены. Объ ихъ появленіи стало бы немедленно извѣстно германскому командованію и, въ результатѣ, крейсера могли бы быть отрѣзаны превосходными силами врага.

Воздушная развѣдка, къ этой задачѣ не была готова. Станція на о-вѣ Дегерэ, вблизи Маріенхамна, находилась въ зачаточномъ состояніи. И для ея обслуживанія не имѣлось ни летчиковъ, ни аппаратовъ. Авіація и безъ того едва справлялась съ задачей данной станціи Кильконды на о. Эзель.

Наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса представлялось поэтому выставленіе наблюдательнаго поста на далеко вынесенномъ въ море островкѣ Богшеръ, лежащемъ почти у самыхъ территоріальныхъ водъ Швеціи. Находящійся на немъ маякъ Финляндскаго лоцманскаго Вѣдомства уже въ подготовительный періодъ былъ потушенъ, и его оборудованіе вмѣстѣ съ радіостанціей и личнымъ составомъ свезено на материкъ.

И вотъ, по мысли Непенина, было рѣшено немедленно отправить на эту одинокую скалу летучій постъ Службы Связи съ маломощной радіостанціей, работа которой не должна была привлечь особеннаго вниманія нѣмцевъ и даже шведовъ, такъ какъ она являлась прямымъ продолженіемъ снятой финской.

Ясно сознавая, однако, обреченность посылаемыхъ туда людей, онъ приказалъ вызвать охотниковъ. Мѣсто назначенія имъ не объявлялось, но о крайней опасности предстоящей службы было сказано прямо.

Охотниковъ вызвалось гораздо больше, чѣмъ требовалось, и изъ нихъ были выбраны сигнальный старшина — начальникъ поста, два сигнальщика, радіо-телеграфистъ и радіо-мотористъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ напутствовалъ этихъ лихихъ людей Непенинъ. Искренне любилъ онъ своихъ подчиненныхъ и жалѣлъ ихъ. Многіе унтеръ-офицеры специалисты съ судовъ флота охотно оставались у него на сверхсрочной службѣ, чему способствовали проведенные имъ штаты Службы Связи, а еще болѣе и та забота, которую онъ проявлялъ въ дѣлѣ устройства жизни семейныхъ. И у этихъ людей вырабатывалось глубокое чувство гордости своей частью, безъ котораго легко зарождаются микробы, готовые, при малѣйшемъ нарушеніи общаго здоровья организма, послужить его разложенію.

Но отправляя теперь людей на подвигъ, онъ говорилъ имъ только о долгѣ. О томъ, чтобы въ случаѣ опасности захвата поста врагомъ уничтожили бы они вручаемый имъ кодъ и не сообщали бы никакихъ свѣденій ни о флотѣ, ни о работѣ Службы Связи. И зналъ твердо, что его люди свой долгъ выполнятъ до конца.

Тщательно инструктированные и снабженные специальнс составленнымъ для этого поста радіотелеграфнымъ кодомъ условныхъ фразъ на шведскомъ языкѣ изъ обихода финляндскихъ маяковъ, необходимымъ техническимъ оборудованіемъ и всѣмъ имуществомъ и снабженіемъ на долгій срокъ, эти охотники были лично доставлены Давыдовымъ въ Маріенхамнъ и оттуда перевезены на Богшеръ.

Немедленно установивъ радо-связь, постъ уже въ послѣднихъ числахъ іюля началъ давать ясную картину движенія судовъ вдоль береговъ Швеціи, вполнѣ оправдавъ свое назначеніе.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, не долга оказалась его служба. Не прошло и мѣсяца, какъ смолкло его радіо. И 27-го августа Начальникъ минной Дивизіи, лично посѣтивъ островъ, нашелъ маякъ разрушеннымъ и выгорѣвшимъ внутри.

Людей на немъ не оказалось, и судьба ихъ долго оставалась невыясненной. Лишь много позднѣе узнали, что послѣ разгрома маяка и строеній огнемъ нѣмецкихъ кораблей, чудомъ уцѣлевшие чины поста были всѣ взяты въ плѣнъ. Но свой долгъ они выполнили честно до конца согласно даннымъ имъ инструкціямъ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ФЛОТА.

На разсвѣтѣ 28-го іюля русская эскадра подъ флагомъ Командующаго флотомъ (Бронированный крейсеръ «Рюрикъ», въ составѣ бригады линейныхъ кораблей «Императоръ Павелъ I», «Цесаревичъ» и «Слава»), охраняемыхъ завѣсой крейсеровъ, эскадренныхъ миноносцевъ и воздушной развѣдкой съ юга и юго-востока и цѣпью наблюдательныхъ постовъ съ сѣвера и востока отъ Богшера, черезъ Ганге-Оденсхольмъ, Даго, Эзель и по побережью до самой Либавы, вышла въ сѣверную часть Балтійскаго моря въ направленіи на Готска-Санде, къ сѣверу отъ о-ва Готландъ.

Съ минуты на минуту ожидалъ Эссенъ обѣщанное Штабомъ Главнокомандующаго 6 Арміей и Балтійскимъ флотомъ условное радіо «ГРОЗА», означавшее, что Швеція отказалась выполнить ультимативное требоваіе союзныхъ державъ объ объявленіи ею нейтралитета и разрѣшеніе атаковать ея флотъ. Но его не было. А изъ словъ частично принятой въ полночь на 29-е іюля шифрованной телеграммы Начальника Морского Генеральнаго Штаба адмирала Русина — «Боже упаси» — Эссенъ понялъ, что его планъ не получилъ одобренія свыше.

Въ то же время «Новикъ», находясь между Эзелемъ и Готска-Санде, встрѣтился съ какимъ-то кораблемъ его обстрѣлявшимъ, о чемъ онъ успѣлъ донести прежде, чѣмъ была сбита его радіо-антена.

Явилось опасеніе появленія непріятеля въ тылу, и Эссенъ рѣшилъ отойти къ устью Финскаго залива

На разсвѣтѣ ни посты Службы Связи, ни воздушная развѣдка до о-ва Готландъ и Готска-Санде нигдѣ въ морѣ непріятеля не обнаружили. Очевидно встрѣтившійся съ «Новикомъ»

одинокій нѣмецкій корабль такъ же предпочелъ отойти къ своимъ водамъ.

Но было уже поздно. Элементъ внезапности былъ потерянъ, и даже если бы Швеція и отклонила ультиматумъ, на успѣхъ повторенія той же операціи разсчитывать было невозможно.

Во время этого похода Эссенъ особенно оцѣнилъ работу постовъ и авіаціи, выразивъ имъ свою благодарность въ радіо по флоту.

Этотъ первый активный шагъ флота не встрѣтилъ сочуствія Верховнаго Главнокомандующаго, запретившаго какія-либо активныя дѣйствія флота при данной политической обстановкѣ, оставившаго лично за собою право давать указанія когда и куда флотъ сможетъ выходить, и указавшаго, что главной задачей флота является прикрытіе столицы, достигаемое его положеніемъ въ Финскомъ заливѣ. Всякая инициатива активной обороны, къ которой справедливо стремился Эссенъ, отъ него такимъ образомъ отнималась до неопредѣленнаго времени.

Между тѣмъ дѣятельность германскихъ крейсеровъ въ сѣверной части моря значительно оживилась, что, въ связи съ донесеніемъ агентуры Морского Генеральнаго Штаба о томъ, что будто бы 28-го вечеромъ изъ Киля вышли на востокъ три броненосца и одинъ корабль типа «Дреднаутъ» (вѣроятно подразумѣвался броненосный крейсеръ типа «Роонъ» — Б. Д.), говорило о серьезныхъ наступательныхъ планахъ противника.

И какъ бы въ подтвержденіе этого, съ разсвѣта 30-го іюля стали поступать съ постовъ Службы Связи донесенія о появленіи германскихъ судовъ у самыхъ нашихъ береговъ.

Два крейсера подошли даже къ самому острову Даго и обстрѣляли находящійся на маякѣ Нижній Дагерортъ наблюдательный постъ и радіостанцію, но затѣмъ быстро скрылись на зюйд-вестъ.

Въ 4 часа дня постъ на о. Богшеръ донесъ о трехъ большихъ непріятельскихъ корабляхъ, шедшихъ курсомъ вестъ. Какъ выяснилось позже, уже наканунѣ два крейсера подходили къ маяку Бенгшеръ, на которомъ никакого поста не

было, и на потушенномъ маякѣ жилъ лишь его смотритель финъ съ сыномъ, и открыли по этой крохотной скалѣ огонь, выпустивъ около ста снарядовъ средняго калибра и разрушивъ на ней всѣ зданія. Къ счастью въ это время смотритель съ сыномъ были на шлюпкѣ, ловя рыбу. И они-то и донесли о происшедшемъ.

Однако высланныя немедленно на позицію подводныя лодки и миноносцы, а такъ же и крейсера, бывшіе въ завѣсѣ въ устьѣ Финскаго залива, непріятеля не видѣли.

Погода портилась, и дальней воздушной развѣдки производить было невозможно.

Но и непріятель ограничился затѣмъ лишь демонстративными появленіями у Либавы и Полангена.

Утромъ 5-го августа посты Дагерорта, Оденсхольмъ и Ганге доносили о появленіи непріятельскихъ легкихъ крейсеровъ, тѣхъ самыхъ, четыре трубы которыхъ ввели въ заблужденіе Начальника находившихся въ завѣсѣ крейсеровъ, принявшихъ ихъ за броненосные крейсера. А около 4-хъ часовъ дня два легкихъ крейсера типа «Кольбергъ» съ миноносцами подошли снова къ Дагерорту и три миноносца открыли огонь по зданіямъ маяка и поста Службы Связи. Зданія были разбиты, но команда поста, отойдя за нихъ, продолжала непрерывно давать донесенія о происходящемъ. Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же отрядъ видѣли посты Бенгшеръ и Ганге.

Эссенъ, приказавъ Начальнику бригады легкихъ крейсеровъ атаковать непріятеля, выслалъ на поддержку 2-ю бригаду крейсеровъ и Пятый Дивизіонъ миноносцевъ, получившихъ приказаніе обойти непріятеля съ юга.

Въ 8 часовъ вечера наши крейсера открыли непріятеля, идущаго навстрѣчу — впереди миноносцы, за ними легкіе крейсера.

Приведя ихъ на лѣвый траверзъ, «Громобой» и «Адмиралъ Макаровъ» открыли съ дистанціи въ восемьдесятъ пять кабельтовыхъ огонь. Непріятель отвѣчалъ, но, черезъ полчаса безрезультатной перестрѣлки, повернулъ на западъ и полнымъ ходомъ скрылся въ наступавшей темнотѣ.

Поведеніе въ этотъ день непріятеля вызвало подозрѣніе о возможности постановки имъ миннаго загражденія у банки Аяксъ, что потомъ и подтвердилось траленіемъ.

Въ десять часовъ утра на слѣдующій день три миноносца подошли къ маяку Бакгофенъ и открыли по его башнѣ и постройкамъ поста огонь. И въ этотъ день воздушная развѣдка и посты со всѣхъ сторонъ доносили о появленіи и движеніяхъ непріятеля. Постъ Утэ видѣлъ подъ вечеръ даже брон. к-ръ «Роонъ» и «Фридрихъ Карлъ», а постъ Такхона доносилъ одновременно о появленіи двухъ крейсеровъ типа «Кельнъ».

Миноносцы «Эміръ Бухарскій» и «Усуріецъ» такъ же видѣли непріятеля къ югу отъ Гангэ.

Всю ночь на 7-е августа продолжали поступать донесенія постовъ о непріятелѣ, который проникалъ даже въ Рижскій заливъ. Но, когда черезъ сутки обѣ бригады легкихъ крейсеровъ съ «Рюрикомъ» во главѣ, произвели поискъ въ морѣ противъ устья Финскаго залива, то непріятеля уже нигдѣ не встрѣтили. Только много южнѣе — постъ Штейортъ видѣлъ державшіеся въ морѣ два большихъ и два малыхъ судна.

Около часу ночи съ Такхоны и другихъ сосѣднихъ постовъ поступило донесеніе о какомъ-то взрывѣ въ морѣ, при чемъ, по сдѣланнымъ съ постовъ компаснымъ засѣчкамъ, мѣсто было опредѣлено съ достаточной точностью. Отъ пришедшихъ на о-въ Даго на шлюпкѣ людей экипажа голландскихъ пароходовъ «Алисонъ» и «Гоферинъ», выпущенныхъ изъ Ревеля для слѣдованія на родину, выяснилось, что оба парохода погибли на отмѣченномъ постами мѣстѣ. И цѣною ихъ гибели было обнаружено постановленное тамъ нѣмцами минное загражденіе.

Я такъ подробно остановился на этомъ первомъ періодѣ военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ, чтобы обрисовать не только ту работу, которую съ такимъ спокойнымъ мужествомъ несли подъ ударами врага воспитанные Непенинымъ чины Службы Связи, слѣдя за каждымъ его шагомъ въ районахъ горизонта ихъ видимости и честно оправдывая возлагавшіяся на нее заданія, но и показать, какъ высоко расцѣнивалъ ее самъ врагъ. Не жалѣя снарядовъ громили ея, вынесенные на передовыя позиціи, посты специально посылаемые для ихъ разрушенія отряды крейсеровъ съ миноносцами.

Но и въ самый моментъ такой бомбардировки и тотчасъ вслѣдъ за нею, несмотря на разрушеніе зданій, ихъ чины

продолжали непрерывно доносить обо всемъ происходящемъ, переходя съ радіо-телеграфа на телефонъ и вновь возстанавливая радіо-связь тотчасъ по отходѣ врага.

Цѣнилъ ихъ службу не только прямой ихъ начальникъ — Непенинъ, представлявшій каждаго заслужившаго этого къ боевымъ наградамъ, но не менѣе его, и самъ Эссенъ, каждое такое представленіе неизмѣнно утверждавшій. И, насколько знаю, первые кавалеры Знака Военнаго Ордена Св. Георгія въ Балтійскомъ флотѣ въ эту войну вышли изъ рядовъ его Службы Связи.

Въ трагикомедіи жизни даже величіе духа выявляется порой въ забавной формѣ, придающей его проявленію анекдотическій характеръ. И обладавшій большимъ чувствомъ здороваго юмора, Непенинъ тщательно хранилъ въ своей памяти такого рода эпизоды, любя, при случаѣ, разсказывать ихъ друзьямъ. Къ числу ихъ относится и слѣдующее событіе.

По мобилизаціи Портъ Императора Александра III подлежалъ оставленію, а могущія послужить врагу сооруженія въ немъ — разрушенію. Начальникъ поста Службы Связи капитанъ по Адмиралтейству Б., слѣдуя дѣйствіямъ Командира Порта, преждевременно снялъ радіостанцію и разрушилъ нѣкоторыя зданія, едва избѣжавъ преданія за это суду разгнѣваннымъ Непенинымъ.

А такъ-какъ непріятель никакихъ попытокъ захватить беззащитную Либаву не сдѣлалъ, то послѣдній рѣшилъ вновь выставить тамъ постъ для наблюденія за движеніями непріятеля на путяхъ къ Финскому заливу.

Сознавая опасное положеніе поста и ту отвѣтственность, которая ложилась на его начальника въ случаѣ активныхъ выступленій нѣмцевъ съ моря или суши, онъ вручилъ командованіе имъ флагъ-офицеру собственнаго штаба лейтенанту Бенклевскому, который и установилъ летучую радіостанцію на оставленномъ заводѣ, использовавъ вмѣсто мачты его трубу. Это дѣлало постъ непримѣтнымъ съ моря.

Непріятель бездѣйствовалъ, и потому, съ разрѣшенія Непенина, супруга Бенклевскаго также пріѣхала туда и жила вблизи поста.

И вотъ, въ непродолжительномъ времени, показался идущій съ моря нѣмецкій военный корабль. На посту тревога.

Всѣ его чины — четыре человѣка — вмѣстѣ съ Бенклевскимъ взялись за винтовки. Корабль остановился у входа въ ведущій въ портъ черезъ мелководье каналъ и спустилъ шлюпку, направившуюся въ аванпортъ, очевидно съ цѣлью развѣдки.

Машинный унтеръ-офицеръ Казанцевъ такъ разсказывалъ о томъ, что произошло дальше.

«Разсыпались мы въ цѣпь по стѣнкѣ. Господинъ Бенклевскій занялъ лѣвый флангъ. Я же съ Марьей Константиновной (супругой Бенклевскаго), у которой былъ револьверъ, остались въ резервѣ. Цѣпь немного пострѣляла по шлюпкѣ, а потомъ мы открыли по ней огонь пачками и отразили десантъ. Я получилъ Военный Орденъ 4-ой степени, а Марья Константиновна медаль на Георгіевской лентѣ за храбрость».

Свидѣтелемъ этого отраженія дессанта былъ кап. 2 ранга Никифораки, остававшійся въ Порту для вывоза имущества Учебнаго Отряда Подводнаго Плаванія, подтвердившій всѣ обстоятельства дѣла *). И на основаніи этого Непенинъ представилъ его участниковъ къ наградамъ.

А исторія о томъ, какъ Бенклевскій «разсыпался въ цѣпь», а Казанцевъ съ Бенклевской «держали резервъ» пріобщился къ прочимъ излюбленнымъ Непенинымъ анекдотамъ жизни флота.

Такая четкая и самоотверженная работа постовъ, во главѣ которыхъ стояли сверхсрочнослужащіе унтеръ-офицеры и въ лучшемъ случаѣ кондукторы, объясняется тщательнымъ подборомъ каждаго кандидата самимъ Непенинымъ, а такъ же и стремленіемъ ихъ самихъ попасть къ нему.

«О репутаціи его, какъ человѣка, среди командъ флота» — говоритъ свидѣтель, отлично, по своему большому стажу штурманской службы, знавшій настроенія своихъ подчиненныхъ, **) — «можно сказать, что всѣ посты Службы Связи были такъ хорошо оборудованы для жилья, что всѣ лучшіе сигнальщики и телеграфисты рвались туда. Служба

*) Сообщилъ кап. 1 р. Инж.-Мех. В. П. Орловъ.

**) Кап. 2 р. Н. Н. Крыжановскій. — Мл. Штурм. Оф. л. к-ля "Слава", ведшій занятія по Шт. Дѣлу съ корабельными Г-ми, сигнальщиками и рулевыми, затѣмъ Старшій Штурм. Оф. того же корабля и впослѣдствіи Флагманскій Штурманъ Бригады Легкихъ Крейсеровъ Б. М. — Письмо 8 - 30 - 59.

на постахъ велась отмѣнно и дисциплина была первоклассной, что и сказалось во время революціи: послѣдней развалилась Служба Связи... Осенью, когда записывали желающихъ остаться на сверхсрочную службу, все лучшее... изъ сигнальщиковъ, телеграфистовъ, мотористовъ шло въ Службу Связи».

И это несмотря на то, что всѣмъ была хорошо извѣстна та строгая требовательность, которую онъ предъявлялъ не только къ знанію человѣкомъ техники дѣла, но и къ тѣмъ качествамъ ума с характера, которыя предъявляла служба на постахъ — этихъ крохотныхъ боевыхъ единицахъ флота, разбросанныхъ среди чуждаго по обычаямъ и даже языку населенія — къ каждому изъ ихъ чиновъ и къ старшинамъ особенно.

«Непенинъ безжалостно убиралъ «дураковъ», не умѣвшихъ уживаться» — говоритъ тотъ же авторъ воспоминаній. «Я помню случай съ кондукторомъ на посту острова Оденсхольмъ. На сѣверномъ концѣ острова стоялъ маякъ и постъ Службы Связи. Южнѣе была шведская деревня... Тамъ жили шведы военно-плѣнные, поселенные Петромъ Великимъ. Послѣ войны они не возвратились домой, а выписали женъ. То же было на Наргенѣ, Верденѣ и другихъ островахъ. Они сохранили старый шведскій языкъ временъ Карла XII. У нихъ былъ выборный старикъ, котораго слушались и безъ котораго ничего не предпринимали. Въ прежнія времена многіе прибрежные жители занимались контрабандой и грабежомъ («береговое право», признававшее право собственности жителей на корабли, потерпѣвшихъ крушеніе у ихъ берега и ихъ грузъ. Б. Д.). Этимъ же промышлялъ и Оденсхольмъ. Зажигали фальшивые огни-маяки и было настрого запрещено держать собакъ или пѣтуховъ, чтобы не предупреждать корабли въ туманѣ о близости берега. Съ прогрессомъ и цивилизаціей появились новыя занятія: стали возить контрабанду изъ Эстоніи въ Финляндію и обратно.

Деревня, съ разрѣшенія старика, продавала посту Службы Связи молоко, овощи, хлѣбъ и пр. Кондукторъ, начальникъ поста, обнаружилъ, что жители занимаются контрабандой и началъ сообщать пограничной стражѣ слѣдить за шлюпками. Тогда «старикъ» отдалъ распоряженіе не продавать ничего русскимъ. Маякъ и постъ сѣли на мель по части

провизіи. Контрабанда не входила въ обязанности поста. Когда ссора разгорѣлась и постъ не могъ достать плотника или каменщика, Непенинъ началъ получать жалобы отъ кондуктора, что жить трудно. Непенинъ распорядился: «дурака убрать». Назначили другого кондуктора, перестали заниматься сыскомъ и все починилось».

РАДІО - ПЕЛЕНГАТОРЫ.

Оживленная дѣятельность нѣмцевъ въ сѣверной части Балтійскаго моря сопровождалась усиленными переговорами ихъ судовъ между собою по радіо-телеграфу. И хотя, несмотря на присылку Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ Штабу Командующаго въ дни мобилизаціи полученнаго агентурнымъ путемъ германскаго сигнальнаго свода мирнаго времени, расшифровывать ихъ телеграммы не удавалось, все же, какъ было сказано раньше уже, по самому характеру этихъ переговоровъ, Служба Связи могла дѣлать нѣкоторые выводы о размѣрѣ и характерѣ производимой непріятелемъ операціи.

Но Непенина это не удовлетворяло. Точное опредѣленіе мѣстонахожденія германскихъ кораблей въ морѣ и время ихъ пребыванія въ данномъ пунктѣ могли служить достаточно вѣскимъ указаніемъ на вѣроятный характеръ ихъ операцій, какъ, напримѣръ, — возможной постановки миннаго поля и его размѣровъ. А уже одно это служило бы выполненію той главной задачи, которую онъ съ самаго начала ставилъ Службѣ Связи: — «чтобы флотъ не гибъ у своихъ береговъ», какъ это имѣло мѣсто подъ Портъ-Артуромъ.

Еще въ 1912-мъ году, заботясь о возможности устройства радіо-связи гидроаэроплановъ съ ихъ базой, я обратился къ флагманскому радіо-телеграфному офицеру Штаба Командующаго Морскими Силами Балтійскаго моря лейтенанту И. И. Ренгартену съ просьбой помочь въ этомъ дѣлѣ.

Оказалось, что по техническимъ условіямъ того времени разсчитывать на установленіе полной радіо-связи аппарата съ берегомъ было еще невозможно. И, въ лучшемъ случаѣ, можно было надѣяться лишь на подачу простѣйшихъ сигналовъ съ аппарата, находящагося въ воздухѣ. Меня же тогда больше всего озабочивалъ вопросъ о возможности

связи съ аппаратомъ, вынужденнымъ сдѣлать посадку въ морѣ, чтобы оказать ему быструю помощь. Для этого надо было знать, хотя бы приблизительно, направленіе съ базы, по которому слѣдовало его искать. Вынужденный спуститься летчикъ могъ еще до посадки на воду имѣть время подать сигналъ о бѣдствіи, и это разрѣшало бы вопросъ.

Оказалось, что въ то время Ренгартенъ какъ-разъ работалъ надъ вопросомъ радіо-пеленгованія, т. е. возможности точно опредѣлять компасное направленіе на подающую сигналъ станцію. Для этихъ опытовъ ему было необходимо имѣть спеціально приспособленное зданіе радіостанціи. И то обстоятельство, что въ бюджетѣ авіаціи имѣлся спеціальный кредитъ на опыты радіо-связи и постройку на Кильkøbндѣ радіо-станціи, предоставляло ему возможность скорѣе приступить къ нимъ.

Такимъ образомъ къ началу войны тамъ уже имѣлось зданіе, вполнѣ отвѣчающее его требованіямъ. И хотя за все время ея мы аэропланныхъ радіо такъ и не получили, и въ началѣ войны пользовались присланной намъ Непенинымъ для связи съ Ревелемъ и судами въ морѣ простой станціей, зданіе это вскорѣ послужило еще болѣе важной задачѣ радіо-пеленгованія, сыгравшаго въ рукахъ Непенина и его изобрѣтателя — Ренгартена большую роль въ ходѣ морскихъ дѣйствій во время Первой Міровой Войны.

Непенинъ, хотя и занятый въ тотъ періодъ организаціи Службы Связи по-горло, очень заинтересовался работами Ренгартена въ этомъ направленіи. Однако, такъ какъ весь вопросъ объ осуществленіи идеи радіо-пеленгованія былъ лишь «журавлемъ въ небѣ», то включеніе радіо-пеленгаторовъ въ наблюдательную работу Службы Связи состоялось лишь послѣ начала войны, быстро двинувшей превращеніе ихъ въ подлинную «синицу въ рукахъ».

Зимой 1914-15 г. г. радіо-пеленгаторы — эти первые предшественники «радара», были установлены на о. Эзель (Воздушная Станція Кильконлъ), а затѣмъ и въ Либавѣ (Постъ Службы Связи).

«Слѣдили за радіо нѣмцевъ, проходящихъ за параллель Либавы», — говоритъ флагъ-офицеръ Оперативнаго Отдѣла Штаба Флота, — «опасаясь попытки прорыва въ Финскій заливъ. Со взятіемъ «Магдебурга» и шифровъ слѣжка за

радіотелеграфированіемъ нѣмцевъ усилилась. Непенинъ сразу понялъ и оцѣнилъ ихъ значеніе.. Со взятіемъ Либавы въ Апрѣлѣ 1915 года всталъ вопросъ о развитіи сѣти радіо-пеленгаторовъ на сѣверѣ... Были они всегда при радіо-станціяхъ. По-моему въ Маріенхамнѣ, Або, Гангэ... *). Радіо пеленгаторы сыграли предупреждающую роль въ опредѣленіи похода нѣмцевъ на сѣверъ, а работа слѣжки за радіотелеграфированіемъ имѣла рѣшающее значеніе на всѣ операціи флотовъ».

МАГДЕБУРГЪ.

10 августа сѣверную часть Балтійскаго моря окуталъ настолько густой туманъ, что находившіеся въ завѣсѣ крейсера «Паллада» и «Богатырь» и Первый Дивизіонъ миноносцевъ были вынуждены отойти съ позиціи и стать на якорь — первые въ Балтійскомъ Порту, вторые въ Лапвикѣ. Служба Связи получила объ этомъ извѣщеніе Штаба Флота и передала его по своимъ постамъ.

12-го вечеромъ посты Такхона и Гапсаль сообщали о близкихъ радіопереговорахъ двухъ непріятельскихъ судовъ. А затѣмъ Оденсхольмъ донесъ по радіо, что, повидимому, какое-то судно, можетъ-быть миноносецъ, выскочило на камни у самого острова.

«Ругаются, но не по-русски» — сообщалъ старшина поста. А немного спустя онъ, вызвавъ по стоявшему у самой постели Непенина телефону его самого, взволнованно доложилъ, что съ сидящаго на мели корабля высаживаютъ десантъ очевидно, чтобы разрушить постъ и радіостанцію. «Что прикажете дѣлать?»

Крѣпкимъ русскимъ словцомъ загнулъ Непенинъ растерявшагося было старшину и тотъ такъ «отъ него воодушевился», что вооружилъ свой постъ, т. е. сигнальщиковъ, телеграфистовъ, маячную прислугу и пр. и отбилъ дессантъ, взявъ нѣмцевъ въ плѣнъ. **)

---

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ — Въ 1915-мъ г. былъ въ командировкѣ на сухопутномъ фронтѣ и съ войсками шедшими съ Дальняго Востока во Францію, вслѣдствіе чего не помнитъ точно расположенія всѣхъ этихъ станцій. — Письмо автору 18 - 11 - 59.

**) Кап. 2 р. Н. Е. Крыжановскій. Письмо автору 8-8-59.

Съ корабля отвѣтили пулеметами. Шлюпка скрылась въ туманѣ. Сквозь туманъ корабля видно не было, но, судя по звукамъ отдаваемаго якорнаго каната и другимъ признакамъ, постъ сообщилъ, что это не миноносецъ, а болѣе крупный корабль.

Съ такими свѣдѣніями въ рукахъ Непенинъ рѣшилъ дѣйствовать.

Онъ «показалъ великолѣпную инициативу» говоритъ б. Флагъ-Офицеръ Оперативной Части Штаба Флота *)», и самъ пошелъ туда, подойдя къ «Магдебургу» первымъ. Тамъ уже шла эвакуація, т. к. подошли два миноносца. Бывшій съ «Магдебургомъ» крейсеръ «Аугсбургъ» держался вдали, боясь, повидимому, судьбы перваго. На «Магдебургѣ» команда была въ паникѣ. Каждый спасалъ свое бѣлье. Захваченные въ плѣнъ имѣли на себѣ по два-три комплекта одежды».

«13-го августа ночью» — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ст. лейт. М. В. Гамильтонъ, **) бывшій 2-мъ офицеромъ миноносца Службы Связи «Лейтенантъ Бураковъ», состоявшаго подъ командой лей-та Ромашева и находившагося всегда въ 4-хъ часовой готовности, — «Адріанъ Ивановичъ позвонилъ на «Бураковъ» и сообщилъ, что постъ на Оденсхольмѣ донесъ, что въ морѣ густой туманъ, но что они слышатъ нѣмецкую рѣчь и полагаютъ, что какой-нибудь корабль выскочилъ на островъ. А. И. добавилъ, что донесъ объ этомъ въ Штабъ Комфлота, но что тамъ отнеслись скептически къ этому донесенію, хотя, въ концѣ концовъ, рѣшили отдать приказаніе Второму Дивизіону (въ концѣ войны переименованному въ Шестой) приготовиться къ походу. А. И. приказалъ намъ поднять пары и быть готовыми къ выходу въ море. Черезъ часъ или два А. И. пришелъ на миноносецъ и сказалъ, что, разъ штабъ ничего не предпринимаетъ, то онъ рѣшилъ идти самъ къ Оденсхольму, чтобы выяснить, въ чемъ дѣло. Мы вышли съ «Рьянымъ» около шести часовъ утра въ туманѣ, какого мнѣ никогда еще не пришлось видѣть. При уходѣ изъ Ревеля Штабъ сообщилъ намъ, что въ морѣ нѣтъ никакихъ кораблей, такъ что все, что мы встрѣтимъ можно разсматривать какъ непріятеля. На ходу намъ передавали донесенія отъ Постовъ Службы Связи: — туманъ

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ. Письмо 31 - 3 - 56.
**) Написаны по просьбѣ автора въ 1955 г.

немного разсѣялся, и можно было опредѣлить, что выскочившій на островъ вбизи маяка непріятельскій крейсеръ долженъ быть или «Роонъ» или «Магдебургъ» *). Мы прошли Оденсхольмъ съ сѣвера, обошли его кругомъ и пошли потомъ съ юга на сѣверъ вдоль острова».

Непенинъ, разумѣется, долженъ былъ имѣть въ виду, что хотя и потерпѣвшій аварію, но все же оставшійся на плаву, корабль могъ оказаться одной изъ самыхъ мощныхъ боевыхъ единицъ германскаго флота. Къ тому же при немъ могли находиться и другія суда, о которыхъ говорили донесенія поста. Рискъ предпринимаемыхъ имъ дѣйствій былъ очевиденъ. Но помнилъ онъ, конечно, и ту ночь, когда, даже жертвуя «Сторожевымъ», не могъ онъ уберечь отъ мины японскаго миноносца, охраняемаго имъ въ бухтѣ Бѣлаго Волка «Севастополя». Добыча предстоящей атаки представлялась настолько привлекательной, что упустить ее было бы совершенно недопустимо. Это говорилъ ему и тотъ инстинктъ заядлаго охотника, который оцѣнили еще на «Манджурѣ» его соплаватели, поднеся ему ружье. И ко всему этому его безпокоила участь молодецкой команды поста, помочь которой онъ считалъ себя обязаннымъ.

Разсказъ Гамильтона даетъ возможность выяснить съ достаточной достовѣрностью планъ дѣйствій Непенина.

Сближеніе въ густомъ туманѣ съ неподвижнымъ противникомъ, положеніе котораго было хорошо извѣстно, требовало прежде всего точнаго опредѣленія своего собственнаго мѣста для безошибочнаго направленія линіи атаки. Съ этой цѣлью миноносцы приближаются къ острову съ противоположной пункту аваріи стороны, внѣ видимости со стороны непріятеля.

Затѣмъ, ввиду полной вѣроятности нахожденія и другихъ его судовъ, какъ у самого пострадавшаго корабля, такъ и невдалекѣ въ морѣ, Непенинъ, прежде всего, обслѣдываетъ прилегающее пространство моря. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ здѣсь, онъ, какъ это и подтверждается ходомъ

*) Такая неточность опредѣленія типа корабля, несмотря на огромное различіе типовъ легкого крейсера отъ броненоснаго колосса, объясняется, конечно, присущимъ обоимъ 4-мя трубами яснѣе видимыми въ менѣе густой верхней области тумана. Все же донесеніе указываетъ сознательность отношенія старшины поста къ возможности ошибки, предупреждающаго могущія послѣдовать изъ-за нея тяжелыя послѣдствія. Б. Д.

дальнѣйшихъ дѣйствій, направилъ бы атаку своихъ двухъ миноносцевъ на эти корабли. Во-первыхъ потому, что въ густомъ туманѣ она могла быть успѣшной и нанести врагу новый серьезный уронъ. И еще потому, что она, несомнѣнно, вынудила бы его отойти въ море и облегчила бы тѣмъ самымъ выполненіе основной задачи.

Наконецъ, если бы даже въ морѣ не оказалось бы никакихъ кораблей, то все же направленіе атаки на потерпѣвшій аварію корабль со стороны моря могло значительно способствовать ея успѣху, такъ какъ въ туманѣ онъ могъ легко принять наши миноносцы за свои, идущіе ему на помощь, и шансъ на сближеніе съ нимъ на дистанцію миннаго выстрѣла сильно возрасталъ.

Этотъ тактическій превосходный маневръ едва не стоилъ, однако, его автору горькой участи погибнуть отъ руки своихъ собственныхъ кораблей, бывшихъ, къ тому же подъ командой его личныхъ друзей, и даже отъ еще болѣе грознаго рока Эдипа — стать невольнымъ убійцей тѣхъ самыхъ, такъ дорогихъ его сердцу людей и судовъ родного флота, служить охранѣ которыхъ отъ врага было первой задачей всей его работы.

«Въ это время», — говоритъ Гамильтонъ, — «мы услышали сильную артиллерійскую стрѣльбу. Наконецъ, туманъ еще разсѣялся, и мы увидѣли слѣва нѣмецкій корабль на островѣ и справа два другихъ большихъ корабля. Мы были приготовлены къ минной атакѣ, и я стоялъ около одного изъ минныхъ аппаратовъ, когда миноносецъ повернулъ круто къ большимъ кораблямъ, такъ какъ Адріанъ Ивановичъ и Ромашевъ думали, что это нѣмцы. Корабли въ свою очередь открыли по намъ огонь и, развернувшись, мы увидѣли, что это «Богатырь» и «Паллада». Адріанъ Ивановичъ рявкнулъ: «Телеграфируйте этимъ идіотамъ, что это мы» и радіотелеграфистъ началъ давать наши позывныя — «Это я — Девять Покой». Наконецъ, мы приблизились къ «Богатырю», командиръ котораго былъ старшимъ изъ присутствующихъ. Послѣ ряда непечатныхъ привѣтствій и упрековъ между командиромъ «Богатыря» и Адріаномъ Ивановичемъ онъ сообщилъ, что «Магдебургъ» только что прекратилъ огонь и приказалъ Адріану Ивановичу приблизиться къ «Магдебургу» возможно ближе, а если онъ начнетъ стрѣлять, отойти въ сторону и онъ опять откроетъ огонь».

Легко себѣ представить ту, достойную стилографа Софокла трагедію, которая могла имѣть мѣсто, если бы благодѣтельная судьба не разсѣяла туманъ какъ-разъ въ самый критическій моментъ.

«Мы подошли кабельтовъ на два» — продолжаетъ Гамильтонъ, — «и остановились. На палубѣ не было никого, что, впрочемъ, было неудивительно, такъ какъ всѣ орудія «Магдебурга» были за щитами и люди могли быть за ними. Наши минные аппараты были направлены на «Магдебургъ».

Видя, что на крейсерѣ нѣтъ никакого движенія, Адріанъ Ивановичъ приказалъ спустить вельботъ и отправилъ меня на крейсеръ. Вельботъ спустили, посадили четырехъ гребцовъ съ винтовками. Я рѣшилъ взять командный револьверъ, одѣлъ шнуръ на шею и засунулъ револьверъ въ штаны. Взяли съ собой сигнальщика съ сигнальными флажками и Андреевскимъ флгомъ на всякій случай. Адріанъ Ивановичъ сказалъ мнѣ то же самое, что и командиръ «Богатыря»: «Если увидите опасность — отходите въ сторону и мы выпустимъ мины».

Приблизившись къ «Магдебургу», я увидѣлъ, что съ кормы виситъ штормъ-трапъ, и подошелъ къ нему. Два гребца держались крюками за крейсеръ, двое взяли винтовки, а я съ сигнальщикомъ полѣзли по штормъ-трапу на крейсеръ. Когда моя голова поровнялась съ палубой, я увидѣлъ, что ко мнѣ бѣгутъ нѣмцы — человѣкъ шесть или семь. Я рѣшилъ взять въ руки револьверъ, но, пока я лѣзъ по штормъ-трапу, онъ выскочилъ изъ штановъ и болтался на длинномъ шнурѣ между ногъ. Я вытянулъ шнуръ, взялъ въ руку револьверъ и поднялся на палубу.

Нѣмцы меня окружили, но всѣ были безоружны. Не владѣя въ то время достаточно нѣмецкимъ языкомъ, я спросилъ, не говоритъ ли кто-нибудь по-англійски или по-французски. Мнѣ отвѣтилъ квартермейстеръ, объяснивъ, что онъ эльзасецъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что съ ними случилось. «Магдебургъ» выскочилъ на Оденсхольмъ носомъ, но, несмотря на то, что винты не были тронуты, сняться съ мели не могъ. Онъ вызвалъ два миноносца, которые, ошвартовавшись къ крейсеру, начали грузить все, что можно было увезти. Вотъ почему вся палуба была покрыта самыми разнообразными предметами: снаряды, рубашки, посуда и т. п .Когда они за-

мѣтили приближенiе «Богатыря» и «Паллады» и когда они открыли огонь, миноносцы забрали сколько могли команды крейсера и удрали. На «Магдебургѣ» остались только матросы, окружившiе меня, а остальные бросились въ воду и вплавь отправились на Оденсхольмъ.

Когда онъ закончилъ свой разсказъ, я сказалъ ему, что пойду сейчасъ спустить германскiй флагъ и что мы поднимемъ русскiй, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: — «Это война, господинъ лейтенантъ». Мы пошли къ флагу, нѣмцы шли слѣдомъ. Мы спустили германскiй флагъ. Онъ былъ привязанъ къ фалу нѣсколькими узлами, фалы въ туманѣ намокли и мы не могли руками развязать узлы. Я приказалъ принести ножъ. Нѣмецъ сбѣгалъ въ камбузъ и принесъ большой кухонный ножъ. Мы разрѣзали фалы, свернули германскiй флагъ и подняли Андреевскiй. Команды нашихъ миноносцевъ были выстроены и кричали «ура».

Когда церемонiя съ флагомъ окончилась, я сказалъ квартермейстеру, что больше на крейсерѣ дѣлать нечего и мы отправимся всѣ на «Бураковъ», а затѣмъ шлюпки съ обоихъ миноносцевъ займутся перевозкой нѣмцевъ съ Оденсхольма.

На это квартермейстеръ доложилъ мнѣ, что у нихъ есть еще командиръ, который сидитъ у себя въ каютѣ. Я приказалъ доложить о себѣ, а самъ СТАЛЪ НА ПАЛУБѢ, ШВЫРЯЯ НОГАМИ ВСЯКIЕ ПРЕДМЕТЫ, И ВДРУГЪ ПОДЪ ПАКЕТОМЪ СЪ РУБАШКАМИ Я ЗАМѢТИЛЪ СИГНАЛЬНЫЙ КОДЪ. НЕ ЖЕЛАЯ ПРИВЛЕКАТЬ ВНИМАНIЕ НѢМЦЕВЪ Я СТАЛЪ ТОЛКАТЬ ЕГО НОГАМИ КЪ БОРТУ И КОГДА НАШЪ ВЕЛЬБОТЪ ОКАЗАЛСЯ ПОДЪ НАМИ, Я БРОСИЛЪ ЕГО ВЪ ВЕЛЬБОТЪ» *).

Курсивъ, которымъ я счелъ нужнымъ привести послѣднюю фразу, употребленъ мною потому, что она служитъ существенной поправкой къ разсказу «Черномора» **) о находкѣ Гамильтономъ кода на «Магдебургѣ». Въ послѣднемъ говорится будто бы онъ увидѣлъ кодъ на письменномъ столѣ командира крейсера и незамѣтно спряталъ его въ карманъ, что не только было бы мало вѣроятнымъ въ виду размѣра книги, но и клало весьма темное пятно на командира корабля,

---

*) Курсивъ мой. Б. А. . .
**) "Волны Балтики". Стр. 87.

имѣвшаго этотъ секретнѣйшій документъ передъ своими глазами и не потрудившагося хотя бы выбросить его за бортъ. Какъ-ни-какъ, а вѣдь онъ не только не оставилъ самъ своего обреченнаго корабля, но, видимо, до того, какъ его команда была снята, готовился и бороться за его недвижное тѣло до самаго конца, накрѣпко привязавъ родной флагъ, чтобы никто не могъ его спустить. Павшему врагу морская этика всегда требовала воздавать должное. А быстротѣ соображенія Гамильтона и ловкости его маневра подлинная картина событія, принесшаго неисчислимо важныя послѣдствія, лишь прибавляетъ чести.

Но возвратимся къ его собственнымъ воспоминаніямъ.

«Квартермейстеръ вернулся доложить, что командиръ меня ожидаетъ, и повелъ меня въ его каюту. Надо было пройти черезъ каютъ-кампанію, и я замѣтилъ, что офицеры въ моментъ тревоги пили утренній кофе, и чашки были наполовину наполнены.

Я вошелъ въ каюту и представился командиру, который протянулъ мнѣ свой кортикъ. Я попросилъ его надѣть кортикъ, такъ какъ онъ еще на своемъ кораблѣ и что онъ отдастъ его моему начальству на миноносцѣ. Онъ былъ очень тронутъ этимъ жестомъ и еще разъ пожалъ мнѣ руку. Я замѣтилъ, что то, что я говорилъ ему по-англійски или по-французски, онъ едва понимаетъ, а по-нѣмецки я самъ былъ очень слабъ. Подумавъ я произнесъ, наконецъ, фразу, которая, несмотря на трагическій моментъ, вызвала его улыбку. Я сказалъ: «Воленъ-зи нахъ торпедо геенъ?» Эта перспектива (прокатиться на минѣ — Б. Д.) ему, конечно, не улыбалась, но онъ только спросилъ меня, можетъ ли онъ взять съ собою нѣкоторыя личныя вещи? Я, конечно, разрѣшилъ. Онъ осмотрѣлся вокругъ каюты, открылъ свое американское бюро, затѣмъ захлопнулъ его, махнулъ рукой и сказалъ, что онъ готовъ.

Мы спустились въ вельботъ и направились къ «Буракову».

ПРИСТАЛИ, КОНЕЧНО, КЪ ПРАВОМУ ТРАПУ (курсивъ мой Б. Д.) *).

---

*) Какъ подобало командиру корабля, хотя тотъ въ этотъ моментъ уже былъ подъ русскимъ флагомъ — актъ вѣжливости, принятый на всѣхъ флотахъ, былъ ему оказанъ. Б. Д.

Адріанъ Ивановичъ и Ромашевъ встрѣчали. Командиръ «Магдебурга» поднялся на «Бураковъ» и тотчасъ же, снявъ кортикъ, протянулъ его Адріану Ивановичу.

Его пригласили въ каютъ-кампанію, а съ другимъ вельботомъ съ «Рьянаго» начали перевозить команду «Магдебурга» съ острова на наши миноносцы. Насколько помню ихъ было человѣкъ 60-70 *). Среди нихъ два офицера — одинъ съ «Магдебурга», другой съ миноносца, который приходилъ снять команду съ «Магдебурга». Миноносецъ ушелъ такъ внезапно, что забыли взять своего офицера. Онъ былъ прямо въ ярости, что попался такъ глупо въ плѣнъ. Оба офицера спасались на островъ вплавь и были совершенно мокрые, такъ что я остановился по дорогѣ у «Магдебурга», чтобы дать имъ возможность переодѣться.

Забравъ всю команду, миноносцы, по приказанію штаба, пошли въ Балтійскій Портъ. Нѣмецкіе офицеры были приглашены завтракать съ нами; кушали съ аппетитомъ и выпили нѣсколько рюмокъ водки. Къ концу завтрака командиръ «Магдебурга» капитанъ 2-го ранга Хабенихтъ произнесъ маленькую рѣчь, въ которой благодарилъ за гостепріимство и гуманное отношеніе, и высказалъ пожеланіе, что, если мы окажемся въ такомъ же положеніи, чтобы нѣмецкіе офицеры отнеслись бы къ намъ съ тѣмъ же благожелательствомъ.

Адріанъ Ивановичъ отвѣтилъ: «Скажите ему, что этого не будетъ».

Въ Балтійскомъ Порту мы вошли въ гавань. На берегу насъ ожидала сотня казаковъ, которая должна была конвоировать нѣмцевъ. Когда нѣмцы увидѣли казаковъ, они отказались сходить на берегъ, утверждая, что ихъ разстрѣляютъ, и намъ пришлось не мало ихъ уговаривать, чтобы они сошли на берегъ.

На берегу они выстроились, и урядникъ **) подошелъ ко мнѣ. «Ваше В-іе, какъ же я ими буду командовать? Вѣдь они по-русски не понимаютъ?» Я отвѣтилъ: «А ты попробуй». Онъ откашлялся и скомандовалъ: «Налѣ-во. Шагомъ

*) По офиціальнымъ даннымъ всего было взято въ плѣнъ 54 человѣка команды. "Черноморъ". — "Волны Балтики" стр. 88. Б. Д.

**) Изъ того, что казаками командовалъ не офицеръ надо полагать, что присланный конвой былъ въ составѣ не сотни, а лишь одного взвода. Б. Д.

маршъ». Нѣмцы, какъ одинъ, исполнили команду и пошли къ поѣзду. Я узналъ впослѣдствіи, что офицеры содержались въ плѣну въ Хабаровскѣ, а команда не знаю гдѣ».

По приходѣ въ Ревель Адріанъ Ивановичъ отправился съ флагомъ въ Штабъ Флота. Онъ былъ принятъ очень холодно, такъ какъ въ штабѣ всѣ были возмущены, что это мы брали «Магдебургъ», а не любимчики изъ Первой Минной Дивизіи. Мы не получили ни благодарности, ни наградъ. Только сигнальщикъ, бывшій со мною на «Магдебургѣ», получилъ Георгіевскій крестъ».

* * *

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ мною ранѣе словъ одного изъ чиновъ Штаба Флота, заключительныя слова автора чрезвычайно интересныхъ и весьма точныхъ воспоминаній, приведенныхъ выше, не совсѣмъ справедливы. Можно съ увѣренностью сказать, что далеко не «всѣ» въ Штабѣ встрѣтили Непенина холодно и были недовольны его дѣйствіями. По крайней мѣрѣ это сомнѣніе справедливо въ отношеніи Оперативнаго Отдѣленія, глубоко, во главѣ съ Колчакомъ, Непенина уважавшаго и всегда во всемъ его поддерживавшаго, а тутъ и оцѣнившаго даже его «великолѣпную инициативу».

Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что Непенинъ, со своей стороны, представлялъ къ наградамъ изъ чиновъ миноносцевъ не «только сигнальщика», на долю котораго выпала лишь честь выполнить приказаніе поднять на «Магдебургѣ» Андреевскій флагъ. Хорошо лично по себѣ и чинамъ авіаціи зная исключительную заботливость его въ дѣлѣ поощренія своихъ подчиненныхъ не только путемъ умѣло и во-время сказаннаго слова, глубоко проникавшаго въ сердца, но и представленія ихъ къ заслуженнымъ наградамъ, за выполненіемъ которыхъ онъ зорко слѣдилъ, я беру на себя смѣлость утверждать, что и въ данномъ случаѣ подобныя представленія имъ были сдѣланы. И если онѣ не увѣнчались успѣхомъ, то разгадку слѣдуетъ искать въ отношеніи къ дѣлу кого-то другого, имѣвшаго возможность и желаніе сдѣлать непріятность ему лично, путемъ воспрепятствованія успѣху его ходатайствъ.

Кап. 1-го ранга Люби (Черноморъ — «Волны Балтики»), говоря о встрѣчѣ Непенина съ крейсерами, упоминаетъ только, что Непенину было сообщено Штабомъ Флота лишь то, что въ морѣ не было нашихъ кораблей. Лейтенантъ Гамильтонъ добавляетъ, что данная при этомъ инструкція говорила еще «что все встрѣченное въ морѣ слѣдуетъ разсматривать какъ непріятеля». О томъ же, что ни крейсера, при посылкѣ ихъ къ Оденсхольму, ни Непенинъ не были предупреждены о возможной ихъ тамъ встрѣчѣ другъ съ другомъ, первый не упоминаетъ вовсе. Это дѣлаетъ описаніе эпизода неяснымъ, затушевывая вину лица это допустившаго. А нѣкоторыя и другія расхожденія со свидѣтельствомъ Гамильтона, какъ напримѣръ то, что крейсера будто бы не стрѣляли по «Буракову», лишь случайно попавшему подъ «перелеты» ихъ огня по «Магдебургу», и что «Бураковъ» якобы выпустилъ по «Богатырю» мины, заставляютъ отнестись къ разсказу Черномора съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

А тотъ слегка юмористическій оттѣнокъ, который онъ, видимо, старается придать этой едва не закончившейся трагедіей неожиданной встрѣчѣ въ туманѣ крейсеровъ съ миноносцами, шедшими подъ командой того самого Начальника Службы Связи, который всѣ свои силы прилагалъ къ тому, чтобы возможно точно знать о всякомъ движеніи судовъ въ морѣ, можно объяснить лишь весьма неудачной попыткой затушевать вину Начальника Штаба Флота, повидимому не сосчитавшаго нужнымъ держать Непенина въ курсѣ предпринимаемыхъ операцій.

Уже и до этого случая Непенинъ не разъ жаловался, что Штабъ Флота его въ этомъ отношеніи игнорируетъ. И отлично понимая, что виновникомъ этого является, конечно, не Эссенъ, такъ какъ это всецѣло входило въ область вѣдѣнія Начальника Штаба, онъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе этому послѣднему.

Легко себѣ представить, въ какомъ настроеніи явился онъ въ Штабъ по возвращеніи изъ похода. Его мечущіе молніи глаза и всѣ тѣ «чисто русскія» выраженія, слетавшіе съ его языка при его «служебномъ» докладѣ по поводу всего происшедшаго. Мы знаемъ, какъ онъ не постѣснялся, даже въ мирное время, въ присутствіи властнаго Григоровича и Начальника Военно-Инженернаго Отдѣла Морского Мини-

стерства, обвинить, стукнувъ кулакомъ по столу. Строительство Свеаборскаго Порта въ злоупотребленіяхъ при постройкѣ зданій Службы Связи. И можно съ увѣренностью сказать, что и теперь свои обвиненія Штаба онъ выразилъ въ еще болѣе яркой формѣ и, быть можетъ, даже въ присутствіи Эссена.

Контръ-адмиралъ Керберъ, *) не безъ причины прозванный на флотѣ «Злымъ Дядей», даже если и признавалъ себя виновникомъ происшедшаго, не могъ, конечно, простить такого отношенія со стороны прямого своего подчиненнаго, (по странному наслоенію должностей, возлагавшихся одна за другой на Непенина онъ, даже будучи Начальникомъ Приморскаго Фронта Крѣпости Имп. Петра Великаго, все еще числился, какъ Начальникъ Службы Связи въ Штабѣ Командующаго Флотомъ), и, всего вѣроятнѣе, смогъ отплатить ему именно тѣмъ, что положилъ всѣ его представленія къ наградамъ «подъ сукно». И награжденіе одного только сигнальщика Георгіевскимъ крестомъ должно было, очевидно, лишь сильнѣе это подчеркнуть.

Что же касается дружескихъ личныхъ отношеній главныхъ участниковъ этого инцидента, во время котораго всѣ они дѣйствовали безукоризненно, какъ и должны были поступать люди рѣшительные и твердо помнившіе старое мудрое морское правило — при встрѣчѣ въ морѣ во время войны съ кораблемъ безъ флага (а туманъ дѣлалъ положеніе равносильнымъ) сперва разстрѣлять его, а потомъ уже справляться о его національности, такъ какъ иначе можешь быть самъ имъ утопленъ, — то они нисколько не пострадали и лишь прибавили матерьяла для ихъ общихъ воспоминаній. И обсуждая дѣло, всѣ они признавали, что только удачный маневръ Непенина, быстро развернувшагося и показавшаго крейсерамъ типичный профиль «Буракова», спасъ послѣдній отъ разстрѣла своими.

* * *

Несмотря на всѣ усилія, приложенныя опытными въ этомъ дѣлѣ людьми спасательной партіи, снять «Магдебургъ» съ камней не удалось. Наступившими осеннними штормами

---

*) Во время войны принявшій фамилію — Корвинъ. Б. Д.

корпусъ его былъ разбитъ о камни окончательно. Сняты были только орудія и другое оборудованіе и имущество, которое было нетрудно отдѣлить отъ корпуса.

Спускавшіеся для осмотра подводной части крейсера водолазы нашли, среди разнаго, выброшеннаго или упавшаго при перегрузкѣ съ крейсера на помогавшіе ему миноносцы имущества, тѣло утонувшаго сигнальнаго старшины, въ рукахъ котораго была книга, оказавшаяся вторымъ экземпляромъ того же сигнальнаго кода.

Погибъ ли онъ случайно, упавъ въ воду при попыткѣ перейти на подошедшій миноносецъ, или же преднамѣренно бросился въ воду, увидѣвъ угрозу захвата корабля — сказать невозможно. Но, такъ или иначе, этотъ герой честно выполнилъ свой долгъ до конца, цѣной собственной жизни спасая врученную его попеченію секретную книгу отъ опасности стать добычей врага.

Судьба сыграла надъ этимъ безвѣстнымъ героемъ жестокую шутку. Напрасенъ оказался его подвигъ потому, что кто-то другой, на отвѣтственности котораго находился второй экземпляръ той же книги, быть можетъ спасая себя или свое имущесво, въ паникѣ небрежно обронилъ его на палубѣ корабля, гдѣ и запримѣтилъ его зоркій глазъ русскаго лейтенанта, тотчасъ оцѣнившаго эту находку. Мало того. Изъ-за военной необходимости избѣжанія опубликованія малѣйшихъ намековъ на то, что этотъ кодъ могъ оказаться въ рукахъ русскаго флота, даже самый фактъ находки его тѣла остался скрытымъ. И нѣмецкій народъ такъ никогда и не узналъ о своемъ безвѣстномъ героѣ.

Конечно, нахожденіе этого второго экземпляра кода никакъ не уменьшало заслуги быстро оцѣнившаго свою находку Гамильтона. Захваченный имъ кодъ, какъ лучшій экземпляръ былъ посланъ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ англичанамъ. Но если бы онъ и былъ единственнымъ, то ничто не помѣшало бы снабдить союзный флотъ фотографической его копіей, каковы были сдѣланы для Балтійскаго и Чернаго морей.

Тѣмъ не менѣе можно думать, что именно этотъ фактъ послужилъ поводомъ къ тому, чтобы обойти наградой безусловно заслуживавшаго ее молодого офицера, а, въ его лицѣ,

свести на-нѣтъ и заслугу самого Непенина во всемъ этомъ дѣлѣ.

* * *

Усиленная дѣятельность германскихъ крейсеровъ въ сѣверной части Балтійскаго моря, приведшая къ аваріи одного изъ нихъ, въ связи съ ихъ радіотелеграфными переговорами, давала указаніе на вѣроятность постановки ими минного загражденія значительныхъ размѣровъ, и наблюденія постовъ Службы Связи даже опредѣляли довольно точно его вѣроятное мѣстонахожденіе. Густой туманъ помѣшалъ траленію этого пункта, но какъ только онъ разсѣялся, оно было выполнено тралящимъ караваномъ въ составѣ восьми «тральщиковъ» и перваго отдѣленія 7-го дивизіона миноносцевъ. Предположительное мѣсто поля вскорѣ подтвердилось, и первой жертвой флота въ эту войну явился взорвавшійся на мелкопоставленной минѣ тральщикъ «Проводникъ». Бывшій въ дозорѣ миноносецъ «Видный» едва успѣлъ предупредить караванъ о приближеніи трехъ нѣмецкихъ крейсеровъ, когда послѣдніе открыли безрезультатный огонь по подбиравшему брошенныя остальными тральщиками шлюпки «Якорю». Какъ и на рейдахъ Портъ-Артура, служба траляющихъ мины судовъ оказалась одной изъ самыхъ опасныхъ и потребовала отъ ихъ состава высокихъ воинскихъ качествъ, вполнѣ имъ оправданныхъ.

Высланные для охраны каравана, крейсера «Адмиралъ Макаровъ» и «Баянъ» запоздали, и недовольный ихъ дѣйствіями Эссенъ смѣнилъ командира «Макарова», какъ старшаго, за то, что тотъ «упустилъ противника, имѣя превосходство въ силахъ».

Обнаруженіе большого миннаго поля, точныя границы котораго были затѣмъ обслѣдованы тралящимъ караваномъ, въ устьѣ залива привело Эссена къ заключенію, что германскій флотъ отказался отъ активныхъ дѣйствій въ самомъ заливѣ, а слѣдовательно и отъ непосредственной угрозы Петрограду. Это по его представленію Верховному Командованію, должно было развязать его руки для начала активныхъ операцій въ самомъ Балтійскомъ морѣ, къ которымъ онъ все время стремился. Но ему вновь было указано строго держаться оборонительной стратегіи, глубокій вредъ которой для духа флота онъ ясно предвидѣлъ.

* * *

РАДІОСТАНЦІЯ « ЖАНДАРМЪ ».

Съ первыхъ же дней войны Непенина весьма озабочивалъ вопросъ о возможномъ шпіонажѣ противника на морскомъ театрѣ. Какъ на территоріи Финляндіи, такъ и въ Прибалтійскомъ краѣ слѣдовало ожидать наличія на побережьи агентовъ, имѣющихъ задачей слѣдить за движеніями нашихъ кораблей.

При достаточно строгой цензурѣ обыкновенныхъ телеграфныхъ сношеній, можно, было, конечно, въ особо важныхъ случаяхъ, даже и вовсѣ пріостанавливать передачу какихъ-либо телеграммъ на время производимаго флотомъ боевого маневра. Это, какъ-разъ и имѣло, напримѣръ, мѣсто при выходѣ эскадры къ берегамъ Швеціи, когда Эссенъ остановилъ всю работу телеграфа въ Финляндіи на время, по истеченіи котораго всякія свѣдѣнія, полученныя германскимъ морскимъ командованіемъ явились бы запоздалыми и теряли для него всякую цѣнность.

Но не такъ легко было бы сдѣлать это, если бы непріятельскіе агенты располагали для передачи своихъ донесеній секретными радіостанціями, обнаружить которыя было бы весьма трудно даже, если бы ихъ работа и была замѣчена въ воздухѣ.

Хотя борьба со шпіонажемъ и не входила прямо въ кругъ дѣятельности Службы Связи, вопросъ этотъ его серьезно безпокоилъ и, какъ только узналъ о разрѣшеніи Ренгартеномъ техники радіо-пеленгованія, онъ сразу же оцѣнилъ всѣ тѣ возможности, которыя его изобрѣтеніе открывало для этой цѣли.

Немедленно же, пользуясь двойственнымъ своимъ служебнымъ положеніемъ Начальника Службы Связи и Начальника Берегового Фронта Крѣпости Императора Петра Великаго, для строительныхъ работъ котораго онъ располагалъ инженерами и рабочими высокой квалификаціи, онъ, получивъ разрѣшеніе адмираловъ Эссена и Герасимова, приступаетъ къ созданію особой радіостанціи, специальной задачей которой являлось наблюденіе за работой въ воздухѣ какихъ-либо постороннихъ флоту и крѣпости станцій. Опредѣленіе направленія на подающую радіо-станцію могло сильно помочь обнаруженію ея мѣстоположенія, а, въ случаѣ экстренности, можно было и заглушить работу послѣдней своей волной.

Мѣсто для этой станціи было выбрано чрезвычайно удачно.

Тамъ, гдѣ южный берегъ въ устьѣ Финскаго залива, круто поворачивая на югъ, образуетъ съ противолежащими на западъ отъ него островами Нукке-Вормскій и Моонъ-Зундскій фарватеры, ведущіе въ Рижскій заливъ, выдается въ море высокій, покрытый густымъ лѣсомъ, мысъ Шпитгамнъ.

Здѣсь, нѣсколько отступя отъ берега, было расчищено среди лѣса мѣсто и построены зданіе для самой радіостанціи и жилыя помѣщенія для ея персонала, «какъ всегда», по словамъ одного изъ служившихъ на ней офицера Службы Связи, «комфортабельно и практично, какъ и все, что исходило отъ Непенина» *)

Высокія сосны укрывали строенія отъ любопытныхъ и нескромныхъ постороннихъ взглядовъ какъ съ проходящихъ въ морѣ судовъ, такъ и съ суши. А расположеніе станціи на линіи между Финляндіей и нѣмецкими базами, на флангѣ крѣпостного района Ревеля и въ центрѣ сѣверо-западной области Прибалтійскаго края съ Рижскимъ заливомъ и прикрывающими входы въ него островами, покрывало всю наиболѣе возможную площадь работы радіо-шпіонажа.

Съ первыхъ же дней начала строительства назначеніе станціи было Непе́нинымъ строго засекречено и самое мѣстоположеніе ея не указывалось въ ея анонимномъ имени «Жандармъ».

Однако этому скро́мному «жандарму» судьба готовила занять съ первыхъ же шаговъ работы неизмѣримо болѣе значительную роль въ освѣдомительной работѣ Службы Связи. И уже къ веснѣ 1915-го года онъ начинаетъ сообщать не только о мѣстонахожденіи и движеніяхъ нѣмецкихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ, но и раскрываетъ впередъ всѣ тайныя намѣренія и планы операціи Германскаго флота на всѣхъ главныхъ морскихъ театрахъ Міровой войны.

Подъ таинственнымъ именемъ «АГЕНТУРА X», вводившимъ многихъ въ фантастическія предположенія о какой-то созданной Непенинымъ сѣти шпіоновъ, эта станція вскорѣ завоевываетъ Службѣ Связи отъ изумленныхъ ея освѣдомленностью чиновъ Балтійскаго флота ласковое прозвище —

---

*) По разсказу мичмана Маркова Кап-ну 2 р. Н. Н. Крыжановскому. Письмо послѣдняго 8 - 8 - 59.

«Пате-журналъ — Все видитъ, все знаетъ», — возводитъ ея создателя — Непенина — въ рангъ своего ангела-хранителя; поднимаетъ высоко его имя въ глазахъ даже англійскаго морского командованія и завершаетъ его изумительно необычную карьеру выдвиженіемъ на высшій постъ — Командующаго Флотомъ, — минуя не только командованіе отрядами судовъ, но даже и одиночнымъ кораблемъ перваго ранга.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Б. Дудоровъ

ОТЪ АВТОРА.

Послѣ выхода предыдущаго номера «Морскихъ Записокъ» Томъ XVIII, № 2 (50), стар. лейт. П. П. фонъ Веймарнъ, бывшій офицеръ лин. кор. «Полтава», обратилъ мое вниманіе на то, что въ статьѣ «Вице-адміралъ А. И. Непенинъ», при описаніи перевода Старшаго Артиллерійскаго Офицера корабля на береговую должность Тех. Пом. Н-ка Приморскаго фронта, анализъ дѣйствій командира «Полтавы», кап. 1-го р. барона В. Е. Гревеницъ могъ создать у читателей ошибочное и неблагопріятное впечатлѣніе, тогда какъ, вмѣсто указанныхъ предположеній, могъ существовать цѣлый рядъ другихъ причинъ, затруднившихъ и задержавшихъ переводъ.

Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ такому чувству лояльности стар. лейт. П. П. фонъ Веймарнъ къ своему командиру, я выражаю искреннее сожалѣніе по поводу очевидно неудачной редакціи моего повѣствованія, такъ какъ я не имѣлъ никакого намѣренія чѣмъ-либо опорочить доброе имя доблестнаго офицера и Георгіевскаго кавалера, нынѣ покойнаго капитана 1-го ранга барона В. Е. Гревеницъ.

Контръ-адміралъ Б. П. Дудоровъ

При наборѣ текста помѣщеннаго въ предыдущемъ номерѣ (No 50) вкрался рядъ опечатокъ въ указаніи калибра орудій.

На стр. 36 на батареяхъ помѣченныхъ No No 1 и 9 не указанъ калибръ (дюймы), а на страницахъ 50 и 51 на батареяхъ, помѣченныхъ номерами 13, 15, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29 — вмѣсто миллиметровыя (мм) слѣдуетъ читать дюймовыя ('').

Кромѣ того, на стр. 33, строка 17 напечатано: Давидовъ — слѣдуетъ читать — **Давыдовъ**, а на стр. 46, строка 27 напечатано ПРОСЬБ — слѣдуетъ читать — **ПРОСЬБЫ**.

Стар. лейт. К. фонъ Нотбекъ.

СОВѢТО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

1941 - 1945

(Окончаніе)

Г. 3-ій періодъ.

Отступленіе германцевъ, оставленіе ими балтійских странъ и разгромъ Германіи.

КАМПАНІЯ 1944 г.

8-го января совѣтская армія у Ленинграда неожиданно перешла въ наступленіе и быстро прорвала линіи сильно деморализованной германской 16-й арміи. Стремительный ударъ совѣтской арміи былъ поддержанъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ введеннаго въ Неву линейнаго корабля «Октябрьская Революція» (бывшій «Гангутъ») и крейсеровъ. 17-го января совѣтскія войска изъ Ораніенбаумскаго котла, въ свою очередь, прорвали слабый германскій кордонъ изъ двухъ дивизій и ударили во флангъ и въ тылъ отступающей отъ Ленинграда германской арміи. И эта операція была поддержана огнемъ совѣтскихъ судовъ изъ Кронштадта, батареями Кронштадтской крѣпости и уцѣлѣвшей кормовой 12" башни затонувшаго «Марата» (бывшій «Петропавловскъ»). Большинству германскихъ частей, все же, удалось вырваться изъ окруженія и добраться до Нарвы, но вся тяжелая артиллерія и значительное количество военнаго снаряженія попали въ руки совѣтовъ. 31-го января совѣтскія войска стояли уже на правомъ берегу Наровы, а 9-го февраля значительная ихъ часть переправилась на лѣвый берегъ рѣки. 13-го февраля совѣты высадили съ 12-ти десантныхъ судовъ въ Гунгербургѣ,

въ тылу германскаго фронта, ударную группу въ 500 человѣкъ, въ томъ числѣ и вооруженныхъ женщинъ. Отрядъ этотъ въ отчаянныхъ штыковыхъ схваткахъ былъ уничтоженъ до послѣдняго человѣка расквартированнымъ въ Гунгербургѣ германскимъ морскимъ дисциплинарнымъ батальономъ.

Въ февралѣ совѣтская морская авіація нѣсколько разъ бомбардировала Гельсингфорсъ и Котку, а 9 марта былъ совершенъ первый за эту войну массовый налетъ на Ревель, въ которомъ участвовало 278 совѣтскихъ аэроплановъ. Потери гражданскаго населенія не превышали 600 убитыхъ и 2.000 раненыхъ, такъ какъ значительная часть городского населенія была эвакуирована въ деревню, и совѣты сбрасывали на городъ, главнымъ образомъ, зажигательныя бомбы. Сгорѣло до 4.000 деревянныхъ строеній, былъ разрушенъ рядъ церквей и школъ, но военныя потери были ничтожны — убитъ одинъ офицеръ и 59 солдатъ германской арміи, разбито одно 102 мм. противоаэропланное орудіе и одинъ прожекторъ на Лаксбергѣ и сожженъ незначительный складъ нефти въ Екатериненталѣ. Главный военный объектъ — гавань — не получила ни одного попаданія! Германской противоаэропланной артиллеріей и немногочисленными истребителями было сбито 26 совѣтскихъ машинъ.

11-го и 12-го марта 4 германскихъ эскадр. миноносца обстрѣливали правый флангъ совѣтской арміи противъ Гунгербурга.

Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ нѣмцы значительно усилили минное загражденіе у Голланда и выставили рядъ минныхъ загражденій на протяженіи 17 морскихъ миль отъ Гунгербурга до Большого Тютерса съ цѣлью защиты лѣваго фланга своей арміи отъ возможнаго обстрѣла со стороны совѣтскихъ военныхъ судовъ. При этомъ 21-го апрѣля вспомогательный минный заградитель « Roland » взорвался на 2-хъ брошенныхъ съ совѣтскаго аэроплана минахъ и погибъ со значительными потерями въ личномъ составѣ.

Для охраны этого миннаго загражденія нѣмцы стали держать въ Нарвской бухтѣ многочисленные тральщики и сторож. суда, и эти суда сдѣлались главнымъ объектомъ почти безпрерывныхъ атакъ совѣт. мор. авіаціи. Совѣты теперь атаковывали

уже не малыми группами въ 2-10 машинъ, какъ въ 1943 году, а большими соединеніями въ 20-70 самолетовъ. За одинъ день 25 мая стоявшая въ охранѣ минныхъ загражденій германская 3-я флотилія тральщиковъ атаковывалась 21 разъ отрядами совѣтской морской авіаціи численностью до 150 машинъ. Служба на германскихъ судахъ въ Нарвской бухтѣ стала настоящимъ адомъ: ежедневно, въ среднемъ, погибало 50 человѣкъ ихъ командъ, люди утомлялись до послѣдней крайности, многія суда получали поврежденія и механизмы ихъ быстро изнашивались отъ постояннаго хожденія зигзагами самымъ полнымъ ходомъ подъ бомбами непріятельскихъ самолетов. 2 тральщика были потоплены. Противоаэропланныя орудія германскихъ судовъ и небольшая группа германскихъ истребителей, предоставленная въ распоряженіе начальника флотиліи тральщиковъ, ежедневно сбивали нѣсколько совѣтскихъ машинъ, но совѣты не обращали никакого вниманія на эти потери и продолжали свои яростныя атаки.

Съ середины мая къ совѣтской авіаціи присоединились совѣтскіе торпедные катера и стали почти ежедневно атаковывать германскіе суда въ Нарвской бухтѣ. 5 іюня эти катера потопили двумя торпедами германскій тральщикъ «М-37». 1-го іюля здѣсь произошелъ артиллерійскій бой между 15 германскими тральщиками, истребителями подводныхъ лодокъ и сторожевыми судами, патрулирующими по западной сторонѣ миннаго загражденія, и 3-мя совѣтскими вспомогательными канонерскими лодками типа «Москва» и 2-мя миноносцами типа «Гроза» къ востоку отъ этого загражденія. Подобные бои продолжались весь іюль и августъ — въ іюлѣ ихъ было 16, въ августѣ — 15! Но несмотря на всѣ трудности и значительныя потери, нѣмцамъ удалось отстоять цѣлость своего миннаго загражденія въ Нарвской бухтѣ и этимъ защитить лѣвый флангъ своей арміи отъ обстрѣловъ совѣтскими военными судами.

Какъ и въ 1943 году, сѣтьевыя и минныя загражденія между Наргеномъ и Поркалауддомъ оказались непреодолимыми препятствіями для совѣтскихъ подводныхъ лодокъ. Но въ отличіе отъ 1943 года, совѣты въ 1944 году отказались отъ безполезныхъ попытокъ прорваться черезъ эти загражденія. За всю кампанію 1944 года была замѣчена въ морѣ одна единственная совѣтская подводная лодка 12 мая у Эрансгрунда.

9-го іюня совѣты перешли въ наступленіе на Карельскомъ перешейкѣ и въ упорныхъ бояхъ оттѣснили финновъ на западъ. Съ цѣлью защиты фланга своей арміи отъ обстрѣла совѣтскими военными судами, финны выставили рядъ минныхъ загражденій у входа въ бухту Койвисто. Во время этихъ постановокъ происходилъ рядъ столкновеній съ совѣтскими торпедными катерами, сторожевыми судами и тральщиками. 17 іюня финнамъ удалось повредить одинъ совѣтскій торпедный катеръ; 2 другихъ сов. торпедныхъ катера подошли къ поврежденному катеру, сняли съ него команду, а катеръ бросили на произволъ судьбы. Послѣ ухода сов. катеровъ финны захватили этотъ катеръ и послѣ короткаго ремонта включили его въ свой флотъ. 20 іюня совѣтская морская авіація весьма удачно бомбардировала финское минное депо въ Кирккомансаари, причемъ былъ потопленъ германскій минный транспортъ « Otter », финскій минный паромъ « Pargas », и 3 мелкихъ судна, а на берегу уничтожены большіе склады минъ.

Въ ночь съ 19-го на 20-ое іюня новые германскіе миноносцы «Т-30» и «Т-31», только что прибывшіе въ финскія воды, направились въ Выборгскую бухту съ цѣлью помѣшать совѣтской высадкѣ на острова Койвусаари и Пійсари. На пути туда они подверглись атакѣ совѣтскихъ торпедныхъ катеровъ, которые были отогнаны къ острову Лавенсаари артиллерійскимъ огнемъ миноносцевъ, но вскорѣ послѣ полуночи они снова были атакованы къ сѣверу отъ острова Нерва 15-ю совѣтскими торпедными катерами, причемъ миноносецъ «Т-31» былъ взорванъ 2-мя торпедами и быстро затонулъ. Подоспѣвшіе финскіе торпедные катера подобрали 86 человѣкъ его экипажа.

Положеніе финской арміи на Карельскомъ фронтѣ, тѣмъ временемъ, все ухудшалось. Выборгъ и Койвисто были очищены финнами. Во время десантныхъ операцій совѣтовъ для захвата острововъ Выборгской бухты произошелъ рядъ упорныхъ боевъ, въ которыхъ участвовали легкія морскія силы и авіація обѣихъ сторонъ. Попытки нѣмцевъ и финновъ взять обратно островъ Нерва были отбиты совѣтами.

20-го іюля совѣты возобновили свое наступленіе на южномъ берегу Финскаго залива, взяли Гунгербургъ и оттѣснили германскія части на линію холмовъ у городка Іеве. 30-го

іюля совѣтскимъ тральщикамъ, послѣ долгой и упорной работы и безконечнаго ряда столкновенiй съ охраняющими загражденiе германскими судами, удалось, наконецъ, протралить проходъ черезъ германское минное загражденiе въ Нарвской бухтѣ.

Для увеличенiя состава своихъ легкихъ морскихъ силъ нѣмцы въ iюлѣ ввели въ Финскiй заливъ вновь сформированную 6-ю флотилiю миноносцевъ, 5-ую флотилiю торпедныхъ катеровъ и 12 подводныхъ лодокъ, а въ Котку, для лучшей защиты этого порта отъ постоянныхъ налетовъ совѣтской авiацiи, была доставлена на буксирѣ изъ Германiи плавучая противуаэропланная батарея « Niobe » (захваченный нѣмцами старый голландскiй крейсеръ (« **Gelderland**»). Но уже 6-го iюля « Niobe » подверглась жестокой атакѣ 108 совѣтскихъ самолетовъ, въ нее попали 2 воздушныя торпеды и 6 тяжелыхъ бомбъ, послѣ чего она перевернулась и затонула на глубинѣ 11 метровъ. Изъ ея экипажа погибло 400 человѣкъ. 25 мая совѣтская авiацiя потопила у Трескэ финскiй тральщикъ « Vilpula ».

30-го iюня германская подводная лодка « U - 250 » передъ входомъ въ бухту Койвисто потопила совѣтскiй минный заградитель, но черезъ два часа сама была потоплена гидростатическими бомбами совѣтскихъ истребителей подводныхъ лодокъ. 6 человѣкъ ея команды были взяты въ плѣнъ совѣтами.

Желая воспрепятствовать совѣтамъ пользоваться протраленнымъ совѣтскими тральщиками фарватеромъ черезъ минное загражденiе въ Нарвской бухтѣ, германское морское командованiе рѣшило закупорить западный выходъ этого фарватера новымъ миннымъ загражденiемъ. Съ этой цѣлью въ ночь съ 18-го на 19-ое августа германскiе миноносцы «Т-30», «Т-22», «Т-23» и «Т-32» вышли изъ шхеръ у Котки съ грузомъ минъ, 30-ти-узловымъ ходомъ пошли на зюйдъ, повернули затѣмъ на остъ, и, построившись въ строй фронта и уменьшивъ ходъ до 12 узловъ, приступили къ постановкѣ минъ въ разстоянiи одной морской мили отъ стараго загражденiя. Но прежде чѣмъ первая мина была сброшена, миноносецъ «Т-30» взорвался на минѣ, его собственныя мины и торпеды детонировали, онъ сломался пополамъ и въ 2 минуты исчезъ подъ водой. Вскорѣ взорвался и потонулъ и ми-

носецъ «Т-32». «Т-22» также взорвался на минѣ, взрывомъ были уничтожены гребные винты и руль и миноносецъ остался безъ движенія. Такъ онъ и простоялъ неподвижно весь день 19-го августа, отчаянно отбиваясь отъ безпрерывныхъ атакъ совѣтской авіаціи. Получивъ еще добавочныя поврежденія отъ бомбъ сов. самолетовъ, онъ былъ затопленъ своей командой утромъ 20-го августа. Личный составъ его былъ спасенъ германскими сторожевыми судами. Изъ экипажа «Т-31» 91 человѣкъ былъ подобранъ германскимъ спасательнымъ гидропланомъ и спасательными судами. 120 человѣкъ команды «Т-30» на спасательныхъ плотахъ были отнесены сильнымъ западнымъ вѣтромъ черезъ минное загражденіе на остъ и только 22-го августа 106 человѣкъ были подобраны и взяты въ плѣнъ совѣтскими тральщиками. 14 человѣкъ погибли отъ истощенія. Только миноносецъ «Т-23» благополучно вернулся въ финскія шхеры. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что миноносцы взорвались на германскихъ же минахъ: старое загражденіе было въ свое время поставлено моторными паромами, имѣвшими только примитивныя навигаціонныя средства, и нанесенное на карту положеніе загражденія совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительному его положенію.

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ продолжались яростныя атаки совѣтской морской авіаціи на германскія суда въ Нарвской бухтѣ. За это время были потоплены бомбами и воздушными торпедами большіе тральщики «М-20» и «М-413», два малыхъ тральщика и одно сторожевое судно; эскадренный миноносецъ «Z-39», 12 большихъ, 9 малыхъ тральщика, 2 истребителя подв. лодокъ и 2 сторожевыхъ судна получили тяжелыя поврежденія. Потери въ личномъ составѣ за одинъ мѣсяцъ — 473 убитыхъ и утонувшихъ, 215 раненыхъ. Дѣятельность же совѣтской морской авіаціи у Ирбенскаго пролива была за эти мѣсяцы незначительна: всего ею былъ потопленъ 1 пароходъ и повреждены 2.

25-го іюля въ Ревельской гавани взорвалось отъ неосторожнаго обращенія съ сухопутными минами грузившее боевые припасы и мины германское дизельное судно «Westwind». Отъ взрыва мины детонировалъ весь грузъ судна — 2.500 тоннъ взрывчатыхъ веществъ. Сила этой детонаціи была потрясающей: западный молъ ревельской гавани былъ разрушенъ на протяженіи болѣе 100 метровъ, стоявшіе на

немъ электрическіе подъемные краны и желѣзнодорожные вагоны сброшены въ море, въ гавани и городѣ разрушенъ рядъ зданій, сорваны крыши, повалены деревья, телеграфные и телефонные столбы, выбиты всѣ оконныя стекла, даже въ сторону, противоположную взрыву; въ гавани потоплены 2 германскихъ сторожевыхъ судна, 2 парохода и нѣсколько баржъ. Рядъ военныхъ и коммерческихъ судовъ получили тяжелыя поврежденія, убито около 600 человѣкъ. Отъ самого « Westwind » почти что ничего не осталось.

Между тѣмъ какъ германскому командованію удалось остановить дальнѣйшее продвиженіе совѣтскихъ войскъ вдоль южнаго берега Финскаго залива у Іеве съ помощью подвезенныхъ съ другихъ частей фронта ударныхъ частей, въ томъ числѣ знаменитой 11-ой померанской танковой дивизіи генералъ-лейтенанта графа Страхвицъ, совѣты огромными силами повели наступленіе на Ригу и Либаву съ цѣлью отрѣзать всю сѣверную часть Прибалтійскаго края. Къ началу августа совѣтамъ удалось пробиться къ Рижскому заливу и взять Уть-Двинскъ, отрѣзавъ, такимъ образомъ, Ригу и Эстонію отъ Курляндіи. Спѣшно высланный изъ Готенгафа отрядъ въ составѣ тяжелаго крейсера « Prinz Eugen », 4 большихъ новыхъ эск. миноносцевъ и 2 миноносцевъ 20 августа жестоко обстрѣлялъ совѣтскія войска у Туккума, причемъ одинъ только « Prinz Eugen » выпустилъ 265 — 8 " снарядовъ. Стремительнымъ ударомъ германскихъ танковыхъ частей вслѣдъ за этимъ сообщеніе съ Ригой на нѣкоторое время было возстановлено.

И на финскомъ фронтѣ, несмотря на отчаянное сопротивленіе финновъ, совѣтскія войска медленно продвигались на западъ. Недавно избранный президентомъ республики, бывшій главнокомандующій вооруженными силами Финляндіи фельдмаршалъ баронъ Маннергеймъ (бывшій офицеръ Л. Гв. Кавалергардскаго полка), считая пораженіе Германіи неизбѣжнымъ и не желая связать судьбу своей родины съ судьбой гибнущей Германіи, съ согласія Сейма вступилъ въ переговоры съ совѣтскимъ правительствомъ съ цѣлью заключенія перемирія. Совѣты съ радостью ухватились за это предложеніе, сулившее имъ громадныя выгоды и немедленно согласились на перемиріе, условія котораго и были подписаны обѣими сторонами 4-го сентября.

ГЕРМАНО-ФИНСКАЯ ВОЙНА
1944 года.

Капитуляція финскаго союзника до крайности осложнила положеніе нѣмцевъ на всемъ сѣверномъ фронтѣ и послужила главной причиной полнаго крушенія всей системы германской обороны. По условіямъ перемирія между Совѣтскимъ Союзомъ и Финляндіей всѣ германскія вооруженныя силы должны были быть удалены изъ Финляндіи къ 15-му сентября 1944 года, совѣтскій флотъ получалъ право пользоваться всѣми портами и шхерными фарватерами Финляндіи, причемъ финны сами должны были очистить эти фарватеры и входы въ порта отъ поставленныхъ ими минъ, что давало совѣтскимъ подводнымъ лодкамъ возможность обхода съ сѣвера столь губительнаго для нихъ германскаго сѣтьевого загражденія Наргенъ-Поркалауддъ; Финляндія обязалась предоставить свой коммерческій тоннажъ въ распоряженіе совѣтскаго морского командованія для перевозки войскъ и военныхъ грузовъ и для десантныхъ операцій. Прямое же участіе финскихъ вооруженныхъ силъ въ войнѣ противъ Германіи договоромъ отъ 4-го сентября 1944 года н е п р е д у с м а т р и в а л о с ь.

Капитуляція Финляндіи для нѣмцевъ не была неожиданностью и кое-какія мѣры были заранѣе приняты германскимъ командованіемъ для такого случая. Такъ, еще въ апрѣлѣ 1944 года, германское морское командованіе получило отъ Гитлера приказаніе, для оказанія давленія на Финляндію не выпускать изъ германскихъ портовъ груженные зерномъ и боевыми припасами финскіе пароходы; тяжелые крейсера «Prinz Eugen» и «Luetzow» и нѣсколько эск. миноносцевъ были направлены въ финскія шхеры у Утэ; въ Главной Квартирѣ фюрера были разработаны планы быстраго захвата, въ случаѣ капитуляціи Финляндіи, особенно важныхъ стратегическихъ позицій Оландскихъ острововъ и острова Гогландъ въ Финскомъ заливѣ. Отъ захвата Оландскихъ острововъ отговорилъ Гитлера министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ Риббентропъ, опасавшійся осложненій и даже войны со Швеціей, но захватъ Гогланда долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе въ подходящій для этого моментъ.

Эвакуацiя германскихъ частей и военнаго имущества изъ южныхъ портовъ Финляндiи происходила безъ особыхъ осложненiй и была закончена 14-го сентября, и только 15-го сентября тяж. крейсеръ « Prinz Eugen » подошелъ къ Утэ и угрожалъ обстрѣлять его, если финны не выпустятъ германскихъ судовъ изъ Або, но финны немедленно уступили и обстрѣлъ не состоялся, да два герм. миноносца 15-го сентября были безрезультатно обстрѣляны финской батареей на Оландскихъ островахъ. Эти же миноносцы 18-го сентября, направляясь въ Ревель, остановили для осмотра пароходъ съ эстонскими бѣженцами. Во время осмотра они подверглись неожиданной атакѣ совѣткихъ бомбовозовъ. Получивъ 2 тяжелыхъ попаданiя, миноносецъ «Т-18» затонулъ въ нѣсколько минутъ со значительными потерями въ личномъ составѣ.

Гораздо сложнѣе оказалась эвакуацiя двухсоттысячной германской 20-ой Армiи изъ средней и сѣверной Финляндiи. Значительную часть этой армiи предполагалось эвакуировать черезъ финскiе порта Ботническаго залива, другая часть должна была отступить черезъ Норвегiю. Но тутъ случилось событiе, приведшее къ открытой войнѣ между прежними союзниками, а именно, германское нападенiе на Гогландъ.

Во исполненiе приказа Фюрера, 14-го сентября 35 германскихъ судовъ (3 эск. миноносца, тральщики, сторожевыя и десантныя суда), имѣя на борту 3.000 человѣкъ десанта, направились изъ Ревеля къ острову Гогландъ. Вся эта наспѣхъ подготовленная операцiя была расчитана на то, что финны не окажутъ никакого сопротивленiя, такъ какъ по свѣдѣнiямъ германской развѣдки, оказавшимися вздорными, финскiй гарнизонъ Гогланда (1712 человѣкъ при 40 орудiяхъ) буквально горѣлъ желанiемъ снова присоединиться къ нѣмцамъ и вмѣстѣ съ ними продолжать войну противъ совѣтовъ. Подойдя къ острову нѣмцы послали 3 тральщика къ гогландской пристани и начальникъ ихъ потребовалъ отъ финскаго коменданта немедленной сдачи острова. Получивъ отказъ, нѣмцы въ 1 часъ ночи на 15 сентября открыли огонь со своихъ судовъ по финскимъ позицiямъ и, одновременно, начали высаживать десантныя части въ нѣсколькихъ мѣстахъ острова. Всю ночь шли упорные бои съ финнами. Ночью, прибывшiе изъ Котки финскiе торпедные катера цѣлымъ рядомъ упорныхъ атакъ оттѣснили германскiя военныя суда къ ве-

сту, лишивъ, такимъ образомъ, высаженныя германскія части всякой артиллерійской поддержки. Сильными контръатаками финновъ высадившіеся нѣмцы были выбиты изъ занятыхъ ими позицій, разбиты на отдѣльныя группы и прижаты къ берегу. Въ 9 час. вечера 15-го сентября командующій германскимъ десантомъ кап. 1 ранга Мекке капитулировалъ съ 1230 бойцами, въ томъ числѣ 175 раненыхъ. Финнами было потоплено 7 германскихъ десантныхъ судовъ и поврежденъ рядъ другихъ. Со своей стороны, финны потеряли 2 сторожевыхъ катера, 2 вооруженныхъ буксира, 37 чел. убитыми, 79 ранеными и 15 — плѣнными. Два подошедшихъ съ востока совѣтскихъ сторожевыхъ судна наблюдали за исходомъ боя, но въ немъ не участвовали.

Плѣнные нѣмцы черезъ 3 дня были перевезены въ Финляндію и интернированы въ лагерѣ Векси, а, впослѣдствіи, по ихъ требованію, выданы совѣтамъ.

Германская попытка захватить островъ Гогландъ, легкомысленно подготовленная и неэнергично проведенная, окончилась полной неудачей. Но и торжество финновъ продолжалось недолго: 21 сентября совѣты высадили на Гогландъ свой десантъ и, въ свою очередь, интернировали финновъ.

Нападеніе нѣмцевъ на Гогландъ и постановка ими минного загражденія передъ Коткой вызвали глубокое возмущеніе въ Финляндіи и о какой-либо мирной эвакуаціи германской 20-ой Арміи черезъ финскіе порта Ботническаго залива теперь уже не могло быть и рѣчи. Эта армія, медленно отступая къ норвежской границѣ, взрывала на своемъ пути отступленія желѣзныя дороги, мосты и віадуки и производила другія разрушенія. Финскія войска ее преслѣдовали и имѣли съ ней рядъ кровопролитныхъ боевъ. Особеннымъ упорствомъ отличались бои съ 27-го сентября до 12-го октября у Кеми и Торнео, гдѣ финнамъ удалось высадить значительныя силы въ тылу германской арміи.

Въ октябрѣ германскія подв. лодки потопили въ западной части Финскаго залива 1 финскій пароходъ, 4 мелкихъ моторныхъ судна и финскій минный заградитель «Louhi». Еще въ сентябрѣ нѣмцы захватили въ германскихъ портахъ и въ Ревелѣ нѣсколько оказавшихся тамъ финскихъ торговыхъ судовъ; то же самое сдѣлали финны съ нѣсколькими германскими судами въ своихъ портахъ.

Къ началу ноября, изъ-за ухода остатковъ германской 20-ой Арміи за норвежскую границу, боевыя дѣйствія между германцами и финнами сами собой прекратились, хотя никакого формальнаго перемирія заключено не было.

ОСТАВЛЕНІЕ ГЕРМАНЦАМИ ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Хотя нѣмцамъ и удалось остановить наступленіе совѣтской арміи на позиціяхъ у Іеве, совѣты въ началѣ сентября сбили 18-ую Армію съ ея позицій у Пскова, заняли этотъ городъ и Изборскъ и Печеры и стали подвигаться къ Юрьеву. Это новое наступленіе совѣтовъ, вмѣстѣ съ потерей всего финляндскаго побережья съ его гаванями и фарватерами, и стратегически столь важнаго острова Гогланда, сдѣлали дальнѣйшее удержаніе за собой Эстоніи для нѣмцевъ невозможнымъ .16-го сентября Главная Квартира отдала приказъ объ эвакуаціи Эстоніи. 17-го нѣмцы очистили свой послѣдній оплотъ въ восточной части Финскаго залива, островъ Большой Тютерсъ (его комендантъ кап. 2 р. принцъ Лейнингенъ, супругъ вел. княг. Маріи Кирилловны, былъ тяжело раненъ во время одного изъ послѣднихъ налетовъ совѣтской авіаціи на этотъ островъ), а съ 18-го было приступлено къ эвакуаціи Ревеля. Эвакуація эта происходила въ образцовомъ порядкѣ, безъ всякой помѣхи со стороны совѣтовъ; вывезены были не только всѣ военныя части, гражданскіе чиновники и служащіе и значительное количество боеприпасовъ и военнаго снаряженія, но и до 60.000 эстонцевъ, спасавшихся отъ совѣтскаго террора, уже разъ ими пережитаго. Прекрасный памятникъ человѣколюбія поставилъ себѣ германскій флотъ этой эвакуаціей: для посадки на пароходы не требовалось никакихъ разрѣшеній или документовъ, бѣженцамъ разрѣшалось имѣть неограниченное количество багажа за исключеніемъ мебели, на судахъ ихъ безплатно кормили, въ Германіи ихъ безплатно же развозили по городамъ по собственному выбору бѣженцевъ. А послѣ разгрома Германіи эти бѣженцы разыгрывали изъ себя несчастныхъ жертвъ нацизма, насильственно увезенныхъ въ Германію злыми нацистами, и годами лѣнтяйничали въ лагеряхъ ИРО за счетъ американскихъ налогоплательщиковъ!

Къ утру 21-го сентября эвакуація Ревеля была закончена, а въ послѣобѣденные часы 22-го городъ былъ занятъ безъ

боя войсками праваго крыла 8-ой совѣтской арміи. Изъ многочисленныхъ конвоевъ, увозившихъ войска и бѣженцевъ въ Германію, только одинъ, въ составѣ 3 пароходовъ, 1 госпитальнаго судна и 5 тральщиковъ, днемъ 21-го сентября былъ атакованъ совѣтской морской авіацией противъ Ирбенскаго пролива, причемъ двумя торпедами было утоплено госпитальное судно «Moгero» (бывшее пассажирское дизельное судно Гамбургъ-Южноамериканской кампаніи) — на немъ погибло около 2.000 эстонскихъ бѣженцевъ. Легкія поврежденія получилъ также пароходъ «Wartheland», на которомъ шелъ бывшій генеральный комиссаръ (губернаторъ) Эстляндіи Лицманъ со своимъ штабомъ. (Пароходъ этотъ получилъ единственное, вѣроятно, въ военно-морской исторіи попаданіе торпеды въ дымовую трубу — совѣтскій летчикъ не удосужился спуститься къ поверхности воды для выпуска торпеды, а сбросилъ ее съ большой высоты — она упала на пароходъ, не взорвалась, и своей тяжестью повредила дымовую трубу и убила 5 человѣкъ). Эвакуированныя войска были перевезены частью на Эзель и въ Курляндію, частью въ Восточную Пруссію, бѣженцы же были всѣ доставлены въ Готенгафенъ. Въ Курляндію же направлялись отступавшія сухимъ путемъ части растрепанной 16-ой Арміи изъ подъ Ленинграда и Нарвы и хорошо сохранившейся 18-ой Арміи изъ подъ Пскова и Юрьева.

Послѣ эвакуаціи Ревеля нѣмцы поставили рядъ минныхъ загражденій передъ Ревельской бухтой и въ западной части Финскаго залива. Значенія эти загражденія не имѣли, такъ какъ совѣты въ это время стали пользоваться финскими шхерными фарватерами въ обходъ всѣхъ минныхъ и сѣтьевыхъ загражденій нѣмцевъ. Уже въ двадцатыхъ числахъ сентября по шхернымъ фарватерамъ прошли въ Утэ тральщикъ «Т-212» подъ брейдъ-вымпеломъ начальника 1-ой бригады подводныхъ лодокъ, 23 подводныя лодки, нѣсколько тральщиковъ типа «Фугасъ», многочисленныя торпедныя катера и 3 матки подв. лодокъ, причемъ финскіе морскіе офицеры служили минными лоцманами. Съ начала октября сов. подводныя лодки, торпедные катера и тральщики начали оперировать въ водахъ средней и южной части Балтійскаго моря.

21-го сентября нѣмцы очистили Гапсаль, 24-го Рогекюль и 25-го островъ Вормсъ. 29-го сентября, послѣ массоваго на-

лета совѣтской авіаціи на Аренсбургъ, совѣтскія войска высадились на островъ Моонъ и заняли этотъ островъ. 2-го октября совѣты значительными силами, при поддержкѣ низко летающихъ самолетовъ высадились на островъ Даго и послѣ ряда упорныхъ боевъ въ южной части острова вытѣснили его защитниковъ на островъ Эзель. Для высадки крупныхъ силъ на Эзель совѣты собрали въ эстонскихъ портахъ большое число пароходовъ и мелкихъ судовъ, въ томъ числѣ 50 пароходовъ и 50 моторныхъ судовъ финскаго торговаго флота. Ввиду того, что вольнонаемныя команды этихъ судовъ отказались служить совѣтамъ, чтобы выполнить условія перемирія съ совѣтами пришлось замѣнить ихъ офицерами и матросами финскаго военнаго флота. Несмотря на полное отсутствіе специальныхъ десантныхъ судовъ и артиллерійской поддержки со стороны флота, командующій 8-ой совѣтской арміей, эстонскій генералъ Пэрнъ, весьма искусно и смѣло провелъ десантную операцію. 5-го октября части этой арміи, состоявшей въ значительной своей части изъ эстонскихъ коммунистовъ, высадилась на Эзель и быстро овладѣли всей сѣверной частью острова. 7-го октября ими былъ взятъ городъ Аренсбургъ и къ 10-му октября они оттѣснили нѣмцевъ на полуостровъ Сворбэ. Здѣсь, на позиціи у мѣстечка Лео стремительное наступленіе совѣтскихъ войскъ было временно остановлено. Германскій тяжелый крейсеръ «Luetzow», 2 эск. миноносца и 5 миноносцевъ 23-го и 24-го октября жестоко обстрѣливали здѣсь расположеніе совѣтскихъ войскъ и выпустили по нимъ 1100 снарядовъ, послѣ чего совѣты прекратили свои атаки вплоть до 11-го ноября. Совѣтская авіація принимала самое дѣятельное участіе въ этихъ бояхъ и за октябрь повредила германскій эск. миноносецъ «Z-28» и 26 мелкихъ военныхъ судовъ и потопили 4 малыхъ тральщика.

10-го октября совѣтскія арміи пробились къ берегу Балтійскаго моря къ сѣверу отъ Мемеля и отрѣзали, такимъ образомъ, Курляндію отъ Германіи. Сообщеніе съ заключенными въ Курляндскомъ мѣшкѣ значительными германскими силами съ этого момента поддерживалось исключительно морскимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, курляндскому мѣшку суждено было продержаться еще весьма долго и пережить со-

противленіе самой Германіи. 12-го октября нѣмцы оставили Ригу.

Тѣмъ временемъ бои на полуостровѣ Сворбэ продолжались. 18-го ноября возобновились яростныя атаки совѣтовъ на германскія позиции у Лео. Впервые въ бою участвовали и совѣтскія морскія силы: подошедшіе со стороны Моонзунда совѣтскіе тральщики и вспомог. канонерскія лодки огнемъ своей артиллеріи поддерживали атаки сухопутныхъ частей. 20-го ноября германскія позиции у Лео были взяты совѣтами. Подъ прикрытіемъ огня судовой артиллеріи тяжелаго крейсера «Admiral Scheer» и 4-хъ миноносцевъ германскія войска отошли на новую позицію у Таркенгофа. 21-го ноября германскій тральщикъ «М-328» артиллерійскимъ огнемъ потопилъ совѣтскій тральщикъ типа «Фугасъ». 24-го ноября остатки германскихъ войскъ отошли къ Церелю, гдѣ они были подобраны германскими судами и увезены въ Виндаву.

Независимо отъ боевъ за Эзель, германскій флотъ принималъ участіе въ отраженіи совѣтскаго наступленія на Мемелъ. Тяжелыя крейсера «Prinz Eugen» и «Luetzow» 2 эск. миноносца и 4 миноносца между 10-мъ и 24-мъ октябремъ 28 разъ обстрѣливали позиции совѣтскихъ войскъ передъ этимъ городомъ. Проникшія въ Балтійское море совѣтскія подв. лодки за октябрь, ноябрь и декабрь 1944 потопили тамъ 14 пароходовъ и 6-го октября герм. учебное судно «Nordstern» у Виндавы. За это самое время совѣтская морская авіація потопила 17 пароходовъ.

Со своей стороны германскія подводныя лодки потопили въ западной части Финскаго залива 2 совѣтскихъ тральщика типа «Фугасъ», 1 сторожевое судно и 2 буксира. 12-го декабря германская подв. лодка «U- 497» погибла въ этой части Финскаго залива на минѣ.

Послѣдняя операція германскихъ надводныхъ силъ въ Финскомъ заливѣ окончилась катастрофой. Несмотря на печальный опытъ съ постановкой добавочныхъ минныхъ загражденій въ непосредственной близости уже прежде поставленныхъ, германское главное морское командованіе въ началѣ декабря приказало поставить добавочное загражденіе около поставленнаго еще въ сентябрѣ загражденія къ западу отъ Ревеля. Съ этой цѣлью былъ сформированъ спе-

ціальный отрядъ въ составѣ трехъ новыхъ эскад. миноносцевъ «Z-35», «Z-36» и «Z-42» и миноносцевъ «Т-23» и «Т-28» подъ командой начальника 6-ой флотиліи эск. миноносцевъ капитана 1 ранга Кохтъ. Принявъ мины, отрядъ покинулъ гавань Пиллау утромъ 12-го декабря и въ 2 часа ночи на 13-ое, на траверзѣ Пакерорта, приступилъ къ постановкѣ. Но вскорѣ «Z-35» подорвался на минѣ, причемъ одинъ отсѣкъ наполнился водой и лѣвая главная турбина была выведена изъ строя. Черезъ нѣсколько минутъ взорвался и «Z-36»; надъ нимъ поднялось огромное облако дыма и столбъ пламени, вѣроятно отъ взрыва котла или отъ детонаціи боеприпасовъ, и эск. миноносецъ быстро затонулъ. Вскорѣ послѣ этого «Z-35» снова подорвался на минѣ и сталъ быстро тонуть. Капитанъ 1 ранга Кохтъ до послѣдняго момента распоряжался спасеніемъ людей и потомъ добровольно ушелъ на дно вмѣстѣ со своимъ кораблемъ. «Z-42», «Т-23» и «Т-28» прекратили постановку и, не сбросивъ всѣхъ минъ, полнымъ ходомъ ушли на Вестъ и вернулись благополучно въ Пиллау.

Въ холодной водѣ и на спасательныхъ плотахъ плавало болѣе 600 человѣкъ, въ томъ числѣ много раненыхъ и обожженныхъ взрывами. Плававшие въ водѣ погибли всѣ, да и на плотахъ люди умирали отъ холода, ранъ и ожоговъ. Плоты медленно гнало южнымъ вѣтромъ въ сторону Финляндіи. 13-го декабря вечеромъ показались огни финскаго берега и утромъ 14-го послѣдніе оставшіеся въ живыхъ — 67 человѣкъ — высадились на финскіе шхерные острова. Финскіе рыбаки и крестьяне приняли ихъ радушно, накормили, напоили и уложили спать, но на слѣдующее утро совѣтскіе патрули забрали всѣхъ и увезли въ Гельсингфорсъ, гдѣ они были допрошены тремя совѣтскими адмиралами, изъ которыхъ одинъ въ совершенствѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Впослѣдствіи плѣнныхъ перевезли въ Ревель. Эта глупѣйшая операція стоила нѣмцамъ двухъ лучшихъ эскадр. миноносцевъ и 600 человѣческихъ жизней!

РАЗГРОМЪ ГЕРМАНІИ.

Кампанія 1945-го года.

12 января 1945 года совѣтскія арміи въ Восточной Пруссіи перешли въ наступленіе, 25-го переправились черезъ Одеръ и 2-го февраля взяли Эльбингъ, отрѣзавъ этимъ Западную и Восточную Пруссію отъ остальной Германіи. Здѣсь образовался новый огромный мѣшокъ, въ которомъ застряли значительныя силы германской арміи, сообщеніе съ которыми могло быть поддерживаемо только морскимъ путемъ.

Оставленіе 20-ти дивизій въ Курляндскомъ мѣшкѣ было грубѣйшей стратегической ошибкой германскаго командованія. Этихъ дивизій не хватало для защиты Пруссіи, сами же онѣ не были достаточно сильны для прорыва окружающихъ ихъ совѣтскихъ армій подъ общимъ командованіемъ маршала Говорова и для начала самостоятельнаго наступленія въ тылу непріятельской арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ снабженіе требовало значительнаго тоннажа, который могъ быть использованнымъ съ бóльшей выгодой при эвакуаціи Пруссіи, да и постоянные конвои въ Курляндію и обратно требовали значительнаго числа мелкихъ военныхъ судовъ для ихъ охраны, что ложилось лишнимъ бременемъ на перегруженный разнообразными боевыми заданіями малочисленный германскій военный флотъ.

Въ концѣ января была отозвана изъ Норвегіи 4-ая флотилія эск. миноносцевъ и переведена въ Балтійское море, а въ послѣдніе мѣсяцы войны всѣ еще пригодные къ плаванію миноносцы, торпедные катера и тральщики были переведены изъ Сѣвернаго въ Балтійское море для участія въ эвакуаціи германскихъ войскъ изъ многочисленныхъ котловъ по берегу Балтійскаго моря и для перевозки бѣженцевъ. Старые линейные корбали «Schlesien» и «Schleswig Holstein» послѣ перевооруженія ихъ новой противоаэропланной артиллеріей, снова вступили въ строй послѣ двухлѣтней стоянки въ резервѣ. Но только-что окончившій перевооруженіе «Schleswig Holstein» 18-го декабря 1944-го г. былъ потопленъ въ Готенгафенѣ тяжелыми бомбами англійской авіаціи.

Германскіе тяжелые крейсера «Prinz Eugen», «Luetzow,» и «Admiral Scheer» съ эскадр. миноносцами и ми-

ноносцами постоянно обстрѣливали совѣтскія войска у Пилау и Кенигсберга и въ районѣ Данцигской бухты. Особенно энергичную дѣятельность проявлялъ тяжелый крейсеръ « Prinz Eugen », который съ 10-го марта до 4-го апрѣля 1945 года 240 разъ обстрѣливалъ расположенія совѣтскихъ войскъ въ этихъ мѣстахъ и выпустилъ по нимъ за это время 2025 — 8" и 2446 — 4" снарядовъ. Мощный огонь судовой артиллеріи всякій разъ временно останавливалъ совѣтское наступленіе, но окончательно отбить его не могъ.

Но главная задача германскаго флота въ послѣдніе мѣсяцы войны состояла въ вывозѣ остатковъ войскъ, раненыхъ и массы бѣженцевъ изъ многочисленныхъ котловъ вдоль побережья южной части Балтійскаго моря — Курляндіи, Мемеля, Кенигсберга, Пиллау, Кольберга, Готенгафена, Хелы, Данцига и померанскихъ островов. Всего морскимъ путемъ было вывезено въ сѣверную Германію, частью черезъ датскіе порта, 700 тыс. солдатъ, 300 тыс. раненыхъ и 1500 тыс. бѣженцевъ, всего 2-500 000 чел. Изъ-за недостатка тоннажа приходилось перегружать суда до послѣдней крайности: такъ, пассажирскій пароходъ « Deutschland » два раза перевозилъ одновременно по 12000 человѣкъ, эскадр. миноносцы брали на бортъ до 1500, а миноносцы до 750 человѣкъ!

Совѣтскія подв. лодки, морская авіація, а иногда и торпедные катера, всячески боролись противъ этихъ перевозокъ. Въ январѣ 1945 г. совѣтскія подв. лодки потопили 2, а совѣтская морская авіація 4 парохода, въ февралѣ подв. лодками были потоплены 3, а авіацией 4 парохода; въ мартѣ — подв. лодками 3 и авіацией 16 и въ апрѣлѣ — подв. лодками 2, авіацией — 16 и торпедными катерами 1 пароходъ. Среди судовъ, потопленныхъ подводными лодками, были 3 океанскихъ парохода, имѣвшіе на борту огромное количество бѣженцевъ, бо́льшая часть которыхъ погибла. Такъ, на « Wilhelm Gustloff », потопленномъ совѣтской подв. лодкой 30-го января у Штольпмюнде, находилось 6 100 человѣкъ, изъ которыхъ погибло 5196; на « General von Steuben », торпедированномъ совѣтской подв. лодкой у банки Штольпе въ ночь на 10-ое февраля, находилось 3 000 человѣкъ, изъ которыхъ погибло 2700, и на « Goya » потопленномъ двумя торпедами совѣтской подв. лодкой вечеромъ 16-го апрѣля въ 60 миляхъ на Нордъ отъ Штольпе, погибло 7 000 человѣкъ, что

является самой большой морской катастрофой за всю исторію мореплаванія. Потопленіе этихъ пароходовъ было безсмысленной жестокостью, такъ какъ они перевозили бѣженцевъ и раненыхъ и не имѣли военнаго значенія.

За эти же мѣсяцы германскій военный флотъ также понесъ рядъ потерь изъ состава своихъ судовъ малаго водоизмѣщенія: за первые четыре мѣсяца 1945 года на минахъ погибли 25 тральщиковъ, сторожевыхъ судовъ, истребителей подв. лодокъ и десантныхъ судовъ, и совѣтской морской авіацией было потоплено 31. 13-го марта на минахъ у Хела погибли миноносцы «Т-3» и «Т-5».

Со своей стороны германскія подв. лодки проявляли нѣкоторую активность въ западной части Финскаго залива, но, ввиду отсутствія въ морѣ крупныхъ судовъ совѣтскаго флота, успѣхи ихъ были ничтожны: «U - 745» въ январѣ у Ревельстейна потопила 2 буксира и «U - 776» потопила нѣсколько западнѣе совѣтскій минный заградитель. Сами же подв. лодки понесли чувствительныя потери: «U - 779» погибла 10-го января на минѣ къ Норду отъ Пакерорта, «U - 776» погибла на минѣ же 19-го февраля и «U - 745» въ концѣ февраля пропала безъ вѣсти въ западной части Финскаго залива. Неудачныя операціи этихъ подв. лодокъ были послѣднимъ появленіемъ германскаго флота въ Финскомъ заливѣ за войну 1941 - 1945 годовъ.

Между тѣмъ, совѣтскія арміи быстро развивали свое наступленіе въ Пруссіи и Помераніи — 27 января взяли Мемель, 17-го марта Кольбергъ, 22-го марта Готенгафенъ, 27-го марта Данцингъ, 10-го апрѣля Кенигсбергъ и 25-го апрѣля Пиллау, причемъ только гарнизоны Кенигсберга и Пиллау попали въ плѣнъ къ совѣтамъ — остатки гарнизоновъ другихъ городовъ были заблаговременно вывезены флотомъ.

Наиболѣе сложной оказалась эвакуація Курляндіи. Послѣ того, какъ уже въ январѣ 3 дивизіи были увезены морскимъ путемъ черезъ Либаву и Виндаву въ Германію, въ началѣ мая было приступлено къ окончательной эвакуаціи частей 16-ой и 18-ой армій. 8-го и 9-го мая 6 конвоевъ, составленныхъ преимущественно изъ мелкихъ судовъ, покинули Либаву и Виндаву и 11-го мая благополучно добрались до гольштинскихъ портовъ, имѣя на борту 25700 человѣкъ. Только

6-ой конвой, состоявшій изъ двухъ небольшихъ грузовыхъ и 45 мелкихъ десантныхъ судовъ, былъ настигнутъ совѣтскими торпедными катерами, возвращенъ въ Либаву и находившіеся на судахъ 5000 человѣкъ были взяты въ плѣнъ.

Послѣдніе выстрѣлы по наступающимъ совѣтскимъ войскамъ далъ старый линейный корабль «Schlesien», который 2-го мая обстрѣлялъ мостъ черезъ рѣку Пе́нне у Свинемюнде. На обратномъ пути въ Свинемюнде корабль подорвался на минѣ, былъ отбуксированъ въ этотъ портъ эскадр. миноносцемъ «Z-39» и затонулъ тамъ на ровномъ килѣ. 4-го мая городъ и портъ Свинемюнде были заняты совѣтскими войсками.

Послѣднее столкновеніе въ морѣ произошло 9-го мая у острова Борнгольмъ, гдѣ германское вспомогательное судно «Rugard» было атаковано тремя совѣтскими торпедными катерами и отбило эту атаку артиллерійскимъ огнемъ.

Въ отличіе отъ 1918 года, команды германскаго флота въ 1945 году до послѣдняго момента сохранили полную дисциплину и въ этомъ отношеніи выгодно отличались отъ сильно деморализованныхъ къ концу войны частей сухопутной арміи. Объясняется это тѣмъ, что команды флота состояли въ главной своей части изъ людей дѣйствительной службы и сверхсрочнослужащихъ, между тѣмъ какъ сухопутная армія къ концу войны въ массѣ своей состояла изъ запасныхъ старшихъ возрастовъ и изъ наскоро набранныхъ и плохо обученныхъ новобранцевъ, часто въ возрастѣ всего 16-18 лѣтъ.

Въ германскомъ флотѣ былъ только одинъ-единственный случай мятежа — въ Килѣ 16-го марта взбунтовалась команда сторожевого катера № 31 и убивъ единственнаго своего офицера, убѣжала на катерѣ въ Швецію.

Учитывая высокій духъ флота, Гитлеръ назначилъ своимъ преемникомъ его главнокомандующаго, гроссъ-адмирала Деницъ, «такъ какъ во флотѣ еще живетъ духъ сопротивленія, изчезнувшій уже въ арміи». Но послѣ смерти Гитлера, новый Верховный Правитель, видя безнадежное положеніе Германіи, вступилъ въ переговоры съ противникомъ и 8-го мая подписалъ полную капитуляцію Германіи. 60000 солдатъ на полуостровѣ Хела, 40000 у устья Вислы и часть курляндской арміи, которыхъ флотъ не успѣлъ вывести до капиту-

ляціи попали въ руки совѣтовъ. Въ Курляндіи попалъ въ плѣнъ и военный комендантъ Либавы, генералъ маркизъ де-Монтеторнъ, впослѣдствіи повѣшенный совѣтами какъ «военный преступникъ».

Война на Балтійскомъ театрѣ была окончена, и совѣтскій Балтійскій флотъ гордо вступилъ хозяиномъ — появились теперь даже крейсера «Кировъ» и «Максимъ Горькій» и эскадренные миноносцы — въ разрушенные порта южнаго побережья Балтійскаго моря, завоеванные для него сухопутной арміей.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОТЕРИ ВОЮЮЩИХЪ СТОРОНЪ ВЪ СУДОВОМЪ СОСТАВѢ.

СОВѢТСКІЙ СОЮЗЪ.

(Приблизительный подсчетъ).

1 линейный корабль, 15 эскадренныхъ миноносцевъ, 3 миноносца, 39 подводныхъ лодокъ, 3 минныхъ заградителя, 2 вспомог. канонерскія лодки, 40 тральщиковъ и точно неизвѣстное, но значительное число сторожевыхъ судовъ, торпедныхъ катеровъ, истребителей подв. лодокъ и 60 коммерческихъ судовъ.

ГЕРМАНІЯ.

(Опубликованныя послѣ войны официальныя свѣдѣнія).

1 старый линейный корабль, 2 эскадренныхъ миноносца, 10 миноносцевъ, 7 подводныхъ лодокъ, 5 вспомог. минныхъ за-

градителей, 6 вспомог. канонерскихъ лодокъ, 67 тральщиковъ, 27 сторожевыхъ судовъ, 21 истребитель подв. лодокъ, 3 учебныхъ судна, 4 торпедныхъ катера, 2 сѣтьевыхъ заградителя, 5 спеціальныхъ судовъ, 56 десантныхъ судовъ и 160 коммерческихъ судовъ, включая и суда малаго водоизмѣщенія.

ФИНЛЯНДІЯ.

(Опубликованныя послѣ войны офиціальныя свѣдѣнія).

1 броненосецъ береговой обороны, 2 минныхъ заградителя, 6 тральщиковъ, 7 сторожевыхъ судовъ, 2 торпедныхъ катера, 1 минный транспортъ и 39 коммерческихъ судовъ, включая и суда малаго водоизмѣщенія.

Въ спискѣ приведены только погибшія суда, но не указаны суда, получившія поврежденія. Главной причиной гибели судовъ — минныя загражденія, оказавшіяся, какъ и въ 1914-1917 г.г., наиболѣе дѣйствительнымъ оружіемъ въ неглубокихъ водахъ Балтійскаго моря.

КОНЕЦЪ.

ПОПРАВКА: Въ предыдущемъ номерѣ, Томъ XVII, № 2 (№ 50), на страницѣ 62-ой, 16-ая строка сверху, слѣдуетъ, конечно, читать НЕМАГНИТНЫМЪ, а не «намагниченнымъ», какъ напечатано.

И. В. Заринъ.

15 лѣтъ въ Латвійскомъ Флотѣ

(Окончаніе)

Уволенный отъ службы адмиралъ графъ Кейзерлингъ былъ, безусловно, незаурядной личностью и имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы быть хорошимъ морякомъ и командиромъ. Прибывъ однажды въ Либаву на инспекторскій смотръ, онъ былъ приглашенъ въ Морское Собраніе на торжественный обѣдъ по случаю 30-лѣтняго юбилея его пребыванія въ офицерскихъ чинахъ. Послѣ поднесенія подарка отъ всѣхъ офицеровъ, Кейзерлингъ произнесъ рѣчь, въ которой подчеркнулъ, что онъ всегда стремился привить молодому латвійскому флоту лучшія традиціи стараго россійскаго флота и что онъ теперь, къ великой своей радости, убѣдился, что его труды увѣнчались успѣхомъ. Чествованіе затянулось «далеко за полночь». Кейзерлингъ досидѣлъ съ 3-4 храбрецами до подъема флага, и съ послѣднимъ аккордомъ сигнальныхъ горновъ на корабляхъ онъ вышелъ изъ собранія и отправился на суда на инспекторскій смотръ, который и былъ произведенъ по всѣмъ требованіямъ устава на всѣхъ 6-ти судахъ.

Свою дѣловитость Кейзерлингъ показалъ еще во время постройки обѣихъ подлодокъ и заградителей во Франціи, когда онъ, бывало, ознакомившись съ жалобами инженеръ-контролеровъ, строго требовалъ отъ французовъ соблюденія параграфовъ договора, не останавливаясь передъ угрозами довести дѣло до юрисконсульта Морского Министерства Франціи. Его уходъ особенно почувствовали старые офицеры (бывш. офицеры Россійскаго флота).

Новый командующій кавторангъ Спаде рѣшилъ сразу примѣнить пословицу: «новая метла чисто мететъ». Это бы-

ло бы недурно, если бы не его политика крайняго протекціонизма по отношенію къ молодымъ офицерамъ, перешедшимъ на морскую службу изъ арміи. На адмиральскій корабль онъ назначилъ старшимъ офицеромъ бывш. поручика тяжелой артиллеріи, кончившаго курсъ рижской мореходной школы и проплававшаго 2-3 лѣтнихъ кампаніи на заградителяхъ. Этотъ молодй человѣкъ, замѣщая однажды командира на походѣ изъ Либавы въ Ригу, приказалъ вахтенному начальнику, несмотря на протесты послѣдняго, отклониться отъ курса и недалеко отъ Виндавы пройти между остовомъ парохода, погибшаго во время бури, и буемъ, его ограждавшимъ. Въ итогѣ — прорванное на разстояніи 20 метровъ дно корабля. Благодаря хорошо налаженной трюмной системѣ и обилію водонепроницаемыхъ переборокъ на бывшемъ нѣмецкомъ кораблѣ, каковымъ былъ нашъ «Virsaitis», удалось дойти до Усть-Двинска и встать на «слипъ». Ремонтъ обошелся въ 10.000 латъ, а виновный вмѣсто отстраненія отъ должности получилъ только 10 сутокъ ареста на кораблѣ.

Та же политика велась и по отношенію къ другимъ молодымъ офицерамъ: усиленное и ускоренное продвиженіе, включая награжденіе орденами. Радіографистъ унтеръ-офицеръ на подлодкѣ «Ronis» былъ уже черезъ 9-10 лѣтъ командиромъ той же подлодки и капитаномъ 2 ранга. Это продвиженіе не по заслугамъ и талантамъ было предметомъ возмущенія какъ во флотѣ, такъ и въ арміи.

Первымъ визитомъ за-границу съ новымъ Командующимъ эскадрой былъ походъ въ Гдыню, куда эскадра была приглашена еще во время юбилея латвійскаго флота. Въ Гдынѣ эскадра пробыла 4 дня. Въ первый день офицеровъ латвійской эскадры принималъ командиръ подводнаго плаванія кап. 2 р. Плавскій, устроившій обѣдъ на маткѣ подв. плаванія. Поляки-подводники показали свое широкое гостепріимство и радушіе. На второй день нашъ другъ кап. 2 р. Сольскій (бывш. лейт. Гв. Эк.) устроилъ у себя интимный обѣдъ для своихъ бывшихъ сослуживцевъ: Спаде, меня, и командира «Virsaitis» бар. Фитингофа. Изъ поляковъ былъ только военный аташе (кончившій Алексѣевское военное училище въ Москвѣ). На третій день состоялся балъ въ честь офицеровъ латвійской эскадры, устроенный въ небольшомъ зданіи морского офицерскаго собранія. Было доволь-

но мило, хотя нѣкоторые находили этотъ балъ неудачнымъ. Въ послѣднiй день былъ прiемъ на нашемъ адмиральскомъ кораблѣ. Польскимъ гостямъ нашъ прiемъ понравился, большинство гостей ушло съ корабля въ 3 часа утра (прiемъ начался въ 8 час. вечера), а два штабъ-офицера пробыли на кораблѣ до 6 час. утра, когда уже машины давали пробные обороты. Сразу послѣ ихъ ухода « Virsaitis » плавно отошелъ отъ берега и нагнавъ при выходѣ остальные корабли, далъ полный ходъ съ курсомъ на Либаву.

Въ 1935 году латвiйская эскадра посѣтила портовый городъ Киль. Походъ въ Германiю былъ совмѣщенъ съ посѣщенiемъ литовскаго порта Мемель (Клайпеда) и визитомъ къ шведамъ въ морскую базу Карлскона, славившуюся музеемъ галiонныхъ фигуръ со старыхъ парусныхъ судовъ.

Литовцы приняли нашу эскадру очень радушно. Запомнился прiемъ у Клайпедскаго губернатора, женатаго на графинѣ Зубовой.

Германiя къ этому времени была уже въ рукахъ нацiоналъ-социалистовъ и вездѣ мы натыкались либо на свастику или на портретъ вождя — Гитлера. Подойдя къ пристани, мы увидѣли, что у стѣнки стоятъ пришвартовавшись 4 германскихъ подводныхъ лодки около 600 тоннъ водоизмѣщенiя. Въ это время нѣмцы вопреки мирному договору начали строить усиленнымъ темпомъ свой новый военный флотъ. Всѣ офицеры — бывшие подводники 1917-18 г.г. были призваны на дѣйствительную службу и «задѣланы» командирами лодокъ.

Нѣмцы опять высказали пожеланiе осмотрѣть наши лодки. Адмиралъ Спаде согласился, при условiи, чтобы и нѣмцы показали свои. Нѣмцы не согласились. Въ качествѣ офицера связи былъ прикомандированъ лейт. фонъ Эрнъ, говорившiй сносно по-русски. Визитъ эскадры длился три дня. Утромъ при подъемѣ флага нашему оркестру приходилось играть 3 гимна: латвiйскiй и два нѣмецкихъ. Во время исполненiя двухъ послѣднихъ гимновъ даже торговецъ бананами и мороженымъ на пристани стоялъ на-вытяжку съ поднятой правой рукой. Германскiй народъ упивался новымъ режимомъ.

Передъ отбытiемъ изъ Киля, на « Virsaitis », послѣ офицiальнаго прощальнаго обѣда наша молодежь объедини-

лась съ нѣмецкимъ офицеромъ связи въ каютъ-компаніи, гдѣ они продолжали выпивку. Интересуясь ближайшими планами нацистскихъ верховодовъ, молодежь старалась получить какую-нибудь информацію отъ офицера связи. Къ концу вечера нѣмецъ окончательно раскисъ, его языкъ развязался и онъ изрекъ: «Скоро, скоро всѣ границы на востокъ отъ Германіи исчезнутъ, все сравняется и возникнетъ одно большое арійское государство». — «А гдѣ будетъ столица этого мощнаго государства?», — спросилъ одинъ изъ латвійскихъ офицеровъ. Нѣмецъ поднялъ усталую голову и пробормоталъ: «Конечно, въ Германіи — Берлинъ». На слѣдующее утро мы покинули Киль.

Послѣдующіе годы промчались быстро. Суда эскадры проходили по программѣ лѣтнія знаятія, упражненія, стрѣльбы и маневры. Изъ маневровъ запомнился прорывъ адмиральскаго корабля черезъ Ирбенскій проливъ. Въ Рижскомъ заливѣ его должны были отыскать и обстрѣлять оба заградителя и матка подв. лодокъ, а подъ утро, около Усть-Двинска, обѣ лодки должны были «потопить» прорвавшійся корабль. Командиръ корабля, пройдя Ирбенскій проливъ, пошелъ полнымъ ходомъ вдоль праваго берега, разсчитавъ, что корпусъ корабля въ темнотѣ лѣтней ночи сольется съ контуромъ берега; подъ утро легкій туманъ помѣшалъ подлодкамъ атаковать «непріятеля», адмиральскій корабль благополучно проскочилъ мимо Усть-Двинска и пошелъ по Двинѣ въ Ригу.

Зимой на корабляхъ производился ремонтъ, а весной суда становились въ докъ для ремонта подводныхъ частей и окраски.

Въ 1938 году ранней весной я былъ переведенъ въ подводный дивизіонъ дивизіоннымъ инж. механикомъ и произведенъ въ кап. 2 ранга.

Обычно подв. лодки подвергаются капитальному ремонту черезъ 10 лѣтъ со дня спуска на воду. Наши лодки проплавали 11-1/2 лѣтъ и ихъ механизмы требовали капитальнаго ремонта. Французскіе заводы, строившіе лодки приготовились принять ихъ въ капитальный ремонтъ, но затрата необходимыхъ для ремонта лодокъ и содержанія за границей инженеровъ-контролеровъ и части команды гро-

мадныхъ суммъ, заставляла призадуматься надъ ассигновкой денегъ. Ежегоднаго зимняго ремонта было недостаточно, поэтому рискнули послѣ долгихъ переговоровъ и совѣщаній произвести капитальный ремонтъ въ мастерскихъ машиннаго завода «Тосмаре» (бывш. портовыхъ мастерскихъ порта Александра III). Главный надзоръ и контроль былъ порученъ мнѣ. Ремонтъ былъ произведенъ въ 4 мѣсяца, лодки совершили пробные пробѣги, погруженія, стрѣльбы изъ минныхъ аппаратовъ и были приняты комиссіей. Благодаря этому удалось съэкономить на ремонтѣ около полъ-милліона латъ. Послѣ испытанія лодокъ я былъ награжденъ орденомъ «Вѣстурса — 4-ой степени».

Въ февралѣ 1939 г. я былъ командированъ въ Гдыню, базу польскаго военнаго флота, для ознакомленія со спеціальнымъ приборомъ для испытанія торпедъ на ходу. Такой аппаратъ предполагалось пріобрѣсти для нуждъ нашихъ подлодокъ.

Я остановлюсь немного подробнѣе на моей поѣздкѣ, такъ какъ она состоялась за нѣсколько мѣсяцевъ до событій, приведшихъ ко 2-ой всемірной войнѣ. Я, со своимъ помощникомъ, миннымъ офицеромъ М., сѣли въ скорый поѣздъ Рига-Берлинъ. Въ нашъ вагонъ поѣзда, шедшаго черезъ Литву и пресловутый польскій коридоръ, на одной изъ станцій Восточной Пруссіи съ шумомъ вошли три молодыхъ лейтенанта германской арміи. Насъ въ купэ было двое латвійцевъ. Нѣмцы заняли 3 мѣста противъ насъ. На границѣ изъ Пруссіи въ польскій коридоръ въ вагонъ вошелъ польскій желѣзнодорожный жандармъ для провѣрки паспортовъ. Просунувъ голову въ наше купэ и приложивъ руку къ козырьку, бравый сержантъ попросилъ у насъ паспорта на полчаса для провѣрки. Мы и два изъ нѣмцевъ отдали свои паспорта, третій, насупившись ,молчалъ и смотрѣлъ въ окно. — «Простите, херръ лейтенантъ! Прошу вашъ паспортъ на полчаса» — попросилъ еще разъ полякъ. — «Что? паспортъ! На кой чортъ вамъ мой паспортъ?» — заоралъ юный лейтенантъ — «я и не думаю отдавать кому-то свой паспортъ!». Полякъ откозырялъ и ушелъ, промолвивъ, что вернется на обратномъ пути. Мы вышли въ коридоръ. Молодой лейтенантъ продолжалъ пѣтушиться: — «Это безобразіе какое-то! Когда же это кончится, наконецъ! Какіе мерзавцы!» — Кол-

леги кое-какъ успокоили юнца, вытащили у него изъ кармана паспортъ и отдали его потомъ вернувшемуся поляку. Эти офицерики направлялись въ Берлинъ, куда были вызваны Гитлеромъ на всегерманское собраніе молодыхъ офицеровъ (по 2 отъ каждой части), какъ пояснилъ намъ польскій жандармъ.

Въ Гдынѣ польскіе моряки съ удовольствіемъ показали все что насъ интересовало, включая мастерскія Гдынской базы.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступили тревожные дни конца августа и начала сентября. Война Германіи съ Польшей началась. Латвія объявила свой нейтралитетъ. 2-го или 3-го сентября рано утромъ передъ воротами Либавскаго военнаго порта появилась рыбачья шкуна. шедшая подъ моторомъ, но съ поднятымъ парусомъ. Шкуна не поднимала флага національности, но подняла сигналъ — просьбу разрѣшить войти въ военный портъ. Когда шкуна подошла къ стѣнкѣ базы подв. лодокъ, изъ нея вылѣзли 4 офицера польскаго флота. На шкунѣ находилось еще 3-4 сержанта. Это уже не были тѣ блестящіе офицеры съ гордой выправкой, какими я ихъ зналъ раньше. Изнуренные, немытые и блѣдные, они разсказали, что имъ чудомъ удалось проскочить черезъ германскіе дозоры передъ Гдыней. Мы тогда и не подозрѣвали, что и нашъ конецъ не за горами.

Черезъ полтора мѣсяца въ Латвіи произошло событіе, которое можно было бы назвать началомъ конца. Совѣтскій Союзъ потребовалъ отъ Латвіи (какъ и отъ Эстоніи и Литвы) уступки трехъ пунктовъ на территоріи Латвіи для устройства базъ, которыя должны были быть укрѣплены противъ возможнаго нападенія непріятеля съ Запада. Впослѣдствіи, когда мы спрашивали совѣтскихъ моряковъ, кто эти враги, они отвѣчали, смѣясь: «да это вѣдь наши теперешніе друзья — нѣмцы!»

Для устройства базъ были уступлены: Либавскій военный портъ, Виндавскій торговый портъ и участокъ около станціи Прекульнъ (для устройства аэродрома). С.С.С.Р. потребовалъ немедленно приступить къ очисткѣ уступленныхъ районовъ. Пришлось срочно начать эвакуацію военнаго порта, переброску базы подводныхъ лодокъ со складами, ма-

стерскими и канцеляріями; въ Ригу подлежали перевозкѣ также и склады адмиральскаго корабля « Virsaitis » вмѣстѣ съ запасами каменнаго угля. Все было приготовлено къ перевозкѣ въ кратчайшій срокъ — въ 5 дней. Поздней ночью « Virsaitis », обѣ подлодки, матка подлодокъ и оба заградителя, нагруженные «по горло», отошли отъ стѣнки подв. плаванія и вышли черезъ разведенный мостъ на внѣшній рейдъ и въ море. — «Прощай Либава, прощай военный портъ!» — На внѣшнемъ рейдѣ высилась темная громада совѣтскаго крейсера «Кировъ», который вошелъ въ портовый каналъ сразу послѣ нашего ухода.

Въ Ригѣ корабли выгрузили все добро подв. плаванія въ Андреевской гавани, рядомъ съ таможней. Послѣдующія событія разворачивались постепенно. 18-го ноября — національный праздникъ Латвіи былъ отпразднованъ въ послѣдній разъ, о чемъ никто еще и не думалъ. Состоялся парадъ войскъ, на которомъ, наряду съ иностранными военными агентами присутствовала внушительная группа совѣтскихъ армейскихъ и морскихъ офицеровъ.

Зима прошла спокойно. Весной корабли ремонтировались и красились около мастерскихъ Усть-Двинской верфи. Въ одно прекрасное утро я возвращался на автобусѣ изъ Уть-Двинска. Подъѣзжая къ Двинѣ мы, пассажиры автобуса, были поражены необычайной картиной: на обоихъ берегахъ Двины, на каждомъ концѣ моста стояли совѣтскіе танки въ боевомъ положеніи. Черезъ 5-6 недѣль Латвія была «добровольно» принята въ семью совѣтскихъ республикъ подъ иниціалами: Л.С.С.Р.

Флотъ и армія перешли подъ командованіе совѣтскаго начальства. « Virsaitis » и оба заградителя были зачислены въ Балтійскій Совѣтскій флотъ тральщиками, а лодкамъ было приказано перейти обратно въ Либаву. Команда лодокъ, сплошь состоявшая изъ сверхсрочно-служащихъ, была отпущена. Остался одинъ сержантъ-мотористъ, который помогалъ совѣтскимъ мотористамъ запускать дизель-моторы. Когда, черезъ годъ, началась война Германіи съ Совѣтами, подлодки были, по приказанію нач. штаба военнаго порта, затоплены. Ихъ слѣдовало взять на буксиръ и довести, по крайней мѣрѣ, до Ревеля, но въ суматохѣ объ этомъ никто

не подумалъ. Намъ потомъ передавали, что виновный въ этомъ упущеніи нач. штаба совѣтскій кап. 2 р., былъ разстрѣлянъ.

Старшіе офицеры флота: адмиралъ, командиры судовъ, всѣ три инженеръ-механика и всѣ офицеры и морскіе чиновники, служившіе въ Россійскомъ флотѣ, были уволены отъ службы. На судахъ остались всѣ остальные офицеры; нѣкоторые изъ нихъ погибли во время войны.

Еще до увольненія отъ службы офицеровъ состоялась пріемка совѣтскими моряками торпедныхъ мастерскихъ, складовъ торпедъ и инвентаря судовъ. Я сдавалъ имущество симпатичному и очень интеллигентному совѣтскому капитанъ-лейтенанту, который прибылъ съ двумя помощниками-спеціалистами по торпедному дѣлу.

За двѣ недѣли до объявленія войны Германіей, въ Ригѣ и въ остальныхъ городахъ Латвіи были совершены депортаціи-высылки нежелательныхъ элементовъ изъ населенія — около 33.000 человѣкъ. Изъ морскихъ чиновъ были увезены адм. Спаде, кап. 2 р. Месія, Кушке, Брудеръ и еще 4 офицера.

Такъ кончилась моя морская карьера въ Латвійскомъ флотѣ.

И. В. Заринъ

Инж. Мех. Кап. 1 р. В. П. Орловъ-Діаборскій .

ВЛАДИВОСТОКСКІЕ НОМЕРНЫЕ МИНОНОСЦЫ.

1904 - 1905.

Мнѣ хотѣлось бы воскресить въ памяти нашихъ морскихъ офицеровъ дѣятельность номерныхъ миноносцевъ, находившихся во время русско-японской войны 1904-05 г.г. во Владивостокѣ.

Если мнѣ не измѣняетъ память, номерные миноносцы были переведены во Владивостокъ въ 1903 г. и, по своей разновидности, представляли собой «уники» морского музея. Всѣ сни были около 100 тоннъ водоизмѣщенія.

№ 201 (лейт. В. Ломанъ) и № 202 были типа «Шихау»; № 203 (лейт. кн. Чавчавадзе) и № 204 (лейт. М. Игнатьевъ) были стараго типа «Сокола», сравнительно большіе и мореходные, вооруженные I-75 мм. и I-47 мм. орудіями и 2 минными аппаратами. № 203 былъ флагманскимъ, на немъ держалъ брейдъ-вымпелъ Гв. Эк. кап. 2 р. Виноградскій, а впослѣдствіи, въ 1905 г. — кап. 1 р. баронъ Ф. К. Раденъ. № 205 (лейт. А. Пелль) и № 206 (лейт. Д. Максимовъ) были типа Нормана (1886) съ трубой «на боку», двумя 47 мм. орудіями и носовымъ и поворотнымъ минными аппаратами. Во время войны на нихъ были установлены пулеметы, взятые изъ Владивостокской крѣпости съ прислугой — солдатами крѣпостной артиллеріи. Дальше шли «Перновки» — № 207 (лейт. П. Ч. Тигершильдъ), № 208, № 209 (лейт. А. Ломанъ), № 210 (лейт. К. Тыртовъ) и № 211 (лейт. С. Плонскій). Изъ другихъ офицеровъ отряда миноносцевъ помню Л. Муравьева, Игнатьева, Плешко, Э. Домбровскаго и А. Д. Варенова.

Я былъ назначенъ адмираломъ Бирилевымъ, прибывшимъ со своимъ штабомъ въ маѣ 1905 г. принять 2-ю Тихоокеанскую эскадру отъ адмирала Рожественскаго (!) флаг-

манскимъ инж. механикомъ Обороны Уссурiйскихъ водъ и Приморской области и получилъ наслѣдiе изъ 8 реликвiй, съ потрепанными механизмами, требовавшихъ неустанныхъ и постоянныхъ ремонтовъ. Изъ упомянутыхъ миноносцевъ № 204 выскочилъ на камни около Гензана въ мартѣ 1904 г. при бомбардировкѣ порта. Это совпало съ потопленiемъ парохода Кинчу-Мару съ батальономъ десанта подъ носомъ адмирала Камимури. Той же весной № 202, послѣ столкновенiя съ № 205, затонулъ около Скреплева. Потерь не было.

Невольно приходилось восхищаться личнымъ составомъ отряда — отлично сплававшимися командами, лихими офицерами, знатоками побережья и натренированными инженеръ-механиками. До моего назначенiя миноносцами было сдѣлано много походовъ — дерзкихъ и нахальныхъ, какъ напр. походъ кап. 2 р. Виноградскаго въ Хакодате, гдѣ, въ виду крѣпости онъ остановилъ и потопилъ нѣсколько парусниковъ и, высадивъ на послѣднiй изъ нихъ спасенный экипажъ и пассажировъ далъ свою визитную карточку, для передачи коменданту крѣпости одному изъ пассажировъ, японскому офицеру запаса.

Плаванiе весной 1905 г. было тяжелое — постоянная бурная погода, густые туманы, тайфуны . . . Миноносцы честно несли охранную службу, и выходы въ море для этихъ «пигмеевъ» были «страдные». Управлялись этими «старцами» лихiе командиры-сибиряки, и корабли 2-ой Тихоокеанской эскадры позавидовали бы тому, какъ эти 8 разновидныхъ пигмеевъ отчетливо выполняли эволюцiи по сигналу Радена. Не было ни одного островка около Владивостока, ни одной бухты отъ Св. Ольги до Посьета, куда еженедѣльно не заглядывала «пара» дежурныхъ миноносцевъ. Въ бухтахъ Св. Ольги и Св. Владимiра были склады угля. По прибытiи эск. миноносцевъ «Грознаго» и «Браваго», прорвавшихся во Владивостокъ, мнѣ пришлось срочно заняться ихъ ремонтомъ. Лѣтомъ 1905 г. всѣ суда были подремонтированы, и, имѣя два эск. миноносца, нѣсколько подводныхъ лодокъ, п/х. «Шилка» съ 120 мм. орудiями и заградитель «Монгугай», начальство рѣшилось на «авантюру». Былъ созванъ «совѣтъ нечестивыхъ» на которомъ А. Веселаго разработалъ планъ дѣйствiя отрядовъ. «Тоболъ» и тральщики успѣшно работали на фарватерѣ Скрепелевъ-Аскольдъ, охранная служба производилась какъ обычно, такъ какъ Владивостокъ кишелъ шпiонами,

распоряженіе сняться съ якоря было передано на суда въ запечатанныхъ пакетахъ командирамъ на посланномъ катерѣ. Черезъ два часа «Громкій» и «Бодрый» вышли черезъ Уссурійскій заливъ, за ними послѣдовали «Монгугай», «Шилка» и отрядъ миноносцевъ. Подлодки «Сомъ» и «Касатка», бывшія въ бухтѣ Славянка были взяты на буксиръ и отведены до Фуренгельма. «Монгугаю» было приказано поставить минную банку къ югу отъ него, «Шилка» прикрывала эту постановку. Миноносцы выходили за банку курсомъ Зюйдъ и разсыпались вееромъ. Планъ операціи былъ слѣдующій: «Грозный» и «Бравый» 20-ти-узловымъ ходомъ идутъ къ Киньшену, куда упирался лѣвый флангъ японцевъ, идущихъ на Приморскую область. Обстрѣлявъ его, они идутъ обратно и если покажутся японцы, завлекаютъ ихъ на позиціи подлодокъ или на заградитель «Монгугай». №№ миноносцы, разсыпанные за Фуренгельмомъ, отступаютъ на Посьетъ, не атакуя непріятеля. Сигнализація производится только прожекторами.

Около 11 час. дымы и прожектора . . . Авантюра не удалась, японскихъ судовъ не было обнаружено, но «Шилка» сигнала не разобрала и чуть не обстрѣляла «Грозный» и «Бравый». Сбавили ходъ и пошли во Владивостокъ, номерные миноносцы укрылись въ бухтѣ Св. Троицы. Къ вечеру подошли подлодки, и кн. Трубецкой («Сомъ») увѣрилъ Раденна, что стрѣлялъ по японскому крейсеру (!). Не знаю, кто повѣрилъ, но за этотъ походъ были пожалованы кресты машинисту самостоятельнаго управленія и минному машинисту, стоявшему на ручкахъ аппарата подлодки.

Выходъ въ море очередныхъ миноносцевъ продолжался ежедневно, ходили и къ Японіи и Сахалину, но японцы, заминировавъ входы во Владивостокъ, не покушались на жалкіе остатки тихоокеанскихъ эскадръ. Какъ громомъ поразило насъ извѣстіе о мирѣ — до этого изчезъ съ горизонта Бирилевъ и его штабъ, и кап. 1 р. баронъ Ферзенъ былъ назначенъ флагманомъ.

Демобилизація номерныхъ миноносцевъ и отправка запасныхъ «на родину» были самые трогательныя — многіе изъ матросовъ буквально ревѣли — проводить уѣзжающихъ на вокзалъ пришли всѣ офицеры. Вскорѣ началась разруха, но команда, вѣрнѣе остатки ея, остались «вѣрными».

БИБЛІОГРАФІЯ

BODO HERZOG. DIE DEUTSCHEN U-BOOTE 1906 - 1945.

234 стр. 111 иллюстрацій. Издатель Lehman Verlag, München. Цѣна 23 нѣм. марки.

Настоящая книга — справочникъ описываетъ въ таблицахъ исторію нѣмецкаго подводнаго флота съ начала подводнаго плаванія до конца послѣдней войны. Она составлена исключительно по архивнымъ матерьяламъ и имѣетъ большую историческую цѣнность. Авторъ приводитъ данныя всѣхъ построенныхъ въ Германіи лодокъ и ихъ судьбу. Въ первую войну нѣмцы потеряли 178 лодокъ и 5000 человѣкъ изъ ихъ экипажей, во вторую — 756 лодокъ и болѣе 30.000 офицеровъ и матросовъ подводаго плаванія! Отдѣльно, впервые дается хронологическій перечень дѣйствій лодокъ въ 1917-омъ году и во вторую войну и таблицы потопленнаго ими тоннажа. Какъ въ первую, такъ и во вторую войну подводное судостроеніе Германіи и размахъ дѣйствій лодокъ далеко превышали всѣ страны вмѣстѣ взятыя, поэтому настоящій трудъ надо прочесть всѣмъ интересующимся исторіей подводнаго плаванія.

WEYERS FLOTTENTASCHENBUCH 1960

Редакторъ: A. Bredt Изданіе: Lehmans Verlag. 379 стр., болѣе 1000 фотографій и чертежей.

Вышло новое изданіе этого всемірно извѣстнаго морского справочника, точность свѣдѣній котораго превышаетъ всѣ остальные. Съ года въ годъ количество чертежей увеличивается и новые условные знаки позволяютъ дать болѣе точную классификацію кораблей.

Просматривая новое изданіе бросается въ глаза почти полное исчезновеніе линейныхъ кораблей: одинъ у англичанъ, два въ резервѣ у французовъ и 6 американскихъ. Въ СССР ихъ больше нѣтъ; послѣдніе «Гангуты», прослуживъ болѣе сорока лѣтъ, пошли на сломъ. Крейсера всѣхъ странъ перевооружаются на ракетныя установки, но до сихъ поръ ни одного совѣтскаго крейсера съ такимъ вооруженіемъ замѣчено не было. Строительство классическихъ крейсеровъ тоже почти пріостановилось. Въ совѣтскомъ флотѣ новаго типа крейсера пока видимо нѣтъ и его ядро состоитъ изъ 20-ти до 24-хъ крейсеровъ типа «Свердловъ», разбитыхъ на четыре моря. Ихъ постройка началась въ 1950-мъ году или раньше и ихъ пора перевооружать. Флагманскій крейсеръ Сѣвернаго флота — «Молотовскъ» переименованъ въ «Октябрьскую революцію», на Дальнемъ Востокѣ появился «Адмиралъ Сенявинъ» и ихъ тамъ не менѣе пяти. Въ Черномъ морѣ крейсеръ «Молотовъ» (типъ «Кировъ») по послѣднимъ свѣдѣніямъ переименованъ въ «Славу», ледоколъ того же имени названъ «Адмиралъ Макаровъ» и наконецъ, пассажирскій электроходъ сталъ «Балтика». Въ большомъ количествѣ вступаютъ въ строй миноносцы въ 2600 тоннъ, прототипомъ которыхъ является «Новикъ»; Вейерсъ считаетъ, что ихъ около 30-ти. Но главнымъ оружіемъ совѣтскаго флота это его подводныя лодки, число которыхъ справочникъ опредѣляетъ въ 470 единицъ, изъ нихъ 280 постройки пятидесятыхъ годовъ, т.е. съ учетомъ опыта войны. Видимо есть лодки съ ракетнымъ вооруженіемъ.

Во всѣхъ странахъ количество строящихся кораблей съ атомными двигателями медленно увеличивается. Изъ стадіи опытовъ переходятъ на серійную постройку. Но по не совсѣмъ ясной причинѣ ихъ называютъ «дестроерами», не смотря на то, что американскіе доходятъ до 7.900 тоннъ! Силуэты у нихъ совершенно непривычные для морского глаза.

Въ совѣтскомъ флотѣ съ атомнымъ двигателемъ точно указанъ лишь ледоколъ «Ленинъ», вступившій въ строй лѣтомъ 1959-го года, но конечно тамъ тоже строятся, а можетъ быть уже есть, подводные и надводные атомные корабли.

Сообщилъ: П. А. В.

Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монтреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press", 8601, Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.